ДБ
430
И15

Ибрагимов Г.
"Татары
в революции
1905 г."

Казань,
1926.

DB
430
I15
65-2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Комиссия по проведению двадцатилетия революции 1905 г.
при ТЦИК'е и Истпартотдел ОК ВКП(б) ТР.

ГАЛИМДЖАН ИБРАГИМОВ.

ТАТАРЫ
В РЕВОЛЮЦИИ
1905 года.

Перевод с татарск. Г. Мухамедовой,
под редакцией Г. Ф. Линсцера.

150/2

КАЗАНЬ.
Издание Государственного Издательства ТССР
1926.

DB
430
И15

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Комиссия по проведению двадцатилетия революции 1905 г. при ТЦИК'е и Истпартотделе ОК ВКП(б) ТР.

ГАЛИМДЖАН ИБРАГИМОВ.

ТАТАРЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 года.

Перевод с татарск. Г. Мухамедовой, под редакцией Г. Ф. Линсцера.

150/2

КАЗАНЬ.
Издание Государственного Издательства ТССР
1926.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
536493

Главлит ТССР № 4278. Тираж 4000 экз.

Казань, 1926 г. 1-я гостип. «Красный Печатник», Казанская, 9.

От Истпартотдела ОК ВКП(б).

Первоначальная тема, которая была поставлена для настоящего труда формулировалась, как социал-демократическое движение среди татар, как работа среди татар нашей партии.

В процессе работы, однако, выявилась необходимость расширить это основное задание, введя критику всех течений и движений мелкой и крупной буржуазии, выплывших на политическую арену в 1905 году.

Необходимость такого расширения темы диктовалась не только интересами полноты. Были соображения и другого порядка. Сводятся они к тому, что в широких отсталых татарских массах до сих пор еще существуют неправильные представления об исторической роли политических врагов пролетариата и пролетарской революции. Мы говорим здесь об эс-эрах и кадетах—так называемых „танговцах" и „иттифаковцах".

До сих пор еще в сознании отсталых рабочих сохранились громкие „революционные" фразы и жесты этих говорунов и пустоговорению их придается еще какое-то значение.

Нужно было поэтому раскрыть подлинную сущность танговцев и иттифаковцев со всеми их вождями.

Нельзя забывать того, что они до сегоднешнего дня еще продолжают борьбу с Советской страной, находясь за пределами ее, на харчах иностранной буржуазии.

Таков второй—политический мотив расширения нашей первоначальной темы.

Наконец третья причина, побудившая нас к этому, состояла в том, что русскому читателю, для которого отчасти предназначено это издание, татарская действительность почти вовсе не известна, а вследствие этого и малопонятна.

Настоящая работа—первая в этом роде, издающаяся на русском языке. Это обстоятельство об'ясняет с одной стороны

встречающиеся большие подробности, с другой—некоторые неизбежные и возможные пробелы, как результат срочности работы в условиях большой загруженности автора. В будущем эти недочеты будут несомненно исправлены.

Осмысливая в целом настоящую работу, мы не можем не указать на то существенное, что в ней имеется; состоит оно в основной мысли, показанной автором достаточно ясно, что политическим руководителем и защитником интересов татарских рабочих масс в революцию пятого года была только Рос. Соц.-Дем. партия большевиков, а не какие нибудь „танговцы"—эс-эры или кадеты „иттифака", как они о себе мнили. И еще один момент, подчеркнутый автором достаточно энергично, хотелось бы отметить—это то, что татарские рабочие в борьбе с самодержавием и буржуазией шли рука об руку с русскими пролетариями под руководством единой РСДРП(больш.).

Это обстоятельство роднит и сближает рабочих обеих наций, содействует нашей интернациональной коммунистической сплоченности.

Будем надеяться, что следующая часть этой работы по революционному социал-демократическому движению татар [1]) раскроет нам картину классовой пролетарской революции татарских пролетариев с исчерпывающей полнотой.

---

[1]) Предположена следующая часть, посвященная периоду реакции и Октябрьской революции.

От переводчика.

Настоящий перевод книги тов. Галимджана Ибрагимова, является первым опытом переводчика в области переводческого искусства и недочеты в нем конечно многочисленны, в особенности в смысле передачи тонких, кованных, всегда своеобразных стилевых оборотов, столь свойственных автору.

Кроме того переводчик старался по мере сил и возможности сохранить те специфические выражения, названия и эпитеты, которые непосредственно связаны с определенными бытовыми условиями татарской среды.

Но так как выход настоящей книги приурочивался к двадцатилетию первой революции, то у переводчика не оказалось достаточного времени для составления в качестве примечания к книге списка об'яснений вышеупомянутых характерных татарских выражений.

Переводчик надеется, что эти недочеты будут исправлены во втором издании книги.

Г. Мухамедова.

Казань, январь 1926 г.

ВВЕДЕНИЕ.

I—В первой революции, революции 1905 года, молодой, начавший развиваться татарский пролетариат сделал свои первые революционные шаги.

Передовые его силы об'единились с рабочими других национальностей для борьбы против самодержавия. На этом фоне в условиях татарской действительности появились ростки марксистской мысли, возникли первые социал-демократические организации, как „Уралчелар" (уральцы).

В знаменательные дни 1905 года произошло пробуждение трудящихся татар. И хотя восставшие не в состоянии были опрокинуть врага, в борьбе они прозрели и окрепли к дальнейшим схваткам с царизмом и капиталом.

Одновременно татарская буржуазия в союзе с некоторой частью духовенства и помещиков создала под религиозными и национальными лозунгами свою крупную организацию „Мусульман иттифакэ" (союз мусульман). Ей суждено было сыграть роль как бы татарского ответвления конституционно демократической партии (кадетов).

Между этими двумя направлениями находились группировки мелко-буржуазного социализма. Они не имели ясных и определенных позиций, но несмотря на это создавали около себя много шума и полемики. Такие группочки, как „Тангчелар", „Думачелар", „Ислахчелар", „Азад-халукчелар" только на словах были социалистами, на самом же деле являлись левым радикальным крылом татарской буржуазни и вместе с ней боролись против остатков старого феодализма.

Этот последний в свою очередь, представляя собой правое крыло татарского общества, пытался сплотиться в отдельный, самостоятельный отряд—татарскую „черную сотню".

Представители этой группы вышли на арену борьбы, как сторонники и защитники старого феодально - аристократического уклада жизни, основали свой орган печати и совместно со своими русскими единомышленниками устраивали на улицах шествия с хоругвями и царскими портретами.

Революционное движение 1905 года вылило в определенные политические формы все те противоречия, которые постепенно наростали в социально-экономическом быту татарского народа, и двинуло в бой классово-политические организации всех общественных слоев с их отличными друг от друга программами. При изучении истории участия татар в первой революции этот вопрос о партийных и политических группировках является одним из основных.

II—Анализ сущности классовых противоречий и социальной борьбы в первую революцию открывает перед нами значение ее в истории культуры татар.

Во второй половине XIX века началось реформационное движение среди татар, — эпоха татарского ренессанса.

Волна этого движения чувствовалась везде в языке и литературе, в семье и школе. Но самодержавие с его политикой национального угнетения, прятавшейся под маской православия, и устремления великорусского шовинизма не давали возможности развиваться этим реформаторским начинаниям.

1905 год прорвал плотину и революционный поток его выворотил черный камень, который давил татар и мешал культурному их росту. Он ускорил ход борьбы реформизма со старым порядком, которая шла уже давно среди татар, и привел к полному расцвету молодые побеги, зревшие под спудом на своей социально - экономической почве, в татарской жизни.

Первая революция ускорила, облегчила и вместе с тем углубила этапы борьбы, которые необходимо было пройти татарам в их культурно-идеологической борьбе, чтобы подняться на высшую ступень жизни. Пятый год содействовал этому под'ему.

Это является вторым важным моментом, на который придется нам обратить внимание.

III—Но для того, чтобы верно определить степень влияния первой революции на ход классовой борьбы и культурное движение среди татар, необходимо исследовать сперва, в каком положении и на какой ступени культурного и экономического развития стояли татары до первой революции. Без этого инте-

ресующий нас вопрос не может быть освещен всесторонне и основательно.

В революции 1905 года основной движущей силой всего движения был пролетариат. Но крестьянство для победы в борьбе своей против помещиков в свою очередь должно было примкнуть к революционному рабочему классу, образовав с ним единый фронт борьбы против самодержавия.

Буржуазия в значительной степени ограничивалась разговорами и вынесением резолюций, требующих некоторого ограничения царской власти. Когда она увидела, что революция углубляется, то начала искать путей соглашения с реакцией против пролетариата и крестьянства.

Не только среди великороссов, но и у всех других народностей обширной Российской империи, у так называемых „инородцев", составлявших 56,7% всего населения страны, основные вехи, по которым шло революционное движение, суть его—одинаковы. Внешние формы проявления были разнообразны.

Национально-политическая программа у каждой национальности была своя, особая, в зависимости от экономического состояния.

Если Финляндия, Латвия и Польша, стоявшие выше коренной России в смысле развития у них капитализма, выдвигают своим лозунгом или совершенное отделение, или автономию на основе федерации, если еврейские националисты, являвшиеся представителями разбросанно живущего по всей России торгового и мелко-кустарнического слоя, требовали культурно-национального самоопределения, — то такие области, как Казакстан, Туркестан и Якутия не оглашали никакой программы.

Стремления и политика этих народностей определялись степенью развития их культурной и экономической жизни.

Изучаемые нами татары, в свою очередь, заняли особую позицию. Революция поставила перед ними специфические вопросы, во многих отношениях отличающиеся от вопросов, стоявших перед другими народами. Для того, чтобы создать себе вполне ясное и отчетливое представление обо всем этом и чтобы понять внешние формы движения 1905—07 годов, необходимо в точности уяснить себе то положение, в котором татары находились до этого времени.

IV. Какую фазу своего развития пережил в эти годы татарский народ?

Каковы были итоги первого революционного движения среди татар?

Получить более или менее исчерпывающие ответы на эти вопросы—основная цель и задача настоящего исследования.

V. Для данного труда были использованы материалы из архивов Казанского губернского жандармского управления, охранного отделения, секретного стола губернатора, затем конфискованные и случайно оставшиеся в целости книги, из числа присужденных к сожжению, газеты, журналы 1905 года, прокламации, различные тайные издания, письма отдельных лиц и т. п.

Татары рассматривались в данной работе в целом, как одна национальность, разбросанная по всей империи, а не только как народ, населяющий территорию Татарстана—Татарской Республики. Но ввиду наибольшего развития, как культурной жизни вообще, так и четкости и организованности классового расслоения татарского народа в среднем Поволжьи наше изложение коснется преимущественно его. Остальные области будут привлекаться к нашему исследованию по мере возможности.

Несомненно, что о движении среди татар в других губерниях и районах имеются весьма ценные материалы. Но наша цель и задача, не теряясь в деталях, изучить основные моменты и принципы движения.

Такая установка цели нисколько не может повлиять на правильность основных наших выводов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Накануне первой революции.

Чтобы вскрыть корни борьбы среди татар в 1905—07 годах и осмыслить те формы, в которые она вылилась, необходимо прежде всего, как указано было выше, изучить в каком положении были татары до первой революции. Для этого нужно будет осветить следующие моменты:

1. Положение в старой Российской империи татар.
2. Классовые противоречия и расслоения среди татар.
3. Предпосылки революции и подготовка к ней.

I.

Положение татар в Российской империи.

Татары, первый из народов, встретившийся московскому торговому капиталу на пути его наступления на Восток, татары—первый из народов, который был побежден и, омытый кровью тысячей жертв, присоединен к России.

Начиная с XVI века между русскими и татарами дни перемирия чередуются с днями вражды. При наступлении XX века колонизация татарского края уже закончена и татары в полном смысле этого слова замирены и покорены, что сопровождалось следующими обстоятельствами:

а) татары-хлебопашцы выселены с хороших земель, расположенных по берегам крупных рек, как например Волги и Камы (Чулман) и загнаны в отдаленные от городов, путей сообщения и рек места. Они успели совершенно забыть свои прежние насиженные поселения. Только названия некоторых имений русских помещиков, сохранившиеся от прежнего времени, указывают еще кое-где, кому принадлежали эти земли раньше.

б) В силу различных экономических соображений и благодаря методам административного воздействия и территориальной политики правительств Петра I и Екатерины II туземное население края—татары,—в самом городе Казани и Казанской губернии были оставлены в незначительном меньшинстве (в Казани в количестве 19,4 %, в Казанской губернии 31%).

в) Чувство и сознание рабства в угнетенном экономическими и административными мероприятиями татарском народе еще усиливались наличием среди татар особого общественного слоя, представлявшего собой остатки феодализма. и покровительствуемого правительством в целях создания опоры для бюрократии.

Большинство этого слоя составляло духовенство, органически связанное с древним восточным феодализмом: Бухарой и Средней Азией. Своими „указами", метриками, молитвами, возносимыми в мечетях за царя, в особенности же, своим духовным собранием, муфтиями, оно было крепко спаяно с самодержавием.

Другая категория этой же социальной группы была представлена европейски образованными помещиками, мурзами (дворяне), мелкими и крупными чиновниками и офицерством.

Эти две категории лиц, вышедших из недр „своей" татарской среды, связанных с царизмом идеологически и своим воспитанием, прочно закрепляли давно уже законченную колонизацию края.

В результате для татарских низов получалось двоякое угнетение: они изнывали наряду с туземным русским населением под тяжелой пятой царизма и помещиков и, кроме того, притеснялись ими же за то именно, что они были татарами.

г) Угнетение это в разное время носило разные формы. Иван Грозный, например, просто-напросто приказал часть татар вырезать, часть насильно крестить, часть выгнать из их собственных земель.

Во времена Петра I и Елизаветы, в интересах увеличения доходности казны, в интересах русского помещика и православного попа, при помощи подарков и освобождения от крепостной зависимости, побуждали татарских крестьян прини-

мать православие и таким путем из некоторой части татар образовались кряшены.

Некоторое время спустя для московского торгового капитала европейские границы стали тесны и ему нужно было проникнуть в Азию и завоевать средне-азиатские мусульманские рынки. Для достижения этой цели торговому капиталу необходимы были посредники для продвижения его влияния в Туркестан. Нужно было ликвидировать внутренние заграждения, и вот мы видим в эпоху Екатерины оффициальное признание мусульманских религиозных организаций.

Начиная со второй половины XIX века, после известных „реформ" в России, применительно к новой обстановке продолжается все та же политика: старые песни, но на новый лад. Ассимиляция „инородцев" в том числе и татар проводится теперь не административным путем, а методами воспитания и образования. На арене этой „культурно-просветительной" деятельности формируется особый кадр „просветителей инородцев"—ученых миссионеров типа *Ильминского.*

Основными принципами политики правительства по отношению к инородцам вообще, татарам в частности, были следующие: тормозить свободу развития родного языка, пресекать возможность зарождения национальной культуры вообще, и литературы в частности, для отвода глаз сохранять школы старого типа (мектеба, медресе), внедрить мысли, что для жизни ценное и нужное можно получить только через православное и великорусское образование.

Таким образом, постепенно достигалась руссификация инородцев.

На почве этой политики происходили подчас курьезные эпизоды, так например, в Казакстан не разрешали посылать мугаллима (учителя)—татарина, в Туркестане, придираясь к татарину, не разрешали иметь ему недвижимого имущества.

д) Кроме этих экономических и культурных мероприятий, направленных против свободного развития татарского населения, был оффициально установлен ряд административных ограничений, который ставил татарину на пути его развития непреоборимые препятствия.

Двери некоторых учебных заведений для татар были совершенно закрыты. Для поступления, например, в известный педагогический институт, находившийся в центре татарских поселений—Казани, нужно было быть христианином: татарин, желавший обучаться в нем, должен был принять православие.

Получить степень лектора или профессора в некоторых средних и высших школах для татарина было делом недоступным.

В военной карьере татарин обыкновенно не шел дальше чина полковника.

Будучи юристом, самая высокая должность, которой он мог добиться, была должность товарища прокурора.

И много можно было бы еще привести примеров ограничительных мер, которым подвергался татарский народ, как и другие инородцы, со стороны самодержавия.

Усекновение прав татарского народа (поскольку можно говорить о правах народа при самодержавии) происходило в порядке или закона, или административного произвола, или по традиции.

Эта политика национального угнетения, длившаяся целыми столетиями, так придавила психику татар, что большинством овладел мрачный пессимизм, безверие в будущее и полное подчинение „воле судьбы".

II.

Классовые противоречия и расслоения среди татар.

Социальные расслоения и классовые противоречия среди татар во внешнем их проявлении имеют много отличительных свойств. Это об'ясняется, конечно, своеобразием их исторической судьбы.

Как было сказано выше, татарский народ был покорен и присоединен к России одним из первых.

По занимаемой территории татары находятся почти в самом сердце России, настолько они близки к ее центру.

Затем, если сравнить с точки зрения широкой исторической перспективы, эти два народа по степени их культурно-экономического развития, то придется установить, что они оба до конца XVIII века стояли почти на одинаковом уровне развития.

Следствием этого было неоспоримое влияние этих двух народов друг на друга. С течением времени сила этого влияния увеличилась. Этим об'ясняется, что движения, происходившие в Российской империи, оказали сильнейшее воздействие на углубление среди татар классовых противоречий.

Но отношения этих двух народов между собой не были простыми и прямыми, а носили очень запутанный и разноречивый характер.

Татарская феодальная аристократия (помещики) после взятия Казани лишилась сначала своих поместий и богатств, но спустя некоторое время вошла в соглашение с Москвой и в течение всего XVII-го столетия пользовалась одинаковым почетом и уважением, как и русские бояре в кремлевских хоромах Москвы. Они занимали крупные должности, получали громадные угодья, щедрые дары, а в случае надобности не возражали против принятия православия. В завоевательных походах против других стран, а также в деле усмирения восставших крестьян или инородцев, они стояли в авангарде московских войск наряду с русскими боярами, проливая свою кровь в защиту „отечества" и престола.

В первой половине XVIII столетия, во времена *Петра I, Елизаветы и Анны*, удельный вес татарской аристократии в петербургских дворцах начинает падать, но с Екатерининской эпохи, когда в порядок дня ставится вопрос о наступлении русского торгового капитала на мусульманскую Среднюю Азию, отношение к мусульманам—татарам опять изменяется, и татарин—мурза получает одинаковые права с русским дворянином.

Но притеснения в прошлом значительно ослабили их экономическую базу по сравнению с русским дворянством: вновь обретенные права не в состоянии были восстановить силу и мощь татарских дворян и они очутились в положении разлагающегося класса. Начинается постепенно превращение дворян в торгово-промышленный слой.

Несомненно, что вплоть до реформы шестидесятых годов, татарские помещики продолжали владеть крепостными крестьянами татарами, но в татарском обществе дворянский класс помещиков уже не играл большой роли.

В начале XX века мы видим еще среди остатков этого отмирающего слоя, такие чисто феодального типа семьи, как

Суртлановых, генерала *Чингиза*, *Тафкиловых*, *Шейх-Галиевых* и др., которые своими крупными историческими заслугами перед самодержавием стояли очень близко к петербургским дворцам. Но они являлись исключением.

Большая же часть татарских дворян, мурз—помещиков, совсем обеднела и образовала новый социальный тип, известный под названием „мурзы в лаптях", а некоторая часть их, сумевшая сохранить свои имения с хозяйством среднего типа, как например, *Алкины*, *Апанаевы*, *Ахтямовы*, *Джантурины* и другие, не отрываясь от хозяйства, вынуждены были делать карьеру и богатство при помощи „общественной работы".

Эта последняя категория дала многих работников для татарского буржуазного движения.

На долю татарского торгово-промышленного класса выпала тоже своя особая судьба.

Болгары, древнее Казанское государство, в отношении мелких ремесл и торговли, были для своего времени сильным государством. Но семена эти не могли дать тех ростков, какие мы наблюдаем в росте буржуазного класса в Европе. Внешние бедствия временами тяжело калечили их и ставили большие преграды на пути их развития.

Несмотря на это татарский торговый класс продолжал существовать и медленно развиваться. Он использовал свое положение на Волге, которая является международным водным путем между Востоком и Западом, а также и близость свою к Средней Азии в языковом и религиозном отношениях.

После, когда вследствие развития техники, в особенности в последней половине XIX века, различные части света и России связываются сетью железных дорог, Казанская область осталась в стороне и роль этого района в торговле и промышленности начала постепенно падать.

Но так как в остальной России промышленность и торговля развивались, то татарский торговый капитал перебросил свои силы из Казанской области в другие места, например, в Башкирию и Сибирь.

В городах, которые служили связывающими звеньями между Востоком и Западом, почти вся торговля перешла в руки татар; так это случилось в Астрахани, Уральске, Оренбурге, Орске, Троицке, Кзыляре (Петропавловске), Семипалатинске и др.

Кроме этой пограничной полосы, вся Башкирия с Уфой и ее уездами, Сибирь и Дальний Восток, от Читы до Харбина и Владивосток покрылись сетью отделений и агентств татарского торгового капитала.

Но самым мощным районом этого капитала была та полоса, которая лежала между средней Азией и Европой, в особенности же Оренбург—Каргали и Троицк.

Эти города находились на пути в Туркестан и Бухару, были воротами в Казакстан, и потому во второй половине XIX столетия татарский торговый капитал работал и боролся здесь весьма серьезно. Но все же его положение в этих местах не было прочным.

До завоевания Туркестана и Бухары, чуждые по религии и языку, русские и еврейские торговцы не могли проникнуть вглубь этих стран.

После шестидесятых годов, когда Средняя Азия пала под натиском Российской империи, обстоятельства изменились и татарский капитал из монопольного превратился в конкурриpующий.

Путь для русских и еврейских торговцев открылся.

В руках татарина остался один только козырь, именно: родство языка и религии, и поэтому он в отношении к торговым элементам других национальностей Азии, в особенно же в Казакстане, занял более выгодное положение.

Но это преимущество имело значение и могло быть с успехом использовано только при закупке сырых продуктов по рукам, а когда дело доходило до завоевания крупного рынка, то сейчас же наружу выплывала необходимость конкуренции с торговцами русскими и евреями.

Кроме того в то время роль татарского торгового капитала сводилась лишь к посредничеству: он собирал сырые продукты Азии и переправлял их в Россию и Европу, фабрикаты же Москвы и Запада распространял в Азии. Известная фирма *Хусаиновых* Гани и Ахмет, королей татарского торгового капитала, существовавшая во второй половине XIX столетия в Оренбурге и Казани, приводит следующие очень интересные цифры:

Цены в 70-х годах XIX века.

НАЗВАНИЕ	Сырые продукты Азии				НАЗВАНИЕ	Фабрикаты России			
	В Казалы		В Оренбурге			В Оренбурге		В Казалы	
	Цена		Цена			Цена		Цена	
	Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.
Баранья шкура . . .	—	45	—	90	Железо	2	20	4	—
Кишки	—	5	—	30	Чугун	1	90	5—6	—
Шерсть	1	50	4	-	Стекло	7	—	16	-
Верблюжья шерсть .	3	—	5	—	Керосин	1		4 – 6	—

Эти цифры воочию показывают, как выгодны и прибыльны были те посреднические операции, которыми занимался татарский торговый капитал. Причины стихийного роста татарского капитала в последней половине XIX века нужно искать именно в этих цифрах.

Данный материал, взятый непосредственно из бухгалтерской книги фирмы *Хусаиновых*, раскрывает перед нами прибыльность торговли в самом обширном районе, где татарские купцы взяли верх в торговой конкуренции над прочими, вследствие религиозного и языкового родства с туземцами Средней Азии. Это с одной стороны.

Другая часть татарского торгового капитала использовала культурный прогресс, начавшийся во второй половине XIX века в России. Остатки Касымского ханства (в Рязанской губернии) созданного в свое время Московским правительством с целью прикрытия, маскирования подлинных намерений своей политики, так называемые, рязано-шанкирманские татары нашли широкую арену для торговой деятельности, благодаря увеличивающейся в связи с ростом промышленности сети железных дорог. Бывшие рестораторы-татары перебросили свои капиталы и своих наймитов официантов-татар в буфеты вокзалов только что проложенных железных дорог, а также в рестораны оживляющихся городов. Вокзалы столиц, восточные и западные железные дороги покрылись сетью татарских буфетов и ресторанов.

В строительном железнодорожном процессе Казань была обойдена: ее железная дорога упиралась в тупик, моста через Волгу проложено не было. Таким образом, центр Татарии—Казань—в торгово-промышленном отношении на много отстала от своей периферии, от своих отростков. Ичиги, галоши, тюбетейки, кумгангы, мыло, немножко мануфактуры, выделка кожи, полиграфическое производство—вот вся промышленная и торговая деятельность Казани.

Теперь центр тяжести, основная сила и значение Казани не в торговле и промышленности, а в подготовке шакирдов, хальфы (учителей), мулл, муларрисов, в создании, издании и распространении различных книг.

Для понимания вышеприведенного явления необходимо иметь ввиду, что когда начали чувствоваться первые приливы революции, т. е. в начале XX века,—татарский торговый капитал перестала удовлетворять простая купля и продажа и он начал стремиться к созданию себе определенного положения в промышленности, в производстве.

Между второй половиной XVIII и первой XIX века на Казанской территории в руках татар сосредоточилось порядочное количество фабрик и заводов. Но по мере развития новой современной техники и промышленности в России, а также вследствие того, что Казань, благодаря неправильно проведенной железной дороги, попала, как указано выше, в тупик и оказалась отрезанной от сети железных дорог, промышленность Татарии падает.

Капитал же, который, как мы видели, вырос на периферии Казани к середине XIX столетия достиг апогея своего развития и в начале XX века получил тенденцию к превращению в промышленный капитал.

В годы, когда чувствовались предвестники революции в России, на границе с Азией заготовка мяса, обработка кишек, большие мукомольные мельницы были всецело в руках татар. В среднем поволжьи из среды татар выделялись такие крупные фабриканты-текстильщики, как *Акчурины, Агишевы, Дебердеевы* и другие. На Урале в руках татарских капиталистов оказались значительные золотые прииски (например, *Рамеевых*).

Эти богачи, являвшиеся очень тонкой прослойкой в татарском обществе, были, конечно, по своим взглядам запад-

никами и представляли прогрессивный элемент. Несмотря на их малочисленность, они всетаки стремились играть первую скрипку в татарской общественной жизни.

Связь, устанавливающаяся между представителями либерально-буржуазных писателей (например, *Гаспринским Фатых Каримовым* и др.) и вышеуказанными прогрессивными промышленниками, конечно, не является случайностью, напротив, это было вполне естественным и закономерным явлением, ибо и те и другие были авангардом, пионерами нового движения одной и той же исторической силы, причем первые (интеллигенты) являлись идеологическими представителями второй (прогрессивной буржуазии).

Этот эксплоататорский класс, класс капиталистов и помещиков сидел всецело на шее татарского крестьянства, которое вошло в историю XX столетия не как целая однообразная масса, а в расслоении на разнородные противоположные друг другу в экономическом отношении элементы.

Среди татарского крестьянства мы наблюдаем те же основные три категории, которые наблюдали и в русском, а именно: 1) безземельные бедняки-батраки, 2) богачи-кулаки и 3) крестьяне-середняки, имеющие свое хозяйство и обрабатывающие его своими силами без помощи батрацкого труда.

В истории, с оффициально-правовой точки зрения, мы видим только два разряда крестьян: к первому относились—облагаемые налогами крестьяне, (Ясакче), которым в русском общественном быту было присвоено наименование „государственным крестьян"; ко второму—крепостные крестьяне, которые в давние времена (во времена ханов) назывались „чура", „колчура", т. е. „раб-чура".

После завоевания татар Москвой эта категория была отнесена к лицам, находящимся в состоянии крепостного права.

После шестидесятых годов XIX столетия эти правовые нормы изменились: крестьяне - татары вошли в состав общего сословия всероссийского крестьянства.

В официально-правовом отношении, как и в своей повседневной жизни и экономическом быту татарское крестьянство оказалось в одинаковом положении с русским: 1) как русские, так и татары одинаково платили налоги земству и государству, 2) на одинаковых началах шли в солдаты, 3) в волостном суде получали одинаковую порцию розог, 4) один и тот же

урядник, тот же земский начальник властвовал над теми и другими, 5) в области хозяйственной техники и техники труда они находились на одинаковом уровне: борона, соха, коса, серп, телега, сани, лопата, топор, пила, плуг, цеп, вилы и другие орудия домашнего хозяйства у того и другого были одного типа, 6) в основном у тех и других господствовала одна и та же система хозяйствования—трехполье, 7) в значительной мере были одинаковы душевые надельные нормы земли*), приходившиеся на отдельного крестьянина.

Но если в основных типических чертах, труд и хозяйство татарских и русских крестьян были очень схожи, то в частностях татарская крестьянская действительность, конечно, обнаруживала свои специфические бытовые особенности, которые их значительно отличали от русских крестьян.

Колонизаторская политика Российского правительства, как уже было упомянуто, согнала татарское крестьянство с насиженных мест и отодвинула их поселения в глухие места, находившиеся в отдалении от городов, крупных рек, больших дорог.

Лучшие земли перешли в руки русских помещиков, а из этого, как естественный вывод, вытекает, что после раскрепощения крестьян русские остались на плодородных и удобных землях. Это обстоятельство создает благодарную почву для возникновения тех черт, о которых говорилось выше.

Затем, отсутствие агрономов-татар, а также примерных показательных имений близ татарских селений и другие подобные факторы послужили причиной к тому, что хозяйство татарского крестьянства оставалось на низком уровне.

Ведение всех административных дел только на русском языке, сравнительно высокая ступень русской городской культуры, которая хотя очень мало и очень отдаленно, но все-таки отражалась в быте и хозяйстве русского крестьянства, отсутствие всего этого и еще много другого несомненно тормозило развитие как экономического, так и культурного быта татарского крестьянства.

Оно понемногу стало отставать.

Необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что кроме общего для всей России угнетения и ограбления

*) По статистике Наркомзема—наделы татар были все же меньше наделов русских крестьян.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
536493

крестьянства, чинимого государством, татары угнетались еще особо, как „татары", в результате ставки, сделанной самодержавием, на твердую православно-национальную политику, осуществляемую всем государственным аппаратом.

Вследствие этого, несмотря на первоначально почти одинаковую степень развития сельского хозяйства и схожесть в условиях быта, татарин-крестьянин по сравнению с русским падал все ниже и ниже. Лошадь у него всегда худая, овцы и коровы низкорослые, не породистые, дом и службы бедные, сбруя сделана из мочалы, телега, сани и все сельско-хозяйственные орудия, по типу однородны с русскими, по качеству ниже.

В итоге всех вышеуказанных причин, психология татар по сравнению с душевным состоянием русского крестьянина является еще гораздо более подавленной, угнетенной и приниженной: в плохоньком чекмене, в лаптях, с шапкой под мышкой, пришибленный, обиженный, несчастный - вот знакомая нам из прошлого фигура крестьянина-татарина, способного часами простаивать у крыльца какого-нибудь правительственного учреждения в ожидании русского чиновника.

Но эта несчастная фигура не является общим типом всего татарского крестьянства: это тип бедного крестьянина-батрака и крестьянина-средняка до 1905 года.

Над этими двумя стояла третья фигура, которая успела окончательно оформиться еще до первой революции,—это тип татарского деревенского кулака, хорошо упитанного, крепкотелого.

Он запросто обходился с урядником, напивался с ним, заставлял плясать его под свою дудку, а если надо было, угощал и земского начальника, задаривал его, и таким образом, достигал своей цели. В городе он без затруднения находил пути и к судье, и к нотариусу, и в банк, и без замешательства входил туда, обделывая свои делишки.

Без сомнения, эти расслоения среди татарского крестьянства существовали давно; так, например, немецкий путешественник Георгий описывает татарскую деревню 1770 года приблизительно такими словами: „... в татарских деревнях Казанской и Оренбургской губерний бывает больше ста домов... в домах богатых имеются стекла в окнах или пузыри, у бедняков же

имеются только двери и одно окно; у бедняков дом состоит только из одной избы...".

Один из представителей комиссии, созванной Екатериной в 1767 году, татарский крестьянин (кулак) говорит так: „Земли у нас мало, притом плохая, поэтому занимаемся торговлей, иначе невозможно прокормиться и платить налоги".

Бедняк-батрак, за неимением земли, идет в услужение. Браться за торговлю может, конечно, только тот, у кого имеется в руках некоторая сумма денег, т. е. богатые представители деревни или такие лица, у которых по прошлой их жизни имеется опыт и навыки в торговой конкуренции. Начиная же со второй половины XIX века, расслоения в деревне выступают еще более резко.

Развитие техники в России, в частности и в тех местах, где живут татары, вторжение в деревню денежных, буржуазных отношений, продолжение развития сети железных дорог, упорядочение водных путей сообщения способствуют в деревнях под'ему сельского товарного хозяйства. Это обстоятельство еще более углубило расслоение татарского крестьянства. [1])

Перед первой революцией бедняцкое население деревни уже не в состоянии находить средств к существованию только батрачеством у сельского кулака или заработком у помещика, и в большом количестве уходит на фабрики и заводы.

Рост промышленности, особенно усилившийся к концу XIX столетия, привлек многих из них на работы по постройке железных дорог, в шахты Донбасса, Урала и Сибири. Часть из них, не желая возвращаться в деревню, где у них не было ни хозяйства, ни имущества, стала пополнять ряды только что начавшего развиваться молодого татарского пролетариата.

Верхи деревни, т. е. кулацкие элементы, чувствуя себя стесненными, связанными по рукам институтом общинного землевладения и превосходно учитывая, что на землях, взятых в аренду, нельзя построить прочного хозяйства, начинают скупать земли у разорившихся помещиков. Но этот метод поднятия своей земельной собственности доступен только верхнему, самому богатому слою сельского кулачества. Кулак среднего

[1]) Цифровые данные по вопросу расслоения татарского крестьянства по признакам хозяйственников и безхозяйственных, мало земельных и много земельных, будут помещены в книге „Татарстан", составляемой нами и выходящей в скором времени.

типа, на полях которого в сезоны косьбы, жатвы и молотьбы работают сверх постоянных наемных работников временные батраки по-десятинно, начинает заниматься торговлей.

Вследствие этого у него постепенно начинает налаживаться с городской буржуазией связь, которая все более и более крепнет. В результате же этого общения в нем мало по малу изживается деревенская косность и фанатизм. Мысль его становится более подвижной и прогрессивной и, если от какого-либо нововведения он чувствует прибыль, выгоду,—он без раздумья вводит его. Богатство, которым он обладает, помогает ему в этом деле.

Начиная с 90 годов среди татарского крестьянства были уже такие хозяйства, которые имели железные плуги, косилки, веялки и паровые молотилки.

Владельцам этих хозяйств, конечно, удавалось раньше всех кончать свои полевые работы, а затем представлялась возможность эксплоатировать при помощи своих машин остальную деревню, отдавая их напрокат населению.

В былые времена, в силу известных исторических причин, многие городские жители из татар рассеялись по деревням.

Эти городские выходцы приносили с собой в деревню городские обычаи, разнообразный опыт и более высокое по сравнению с деревенскими жителями развитие. Они воспользовались переменами, происшедшим в пореформенной России, накопили материальные средства, укрепили свое общественное влияние в деревне и приобрели большую силу среди татарского крестьянства. Они стали передовым слоем деревни. И староста, и урядник, и мулла и муэдзины, и земский со старшиной находились под их влиянием. Среди татарского народа роль кулака гораздо серьезнее, чем роль русского кулака у русского крестьянства.

Между этими двумя слоями: кулацким и бедняцко-батрацким, широким морем разлилось крестьянское середнячество.

Это количественно весьма значительная группа, все усилия свои в сфере экономического строительства устремившая к тому, чтобы сохранить свое старое крестьянское хозяйство, поддерживая его личным трудом,—встретила революцию пятого года в страшно подавленном, сильно угнетенном состоянии, как со стороны нового капитализма, так и со стороны поддерживающего его самодержавия. Она не видела исхода из своего тяжелого положения.

Попутно необходимо сказать несколько слов о мелких ремесленниках, занимающих видное место в татарской жизни.

Их было две категории: одна работала в деревне, другая—в городе.

К категории *сельских ремесленников* относились: плотники, пильщики, посудники, арканщики, портные, сапожники, и другие. Некоторые из них жили исключительно своим ремеслом и не занимались сельским хозяйством, для некоторых же ремесло являлось побочным заработком, которым они занимались в свободное от основной крестьянской работы время.

К городским ремесленникам принадлежали: золотых и серебряных дел мастера, сапожники (ичиги и галоши), тюбетейщики, портные, мыловары, шапочники. зеркальщики, переплетчики, вышивальщики, вырезальщики, повара, ямщики, кожевники и другие. Все городские ремесланники жили исключительно своим ремеслом и никаких побочных доходов не имели.

При вступлении в XX век татары—ремесленники почти не имели уже, как раньше, собственных домов, своих орудий производства. В связи с высоким развитием промышленности, ростом водных и железных путей сообщения вырос для ремесленного типа производства сильный и опасный противники—конкуррент в лице фабричного товара. В итоге этого столкновения татарское ремесло вообще, в частности в Казанской области, впало в тяжелый кризись, из которого были только два выхода:

1. Часть мелких ремесленников была принуждена взвалить на плечи свои орудия производства и отправиться в районы, куда еще не докатилась волна совершенствующейся промышленности. Казанские портные, золотых и серебряных дел мастера и много других ремесленников рассеялись по Башкирии и другим окраинам России, где живут татары. Их гнала невозможность найти себе пропитание на родине.

2. Большую же часть ремесленников втянул в себя татарский капитал, начавший переходить в то время от торговли к „мануфактуре“. С переходом на заводы и фабрики торгового капитала ремесленник перестает уже быть самостоятельным хозяином. В Казани например фирма *Гайнутдинова* собирает сырой материал и за известную плату отдает его для обработки мелким ремесленникам, живущим в селах или городских поселках. Какой порядок производства наладился в Казани, может показать следующий пример.

Капиталист *Сабитов* собирал шкуры и отдавал их в обработку ремесленникам села, скажем хотя бы Ивановки. После обработки он же отдает их для покраски в село Покровку. После покраски эти шкурки переходят через руки нескольких специалистов:одни делают заготовки для ичегов, другие вырезают узоры, третьи приготовляют подошвы. В результате получаются ичеги, башмаки, сапоги. Также через руки нескольких специалистов проходят тюбетейки и др. товары. После того, как продукт готов приказчики упаковывают его в ящики отправляют на ярмарку в Сибирь или Туркестан. Так работали крупные фирмы.

Татарский торговый капитал, как видно из этого примера, упразднил самостоятельную продукцию мелких ремесленников и дифференцировал их труд на ряд разнообразных, узких специальностей. Оставалось сделать еще один шаг: собрать всех этих специалистов в один большой дом, под одну крышу, дать им работу по специальности и из этого дома выпускать готовые продукты и.. мануфактура готова.

Перед революцией пятого года мелкие ремесленники, в особенности городские находились в очень незавидном положении. Городская жизнь, несомненно, развивала их сознательность, а потому в дни революции они, как и шакирды, и приказчики, стояли на стороне красных. Из их рядов пошли в революционное движение и выдвинулись в нем такие передовые деятели как слесарь *Мустакимов*, шапочник—старик *Биктагиров* и др.

Из татарских общественных групп в первой революции особое и довольно видное место заняли приказчики. С развитием татарского торгового капитала количество их росло, а вместе с тем поднималось их общественное значение. Но детальнее на этом вопросе остановимся при описании самого движения 1905 года.

Самым молодым слоем в социальной структуре татарского общества, несомненно, является пролетариат.

В России в XIX столетии, в особенности, во второй его половине к исходу, крупными шагами продвинулось развитие техники в промышленности: увеличилось число фабрик и заводов, расширилась значительно сеть железных дорог, укреплялся промышленный капитализм.

Эта новая фаза капиталистического развития не могла не коснуться деревни. Бедняки—батраки идут в город в поисках заработка, становятся там на работу на фабриках, постепенно теряют совершенно связь с деревней и переходят в ряды городского пролетариата.

Тоже происходит и с мелким ремесленником, который лишившись своих орудий производства, пошел наниматься к капиталисту.

Процесс пролетаризации татарских крестьян и ремесленников продвигался довольно медленно. Но в 1905 году молодой татарский пролетариат уже в состоянии был выделить из своей среды бойцов, которые боролись против самодержавия.

Но всетаки необходимо признать, что в то время татарская рабочая масса одной только ногой стояла в городе, а другой еще находилась в деревне.

Если подразделить татарский пролетариат по районам, в которых он работал, то мы увидим, что положение к пятому году было приблизительно следующее:

Если население Казани и ее окрестностей притягивали к себе заводы и фабрики Алафузова, Пороховой слободы, Крестовникова, то большинство нижегородских, пензенских и тамбовских татар притягивали к себе мануфактурные фабрики Московской и Владимирской губерний; вятские татары ходили на работы в Ижевский, Бондюжский и Кокшанский заводы; из Симбирского района татары нанимались большей частью в текстильную фабрику *Акчуриных*. Жители Тетюшского, Лаишевского, Свияжского районов уже издавна тяготеют к Москве и Донбасу, Бугульминские и Мензелинские уходят в Уральские, главным образом, в Златоустинские и Челябинские заводы и шахты.

Но это естественное районирование осуществлялось лишь в нормальные периоды жизни.

Во времена голода и безработицы рабочие-татары все больше и больше удаляются от своих насиженных крестьянских мест. Сибирь, Ленские прииски, Туркестанские шахты и хлопковые предприятия, Астраханские рыбные промыслы и порты, Бакинские нефтяные фонтаны—вбирали в себя татарскую крестьянскую бедноту, а оттуда она выходила закаленными рабочими.

По словам старого шахтера *Мухаммед-Жан Хусаинова* (газета „Кзыл Татарстан", 1923 г., 14 марта), татарские рабочие появились в Донбассе уже с 50-х годов XIX века.

Заводы, находящиеся в сердце Татарии, Казани и на Урале, к моменту вспышки первой революции насчитывали уже в своих рядах порядочное количество рабочих—татар.

Среди татар в то время, было мало рабочих с высокой квалификацией. Политика национального угнетения, которой самодержавие придерживалось по отношению к „инородцам", не давала возможности татарским рабочим учиться, слушать специальные курсы—квалифицироваться. Но из этого всетаки нельзя выводить заключения, что все они были чернорабочими. В зависимости от того, в какой отрасли производства (специальности) работали рабочие—татары, их можно подразделить на следующие группы:

1. Самый большой процент среди них падает на „горнорабочих". Колыбелью их является Урал, но они рассеяны также и по Донбассу, Сибири, Туркестану и Кавказу.

2. Второе место занимают кожевники. Основное место их работы—Казань, но достаточно их и в Уфе, Оренбурге и других городах.

3. Полиграфические рабочие. Их работа играла огромную исключительную роль, ибо плоды ее являлись не только достоянием татар, а распространялись на все тюркские народности. В этой области промышленности рабочие—татары работают уже давно и постоянно.

4. Деревообделочники—рассеялись по всем затонам Волги и Камы, по деревообделочным заводам Урала и по реке Белой.

5. Химики—работали в Бондюге, Ягодной, Царицыне и на других химических заводах.

6. Строительные рабочие занимаются на железных дорогах, на постройках мостов, зданий, обтесывают камни, обжигают кирпичи.

7. Транспортники. В старое время это были проводники караванов, в последнее время—на больших реках—баржей, бурлаки, грузчики, барабузы, ломовики, ямщики. Незначительное число железнодорожников и водников входят в эту же категорию.

При изучении положения татарского пролетариата во время революции 1905 года, мы должны иметь ввиду вышеука-

занные три момента, а именно: 1) что татарский пролетариат не был еще окончательно оторван от деревни, 2) что благодаря политике национального угнетения, отсталость рабочей татарской массы по сравнению с русской, в смысле квалификации и подготовки, была значительна, 3) что рассеянность его среди рабочих других национальностей не давала возможности татарскому пролетариату сплотиться в одно целое. [1]) И несмотря на неблагоприятные условия при наступлении первой революции наш рабочий класс рос и подымался.

III.

Предпосылки революции и подготовка к ней.

Для полноты освещения этого вопроса нужно проанализировать социальное и культурное состояние, степень идеологического и исторического развития татарского народа, словом всю общественную жизнь татар перед революцией 1905 года.

До нее в татарской общественной жизни шла ожесточенная борьба между молодой, быстро развивающейся, по европейски прогрессивной, реформационно настроенной татарской буржуазией и остатками старого татарского феодализма (кадым), связанного по всей своей идеологии с востоком, Средней Азией, в частности, Бухарой.

Первые искры, первые проблески этого движения начались в сре́дине XIX столетия.

При наступлении XX века, борьба успела уже сильно разгореться, а первая революция ускорила конец ее, дав победу одной из борющихся сторон. Борьба эта, широко развернувшая фронт во всей татарской действительности, сопровождалась в процессе своем большим шумом, ярой полемикой, страстными выпадами в прессе и взаимными инсинуациями, вплоть до тайных доносов самодержавному правительству.

Период этот, который мы можем считать периодом предпосылок и подготовки почвы для движения 1905 года, распадается на следующие этапы.

---

[1]) Этот момент нужно было бы иллюстрировать цифровыми данными, но ввиду того, что самодержавие в своей статистике не освещало этой стороны вопроса, то в настоящий момент собирать эти материалы почти невозможно.

а) Времена схоластики и „мектеб“ старого типа.

До середины XIX столетия, во всем татарском мире господствовала старая идеология, созданная татарским феодализмом, который к данному времени превратился в отмирающую и выраждающуюся общественную структуру.

Вся культура, все просвещение было в руках старого духовенства.

Чиновников-мурз, получивших воспитание свое на русском языке и в русских традициях, татарин не считал за „своих“ и они не в состоянии были оказать на идеологию татар никакого влияния. Наоборот, они на каждом шагу поддакивали фанатизму татар.

Этот период в жизни татар можно сравнить со средневековьем Западной Европы.

Если в средние века на Западе царил католицизм, языком религии и науки была латынь, а сама наука выливалась в форму схоластики, то среди татар до 50-х годов XIX века мы можем наблюдать аналогичную общественно-идеологическую структуру.

Разница сводится к тому, что центральной регулирующей силой в условиях татарской жизни был не западно-европейский католицизм, а ислам востока, а господствующим языком религии была не средневековая латынь, а арабский язык.

Наука же и философия татар этих времен, как и наука католического средневековья, обнаруживала черты подлинной схоластики, путем логических построений доказывавшей истины ислама и прибегавшей, в случае надобности, к помощи древне-греческой философии Платона, Сократа и Аристотеля,

Эта идеология, выросшая на почве феодализма, внешние свои формы и систему заимствовала в Средней Азии, в Бухаре. этой цитадели схоластики, по преимуществу через посредство существующих между ней и Россией тесных и развитых торговых сношений.

Политика национального угнетения русского самодержавия привела к тому, что татары стали избегать всего, что напоминало о русских. А отсюда боязнь перекинулась и на европейскую культуру.

Сознательное и последовательное отрицание европейского, в частности русского влияиия не только в области идеологии,

но и в сфере внешней культуры: в одежде, обычаях, устройстве домашней жизни, утвари, приобрело для татарина значение религиозного культа. Изучать русский язык—харам (не допускается—грех), ходить в шляпе, в брюках на выпуск, отращивать волосы, вообще одеваться по европейски—харам. И в мектебе, и медресе, во всей системе татарского просвещения старание отмежеваться от русских и европейцев было одним из самых основных условий работы.

Приписываемые Магомету слова „если кто похож на представителя другого племени, то не принадлежит к данному племени", которые даже у исламских ученых считались подложными, среди татар приобрели большую популярность и служили как один из самых сильных аргументов в пользу отрицания чужеземной культуры.

Таким образом руссификаторская политика самодержавия достигла результатов во всех отношениях противоречащих ожиданиям: вместо ассимиляции татар, получилось сильнейшее отвращение ко всему русскому.

В устойчивости и жизнеспособности нашего религиозного фанатизма эти обстоятельства играли безусловно видную роль.

б) На путях к обновлению и реформам.

Сильно развившаяся за 20-е и 40-е годы русская промышленность привела к „реформам" шестидесятых годов.

В связи с видоизменением русской действительности изменилась также несколько и грубая прямолинейная политика притеснения.

Кроме того, с развитием промышленности окрепла и молодая татарская буржуазия и значение этого класса в татарском обществе усилилось. Этот монополист в торговых сношениях с Востоком повернулся теперь лицом к Москве и Европейскому Западу.

Передовые элементы его, начавшие перестраивать весь свой экономической быт на основе русско-европейской куль-

---

[1]) Детальнее этот вопрос, главным образом его экономические основы, освещены в следующих книгах: 1) «Сборник имени *Каюмы Насыри*» (в первой и последней статьях книги); 2) «Вопросы языка, орфографии и литературы» (в статье «Метод Марксизма в изучении татарской литературы»), а также 3) сборник «За 5 лет» (в статье «Что дали эти 5 лет татарской культуре»), 4) «О пролетарской литературе» и 5) «Черные вехи». Все эти книги на татарском языке.

туры, встретились на своем пути с сильной конкуренцией. Татарская общественность подпала под влияние обновленной „пореформенной" русской культуры, торговли и промышленности. Этот сильный сдвиг, конечно, должен был вызвать надлом и трещины в идеологии и психике старого уклада жизни, он взбудоражил умы передовых людей. Стремление к обновлению, которое стало намечаться во второй половине XIX века, в особенности последней его четверти, является плодом этого брожения.

Если схоластический период в жизни татар, о котором речь шла выше, напоминал собой средние века, то настоящие стремления многими своими моментами походили на XVI век, эпоху возрождения и реформации на Западе и на времена борьбы Ломоносовых в России начала XVIII века. Но конечно, нужно оговориться, что как во внешних формах, так и в темпе движение среди татар во многих отношениях отличалось от аналогичных движений на Западе и в России.

Первые пионеры возрождения среди татар, как *Насыровы*, стали с научной точки зрения изучать татарский язык, который до того времени находился на изгойном положении даже среди самих татар.

Эти передовые культурные работники начиная с 60-х годов разработали этимологию, синтаксис, стилистику и орфографию татарского языка, составили словарь его. Кроме арабского языка у нас был в ходу литературный язык, именуемый „тюрки тэль". Но он, как и другие отрасли идеологической жизни татар, был связан с Средней Азией и находился под влиянием Джегатайского языка. Широкая масса его не понимала, так как многие слова в нем были арабские, фарсецкие или джегатайские. Содержание такой литературы всегда было религиозное.

Насыри первый выступил в поход против этого старого искусственного литературного языка и вышел на арену боя с лозунгом восстановления в правах подлинного, неприкрашенного, народного языка.

На этом простом татарском языке он издал и распространил много, небывалых для того времени, книг по истории, географии, геометрии, арифметике, гигиене, космографии, физике, химии и из других областей науки, материалы для которых он брал из русских и европейских источников.

В 1870 году он задумал издавать газету, под названием „Тан Юлдузы“ (Полярная Звезда), но при строгом режиме самодержавия и татарского фанатизма, этому начинанию не суждено было сбыться.

После этой неудачи *Насыри* принялся издавать календарь ежегодник.

Этот выдающийся человек не был еще свободен от религиозных предрассудков. Он получил религию в наследие от прошлого, старого уклада жизни и не мог вырваться из ее тисков. Но огромная заслуга этого реформатора заключается в том, что он решительно и смело повернулся лицом к европейской культуре и понес плоды ее в татарский народ.

Общая судьба пионеров науки и культуры постигла и его.

Старый мир повел нападение на него: „слепой Кайюм“, „русский агент“, „продажный миссионер“,—вот те прозвища, которые он получил в вознаграждение за свою работу.

Но его начинания, его идеи были результатом определенного экономического сдвига, коренились в условиях изменившегося экономического быта, а потому они, несмотря ни на какие нападки, жили и развивались. Он издавал свои книги на свои заработанные учительством копейки и сам же распространял их. Передовые татары покупали его сочинения и читали их. Из этого следует, что Насыри в своих стремлениях не был одинок, а находил для своих работ сочувствие и поддержку в прогрессивных слоях татарского общества.

С течением времени нашлись люди, которые начали сотрудничать с Насыри и самостоятельно работать в этой области, и число их с каждым годом все возрастало.

в) Реформы в медресе.

Ученый реформатор *Хусаин Файзханов*, скончавшийся в 1866 году от чахотки, был одним из пионеров реформы медресе. Он был связан с *Марджани* [1]), был преподавателем восточного факультета Петербургского Университета и, будучи во многих отношениях радикальнее Насырова, первым напал на религиозную схоластику, прочно внедрившуюся в дело просвещения татар и показал пути к новым стремлениям.

[1]) Религиозный реформатор и первый историк татар, работавший во второй половине XIX столетия.

В своей книге, именуемой „Ислах мадарис“ (школьная реформа), которая до сих пор еще не напечатана, он разносит старые школы, находя их совершенно негодными, не отвечающими целям и предлагает уже в шестидесятых годах проект о реорганизации медресе, сводящийся в основных чертах своих к следующему:

— Нужно получить у русского правительства разрешение и денег для открытия в Казани высшего учебного заведения, в котором преподаваться будут не только религия, но и светские науки, и русский язык. Затем жизнь шакирдов, управление медресе, вся жизнь их и правила, нормирующие эту жизнь, должны быть точно такими, как в русских учебных заведениях или как в турецких школах нового типа.

Эти предложения являлись для того времени чрезвычайно смелой, еретической, „красной мыслью“ и татарские фанатики не хотели и слышать о них. Даже такие люди, как религиозный реформатор Марджани, убоялись его „радикальной“ программы и не соглашались с ним, утверждая, что он своими проектами открывает пути для руссификации.

Но идея Файзханова не умерла. В течение семидесятых и восьмидесятых годов она продолжала бродить в уме передовых татар, а в девяностых она постепенно начала проводиться в жизнь. Медресе, основанные на этих реформационных устремлениях татарской буржуазии, как-то: медресе „Хусаиния“, „Бубы“, „Мухаммедья“, впоследствии „Галия“—были реализацией файзхановской программы шестидесятых годов.

г) Движение джадидов (ново-методистов).

Одним из участков реформационного фронта, создавшим около себя много шума, было г. н. джадидовское движение.

Раньше у нас школы были исключительно религиозные. Дети начинали свою учебу с изучения арабского языка, на котором написан коран и который для татар являлся таким же языком религии, как латынь для католиков и церковно-славянский язык для русских.

Татарские дети, не зная арабского языка, само собой разумеется ничего не понимали. Преподавание велось путем механического заучивания и зубрежки. Выучив наизусть аяты (главы) из корана, учащиеся кончали школу, пробыв в ней

5—6 лет и не научившись даже письму. Метод преподавания был—слоговый.

В период возрождения, начавшегося во второй половине XIX столетия, по почину *Исмагила Гаспринского*, началась борьба за введение в татарские школы нового метода преподавания (эсул джадид).

Программа эсул джадида в общих чертах сводилась к упразднению слогового метода преподавания и переходу на звуковой (саутия).

Затем выдвигались требования: обучение детей письму, ведение преподавания по азбуке, составленной на родном языке, изучение корана по таджвиту [1]), а религии по книгам, изданным на татарском языке (гильм халь и тарих мукаддас [2]), обучение детей элементарнейшим сведениям из области арифметики и географии.

По своему направлению *Гаспринский* и его сторонники „джадиды" были лишь отвлетвлением одного общего реформаторского фронта, на котором боролись вышеупомянутые *Насыров и Файзханов.*

Так как вопрос о школе был очень близок и дорог татарскому народу, то он принимал живейшее участие в этой борьбе, причем сторонников нового метода преподавания и реформ народ называл „джадидами", а противников его „кадымами".

д) Новыя веяния в области изучения языка и литературного творчества.

Таким образом, в сфере культурных вопросов началась новая жизнь: на очередь была поставлена разработка татарского литературного языка, стали переводить с русского и других европейских языков разные научные книги; *Марджани и Файзханов* выступили с критикой старых легендарных книг по татарской истории и приступили к серьезному и научному изучению этих вопросов; мектеб и медресе примкнули к эсул джадид.

Одновременно духом обновления повеяло и в художественной литературе; литературное творчество неустанно раз-

---

[1]) Наука о правильном чтении корана.

[2]) Катехизис, священная история.

вивалось, даря татарскому народу художественные создания в новых формах.

Так, в 1886 году появился первый реалистический роман из татарской жизни на татарском языке, под названием „Хисаметдин Мулла", принадлежащий перу *Ак'ектазадэ*. Вслед за ним вышли в свет рассказы *Загир Бигеева*.

В 90-х годах новое реформационное движение нашло своего певца: поэт *Акмэльля* начал восхвалять обновление и обличать старину.

В конце девяностых годов в рядах реформаторов мы видим литераторов: *Фатыха Каримова, Ризаэтдина, Г. Камала. Г. Исхакова.*

В 1903 году поэт *Меджид Гафури* написал поэму „Сибирская железная дорога".

Все они в один голос ополчились на пережитки старого феодального уклада жизни, резко нападая на старых мулл, ишанов, муридов и вообще все старозаветное и звали к новой западно-европейской культуре.

Они встали на защиту эсул-джадида, реформации религии, европейской науки, но вместе с тем они касались и бытовой стороны жизни, открыто агитируя и выступая в литературе с призывом к созданию новых форм жизни. При избрании мулл, говорили они, не надо руководствоваться тем, что он махдум (сын муллы), а нужно исходить из того, как он образован. В одежде, во внешнем строении жизни и вообще во всех светских делах, в торговле, ремеслах, промышленности, в воспитании и образовании нужно брать пример с Европы. Необходимо сбросить покрывала с женщин. Учиться нужно в русских, по европейскому образцу организованных школах. Только таким путем можно вывести нацию на широкую дорогу прогресса.

Язык всех этих писателей все более и более приближался к чистому татарскому, но под влиянием *Гаспринского*, они несколько отклонились от линии намеченной *Насыровым* и не могли вполне освободиться от влияния османизма. Эти люди были боевым, передовым отрядом армии джадидов.

Но и „кадым"—представители отмирающего старого порядка не бездействовали, не молчали.

За трапезой, на базарных площадях, в темных закоулках глухих мест, везде, где царило еще грубое невежество и

большая косность, продолжали они свою борьбу за старозаветные формы жизни под лозунгом: „все старое—свято, джадиды—безбожники". При посредстве *Гиладж-муллы* (*„железное доказательство против джадидов"*), *Ишмия*, *Садык Иманкулы* и др. издавали книги, в которых поносили джадидов и старались подорвать их дело. Но изо дня в день они теряли свое влияние и сдавали позицию за позицией.

Революционное движение, усилившееся в России в девяностых годах, повлияло и на татарскую буржуазную молодежь: почти целиком она переходит на сторону реформационного движения: все мектеб, медресе и приходы, находящиеся в крупных торгово-промышленных центрах, постепенно попали в идеологическую зависимость от джадидов.

К началу XX столетия в истории татар мы застаем джадид-буржуазию, одерживающую по всей линии верх над стариной кадымов, остатками феодализма.

В таком состоянии борьбы застала эти две группировки нагрянувшая революция 1905 года.

е) Политический момент.

Прогрессивная татарская буржуазия была безусловно враждебно настроена против самодержавия и его строгого, давящего режима. Но протест этот не выливался в определенные, яркие формы.

Они таили его внутри себя, и не шли дальше плаксивых сетований и мелких пересудов в своей среде.

Известно, что когда то, очень давно татары восставали против московского государства.

В XVI веке после взятия Казани было восстание татар совместно с чувашами и черемисами, в XVII столетии в смутное время, потом в движениях Разина и Пугачева татарское крестьянство принимало участие вместе с русскими крестьянами.

Но за этими событиями в истории татар последовала длительная полоса затишья. Повстанческих вспышек не было.

Об'ясняется это, с одной стороны, тем, что татары были сильно угнетены, в результате чего ими овладело состояние глубокого пессимизма и безверия в возможность лучшего будущего, с другой стороны тем, что правительство в это время дало татарам некоторую религиозную свободу, открыло духовное собрание, вследствие чего часть татарских мулл передалась на сторону самодержавия.

Такими приемами воздействия через подчинение своему влиянию мулл русская власть усыпляла мозг татарина, останавливало его на пути к культурному развитию, и он замолк в своей невежественной темноте. Случались, конечно, мелкие движения, вспышки, но они являлись не следствием непосредственного и открытого столкновения классовых противоречий: они протекали под религиозными лозунгами.

Гнетущая реакция, захватившая Россию в 80-е годы, с некоторым опозданием, в девяностые годы, стала отражаться и на татарской общественности.

Татарские книги, изданные вне России, не допускались в татарские школу, религиозные книги, печатавшиеся в России, строго просматривались цензором и некоторые части их не допускались к печатанию, из корана намеревались изъять главу, (в переводе на русский язык) — называвшуюся: „Скажи им: эй вы, неверующие". Распространился слух, что есть предположение конфисковать все религиозные книги. Среди татар возникла паника, беспокойство. Среди приверженцев религиозного фанатизма началось повальное бегство в Турцию (гиджрат). Многие в самом деле уехали, некоторые же предполагая бежать, распродали свое имущество.

Такая же история повторилась во время переписи 1897 года.

Циркулировала провокация, что перепись производится в целях крещения инородцев. В результате—опять волнения и слезы, опять Турция и гиджрат.

В течение ряда столетий политика притеснения русского правительства сеяла в среду татар семена подозрительности и недоверия, которые и давали такие фантастические всходы.

Сторонники религиозного фанатизма в свою очередь не гнушались заниматься доносами царским властям на джадидов.

Миссионеры-руссификаторы после 60 х годов начали применять новые методы в деле ассимиляции инородцев, но к реформационному движению джадидов они относились отрицательно и всячески старались сохранить старый порядок.

Должностные лица правительства почуяли выгодность данной политики и везде проводили ее в унисон с упомянутыми выше лицами.

Чиновник правительства, миссионер-руссификатор и старорежимный мулла вот те три силы, которые в союзе друг

с другом тянули назад пробуждающуюся татарскую общественность в закуту косности.

Закрытие летних полуторамесячных педагогических курсов для учителей, организованных в 1901 году в Каргале, Оренургской губернии, известным капиталистом *Гани-Баем* при содействии реформатора *Фатыха Каримова*, на основании только того, что отсутствовали паспорта у некоторых курсантов,— является одним из проявлений данной политики.

Но татарская буржуазия не особенно близко принимала к сердцу такие случаи и бороться с самодержавием в серьез не думала. Только некоторые отдельные лица пытались выйти на широкую арену и открыть борьбу против царизма.

Среди этих борцов-одиночек выделяется *Рашид-Казы*, который в жизни татарских панисламистов этого времени играл роль вечевого призывного колокола.

Беспокойный по натуре свой человек, *Рашид-Казы* бросил в 1893 г. духовное собрание, где он был кадыем и уехал в Стамбул; об'ехал весь исламский мир и в египетской газете „Эньниль" написал ряд статей, в которых указывал на продолжавшуюся политику насильственного крещения татар в России. В 1895 году он написал и издал в Стамбуле довольно бессистемную, но пылающую агитационной страстью и исполненную призывом к борьбе против самодержавия книгу под названием „Чупан юлдузы".

Эта книга была первым эмигрантским произведением первого татарского эмигранта, первым и единственным, которое до революции 1905 года сознательные татары, скрывая от полиции, передавали из рук в руки и читали с большим интересом. Эта книга стоит всецело за реформационные устремления.

Изобличая муфтиев, она утверждает, что у нас сменились уже пять муфтиев, но среди них еще не было ни одного порядочного человека. В этой книге проводится последовательно мнение, что для проведения реформ в школе необходима европейская культура, но здесь же резко осуждаются все европейские правительства за обирание исламских народов.

Не менее резко критикуется и руссификаторская политика самодержавия. Но книга эта была голосом вопиющего в пустыне, а сам *Рашид-Казы* не мог оказать влияния на политическое движение среди татар в смысле его сплочения, ибо у него не было определенной, разработанной программы, не было и понятия о необходимости организованной борьбы.

После возвращения своего в Россию, он просил разрешения на издание газеты, но само собой разумеется, не получил его. Тогда в 1900 году он взялся за периодическое издание „Мир'ат-кюзгэ" (зеркало). Это издание представляло из себя журнал-книгу, размером в 3—4 печатных листа, выходившую в разные сроки и насыщенную статьями, которые все были направлены на защиту нововведений и борьбу с стариной.

После *Кайюма-Насыри* попытки к изданию газеты были предприняты и *Рамеевыми*, и педагогом *Максудовым*, но самодержавие не допускало претворения этой идеи в жизнь, так что до революции 1905 года у татар не было ни одной своей газеты.

Довольно сильно было стремление организовать татарский театр, но дело ограничилось только устройством любительских спектаклей в интеллигентных семьях, да и то лишь после 90-х годов.

Самодержавие особенно тщательно угнетало своих пасынков татар, удушая на первых же порах, в зародыше такие начинания, как издание газет и журналов, организацию театра, созыв с'ездов, устройство курсов и т. п.

Татарская буржуазия была внутренне чрезвычайно недовольна таким положением вещей, но она не в состоянии была создать никакой подпольной организации, не сумела сплотить свои силы и соорганизоваться на основе определенной политической программы.

Но что же делал в это время пролетариат?

Татарский пролетариат был очень отсталым. Однако, несмотря на то, что культурный его уровень был очень низок, некоторые представители его, а также лица, связавшие свою судьбу с его судьбой, вступили на подготовительный путь к борьбе.

В социал-демократических кружках, работавших в 90-х годах на Алафузовском заводе были такие рабочие татары, как например *Зариф Сафар-Галеев.*

Некоторые молодые интеллигентные татары присоединились к татарскому пролетариату и примкнули к революционному движению. Так, например, *Хусаин Ямашев*, уже с 1903 г. начинает под руководством Казанского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии подготовлять среди татарской молодежи и рабочих борьбу против самодержавия.

В таком состоянии вошли татары в революцию 1905—06 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Главнейшие политические течения среди татар.

I.

Против самодержавия.

Сильная волна первой русской революции, начавшейся под руководством пролетариата, подхватила и татар. Крах дальневосточной авантюры, позорный для самодержавия исход Русско-Японской войны и кровавая трагедия 9 января с полной очевидностью обнаружили перед народными массами всю беспомощность и развал правительства, жестокость и антинародность всей его правительственной системы.

Движение, развернувшееся во всей России после кровавого воскресенья близко коснулось и татар.

Октябрьские забастовки, захватившие Россию, пробудили революционный дух даже в самых темных и отдаленных закоулках татарской действительности.

Манифест 17 октября, обещавший долгожданную конституцию со всеми свободами, суливший гарантии религиозного и национального самоопределения, свободу слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенность личности и жилища— вдохнул свежую струю жизни даже в самые закоснелые и отсталые слои общества.

Татары начали стекаться на митинги и массовки, стали появляться на демонстрациях с красными знаменами, беспрестанно сталкиваясь с полицией. Татарские революционеры, до сих пор работавшие в подпольных кружках и на тайных собраниях, закрыто, в домах, теперь выходят на волю, к открытой деятельности.

На татарских собраниях, маджлисах и митингах энергично звучит призыв к решительной борьбе против самодержавия.

Печать оживляется: одна за другой издаются политические брошюры, появляются на свет татарские периодические издания (газеты, журналы), исполняется мечта 70-х годов, которой не суждено было осуществиться тогда благодаря тормозу правительства.

Не только в таких местах сосредоточения татар, как Казань, Петербург, Москва, Оренбург, Астрахань, но и в небольших уездных городах как Троицк, Уральск начинают выходить газеты и журналы на татарском языке.

Приказчик-татарин, который до этих пор не смел шага ступить без разрешения своего хозяина, теперь стремительно бросается в самую гущу движения.

Вопрос о реформах в школе, которым до этого времени занимались исключительно передовые деятели татарской общественности, теперь начинает интересовать всех учеников-шакирдов.

В крупных медресе Казани, Оренбурга, Астрахани, Троицка, Уфы и других городов, которые и до того по своему направлению были джадидскими, учащаяся молодежь в борьбе за дальнейшее обновление школьной жизни стала применять впервые пролетарские методы борьбы: если им отказывали в исполнении их требований, то они все вместе бросали школу и уходили, т. е. об'являли своеобразную забастовку.

Самый темный, отсталый и косный слой татарского народа—крестьянство тоже начинает понемногу просыпаться: организуются и здесь передовые силы.

А в татарских рабочих районах не прекращаются митинги, забастовки, массовые собрания, беспрестанные столкновения с полицией, идет подготовка к вооруженному восстанию на основе лозунгов, брошенных в массы большевиками.

Встрепенулась и буржуазия. Сначала она задумала провести некоторые свои требования при помощи с'езда духовенства, который был созван под крылышком духовного собрания в апреле 1905 года. Но через некоторое время она сделала еще один шаг вперед, устроив во время Нижегородской ярмарки на одном из окских пароходов вдали от зоркого глаза полиции свой собственный с'езд, на подобие с'ездов представителей земств и городов, происходивших в России.

Буржуазия, как видно, тоже приступила к действиям.

В процессе этой борьбы, развернувшейся по всему фронту татарской жизни, наряду с частностями и специфическими требованиями отдельных социальных групп, обнаружился общий враг: целый ряд явлений государственной и общественной жизни, который вызывал решительное недовольство во всех прогрессивных слоях общества.

Происходившая до этого времени в скрытом виде борьба против самодержавия и кадымов, против пережитков восточного феодализма в идеологии и быте—стала явной, открытой. И из этой борьбы, давно начатой, победителями вышли сторонники реформ.

После того, как они одержали победу над старым бытом, перед ними встала очередная задача—продолжать бой за строительство новой национальной культуры.

Газеты и журналы, политические агитационные книги и научно-литературные труды, стихи, рассказы и драмы стали появляться в изобилии на татарском книжном рынке. Родился татарский театр. Увеличилось число новых школ, возникли новые благотворительные общества, росли издательства и развивалось типографское дело.

Таким образом, наряду с разрушением старой, созидалась новая национальная культура. Борьба против самодержавия шла нога в ногу с борьбой против кадыма, борьбой за новую идеологию, за новую культуру.

Но нужно иметь в виду, что в этой борьбе перевес был на стороне не культурного, а политического момента: движение развивалось исходя из политических лозунгов.

Масса шла в бой с заветной мыслью завоевать свободу и окончательно, бесповоротно уничтожить самодержавие и бюрократию.

В сентябре 1905 года Ленин писал следующее:

— *„Революция, переживаемая Россией, есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его. Самое существование современного общества, построенного на основе товарного хозяйства, при громадном различии и противоречии интересов разных классов и групп населения, требует уничтожения самодержавия, политической*

свободы, открытого и непосредственного выражения интересов господствующих классов в устройстве и управлении государством...".

(Том VI, стр. 486 „Социализм и крестьянство").

Смысл и значение этих слов мы проверили на опыте татарской жизни.

Кроме немногочисленных татарских феодальных семей, тесно связанных по своему классовому положению с царским троном, небольшой группы ишанов, стремившихся сохранить старый порядок—идеологию кадыма—как в России вообще, так и среди татар в интересах своей профессии, и их последователей черносотенцев-торговцев, все остальные классовые группировки выступили на открытую борьбу против самодержавия, сообразно требованиям их классового сознания и интересов.

II.

Внутренние расслоения.

Когда мы говорим, что в 1905 году народ вступил в революционную борьбу с самодержавием, то мы конечно твердо знаем, что в термин „народ" мы не вкладываем понятия о чем то однородном, монолитном, а вполне сознаем его расслоенность на разные классовые группировки с их специфическими интересами и программными требованиями. Ленин писал:

— *„В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна—общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая– классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройства общества*",

(Том VI, стр. 487 „Социализм и крестьянство").

Эти слова, сказанные относительно России, вполне приложимы и к татарскому обществу.

Программа либеральной татарской буржуазии ограничивалась требованиями политической свободы и демократических гарантий, пролетариат же, высоко державший знамя револю-

ционной социал-демократии, наряду с этими требованиями, как основную цель движения, выдвигает борьбу за социализм.

Между этими двумя основными группами, обозначавшими две противоположные классовые позиции, стояли группировки, которые называли себя социалистами, но на самом деле были только радикально-либеральными представителями буржуазного класса.

Процесс революционной борьбы рельефно подчеркнув различие экономических интересов этих двух классовых точек зрения, уточнил и углубил классовые позиции отдельных расслоений татарского народа. Для полного анализа социальных расслоений и политических течений татарского общества необходимо остановиться на следующих моментах:

1) первые шаги татарских рабочих и группа „Уралчелар";

2) татарская буржуазия и ее партия „Иттифак";

3) различные группы мелко-буржуазного социализма.

Перечисленные выше политические течения являются основными. Мы будем их разбирать каждое в отдельности. Что же касается маленьких группок, незначительных ответвлений от общего ствола, то на них мы будем останавливаться попутно.

III.

Первые революционные шаги татарских рабочих и группа „Уралчэлар".

Выше мы показали, в каком положении находился татарский пролетариат накануне революции 1905 года. Мы там установили следующие положения:

1) татарский пролетариат не был еще окончательно оторван от деревни,

2) благодаря политике национального угнетения отсталость рабочей татарской массы по сравнению с русской, в смысле квалификации и подготовки, было значительна,

3) разсеянность его среди рабочих других национальностей не давала возможности татарскому пролетариату сплотиться в одно целое.

Если мы припомним биографии ныне здравствующих старых рабочих большевиков татар, то мы на них увидим подтверждение всех этих фактов.

Так, напр., отец товарища *Гайнуллина Хайруллы*, из числа рабочих-коммунистов Бондюжского завода, уже в 1875 г. работал на фабрике Мышкина в Казани. Сам тов. *Гайнуллин* родился уже на фабрике в семье настоящего рабочего и рос как подлинный пролетарский ребенок.

Родители рабочего большевика тов. *Зарифа Сафар-Галлеева*, в 60-х годах жили в Казани как истые пролетарии. *Зариф* увидел свет в 1871 г. на Алафузовском заводе и вырос среди копоти и дыма фабричных труб.

Отец тов. *Минуллы Вахитова* был беднейшим безземельным крестьянином. Он в 1878 году бросил деревню, чтобы искать работы на Казанских заводах; здесь у него родился сын.

Тяга из деревни к индустрии во второй половине XIX в. продолжалась все время; известно, что она особенно усилилась к концу его.

В промышленном районе Донецкого бассейна рабочие-татары начали появляться уже с 50-х годов XIX века.

Старый рабочий - большевик *Сибгат Гафуров* вышел из среды того пролетариата, который, оторвавшись от своих родных волжских пашень, потянулся к далеким бакинским нефтяным промыслам.

Заводы Алафузова и Крестовникова, пороховой завод в Казани, шахты Урала и Донбасса, Сибирские прииски, Бакинские нефтяные фонтаны и другие промышленные районы—вот те места, которые привлекали к себе беднейшее татарское крестьянство. Здесь они становились на работу и отсюда они выходили закаленными борцами, пополняя ряды пролетариата.

В силу чрезвычайно притеснительной политики самодержавия в сфере национального вопроса, о которой неоднократно говорилось выше, татарские рабочие являлись пасынками среди пасынков России. Их профессиональная квалификация и общее развитие были еще ниже, чем у русских рабочих. Но участие в индустриальной жизни принесло несомненные плоды: татарские рабочие значительно подвинулись в своем развитии и в состоянии были итти нога в ногу с развивающимся революционным движением.

В результате векового и последовательного административного угнетения старого режима татары оказались рассеянными по всей России. Не менее, если не более, был разбросан по заводам и фабрикам всей России татарский пролетариат.

На Бондюжских и Казанских заводах, а также на Симбирских и Пензенских текстильных фабриках количество татар рабочих иногда доходило до 50%, в остальных же промышленных предприятиях России число их было весьма незначительно.

Само собой разумеется, что татарское рабочее движение со всей его энергией влилось в общее рабочее движение. Татарский пролетариат совместно со своими разноязычными товарищами участвует в забастовках, вместе с ними он выступает против полиции, вместе с ними устраивает демонстрации.

Передовые люди из среды татарских рабочих совместно со своими разноплеменными товарищами работают в кружках, ходят на подпольные собрания, массовки, вместе сидят под стражей, вместе отправляются этапным порядком в ссылку.

При изучении этого большого и интересного вопроса мы должны будем остановиться на освещении следующих четырех моментов:

1) на партийно-организационном вопросе (партийное, кружковое, массовое движение);

2) на татарских прокламациях, как одном из средств агитации и пропаганды;

3) на газете „Урал“;

4) на истории деятельности первых большевиков из татар.

1. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ.

В газете „Пролетарий“, выходившей в 1905 году под руководством Ильича в Женеве, в № 22 от 11/24 октября мы читаем:

„Работа комитета распространяется, между прочим, и на татар. Они не выделены в особый район, их передовые люди входят наравне с прочими в организаторские группы, некоторые посещают русские кружки, все ходят на общие массовки. Но в силу особенного языка приходится устраивать кружки с преподаванием на татарском наречии, иногда устраивать первоначальные организационные собрания только из татар, чтобы затем привлечь их к организации. Необходимо переводить листки на татарский язык, печатать их могут тоже только татары. Для этой цели при К. находится организатор-татарин, мнение которого очень ценится комитетом, что вполне понятно, если при-

нять в соображение, что 30% населения Казани—татары. Между прочим, он—основательный социал-демократ „ортодоксального" толка без малейшей примеси национализма".

Мы вправе считать вполне достоверным источником газету „Пролетарий", выходившую под редакцией Ленина и являвшуюся органом центрального комитета партии социал-демократов-большевиков. Мы с сугубым доверием должны отнестись к помещенной выше заметке, ибо знаем, что информация с мест в центральный парторган расценивалась партией, как большая ответственная работа и нельзя было посылать в нее не проверенных и не сответсвующих действительности сообщений. Поэтому мы полагаем, что вышеприведенное сообщение являетея достаточно солидным документом для того, чтобы сделать на основании его ряд выводов в области организационных вопросов.

Форма организации татарской социал-демократии в революцию 1905 года и методы работы среди татар были примерно следующие:

1. Рабочие из татар не стремились создать свою отдельную партию; наоборот, они входили в состав общей социал-демократической партии, работали совместно со своими товарищами-пролетариями других наций и боролись сообща под единым знаменем социалистического интернационала.

2. Но для усвоения настроения татарской массы и для ведения агитации и пропаганды среди нее необходимо было применять особые специфические методы и формы работы. Основные моменты этой организационной методики сводились к следующему:

а) обязательное вхождение организатора татарина в партийный комитет,

б) организация отдельных татарских пропагандистских кружков,

в) устройство (иногда) особых первоначальных организационных собраний,

г) издание на татарском языке политической литературы,

д) совместное устройство забастовок, массовок, демонстраций и пр.

Эту схему организационных форм подтверждают все архивные материалы.

Согласно заявлению тов. Зарифа Сафар-Галеева здесь изображена группа рабочих Алафузовского завода 1892 года.

(В этой группе сняты т.т. Сафар-Галеев, Вахитов и др. рабочие-татары).

Среди организационных форм партийной революционной работы виднейшее место занимают: 1) партийная организация как таковая, 2) кружковая подпольная работа и 3) массовая борьба.

2. ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

В девяностых годах в России марксистская мысль начала быстро развиваться среди рабочих и молодежи; стали организовываться социал-демократические кружки.

Эта волна докатилась и до Казани.

И здесь основываются аналогичные кружки. В них мы видим работающими наравне с другими пролетариев—татар. Согласно данным статьи сотрудника Центрального Истпарта тов. Лифшица („Очерки истории социал-демократических организаций в г. Казани 1888—1916 г.г., ч. I, стр. 22) и материалам, находящимся в архиве жандармского управления, одним из первых татарских социал-демократов был *Зариф Сафар Галеев.* В 1893—95 годах он работал в социал-демократическом кружке Алафузовского завода, организовал среди своих товарищей-татар по заводу маленький подпольный кооператив, находился в близкой связи с такими известными деятелями, как Ефим Табейкин, Петров и др. [1]).

За такую деятельность 22 декабря 1895 г. царская полиция заключила Сафар-Галеева под стражу, а потом отправила в ссылку. До 1899 года он пребывает под гласным надзором полиции. Такая же участь постигла и его русских товарищей: Петрова сажают в тюрьму, Табейкина отправляют в ссылку в Архангельскую губернию на четыре года. Накрывают весь партийный комитет. Как видно, всю беду, переживаемую русскими подпольщиками, переживает вместе с ними и рабочий татарин, социал-демократ.

При наступлении XX го столетия, в связи с всероссийским движением, начинается брожение среди студентов Казанского Университета. Они налаживают связи с рабочими и приступают к социал-демократической пропаганде.

Во второй половине декабря 1902 г. организуется Казанский Комитет Социал-Демократической Рабочей Партии. Работа оживляется. В этой организации мы видим среди русских татар-

[1]) Как на одного из активных работников среди татар в тогдашнее время можно указать еще на Сафиуллу Галиакберова.

ского интеллигента *Ибрагима Ахтямова* [1]), который являлся в то время одним из серьезных и дельных работников Комитета. Ему была поручена работа по пропаганде и созданию литературы, в частности составление прокламаций на русском языке.

В начале 1903 года через того же *И. Ахтямова* вошел в связь с Казанским Комитетом Социал Демократов *Хусаин Ямашев.* В эти годы развития революционного движения среди учащейся молодежи всей России и татарская молодежь в Казани, в особенности учащиеся „татарской учительской школы" пережили период революционного под'ема. *Х. Ямашев* вышел из среды последних и присоединился к социал-демократической организации. В скором времени Комитет признав его выдержанным интернационалистом—социал-демократом, поручил ему роль организатора среди татар.

Хусаин Ямашев
в период его работы в казанском комитете Р.С.Д.Р.П.

Таким образом татарская молодежь вышла из узких рамок татарской жизни и представители ее начали работать совместно с представителями других наций в одной общей организации.

---

[1]) Ахтямов до 1903 г. был искровцем, после раскола ушел к меньшевикам, а после Октябрьской революции сделался активным работником в лагере белых.

На основании шифрованной телеграммы из Петербурга от Департамента полиции за № 02150 от 11 декабря 1905 года, Казанское губернское жандармское управление приступило к ликвидации Казанского комитета С.-Д. организации.

Во время этого знаменитого эпизода из истории революционной борьбы, в Казани 12 декабря в квартире *Ямашева* был произведен обыск.

Согласно ордеру охранки, *Ямашева* должны были арестовать, но так как он к этому времени успел скрыться и перешел на нелегальное положение, то полиция не могла найти его. По этому случаю жандармское управление делает следующее донесение:

„15 декабря произведен обыск, задержан не был—скрывается. По агентурным сведениям член Комитета Соц.-Дем. организации. Данными наружного наблюдения вполне установлена связь с другими членами Комитета. Выступал оратором на митинге в Алафузовском заводе“
(дело № 38 т. II, лист 602).

В тех же материалах жандармского управления о Галимджане Сейфутдинове, заключенном под стражу во время провала 12 декабря, мы находим следующие сведения:

„К 1 октября текущего года, судя по данным агентуры, в Казани действовали следующие революционные организации: 1) Казанская социал-демократическая организация, единственная имеющая правильную солидную организацию. Во главе организации стоит комитет из 10 лиц... Комитет имеет в своем ведении пять районов: Алафузовский, Крестовниковский, военная группа, крестьянский и городской. Во главе каждого района стоит организатор—член комитета. Все остальные члены организации составляют периферию. Из числа последних обращают на себя особое внимание..... быв. ученик татарской учительской семинарии Галимджан Сайфутдинов“...
(дело № 38 т. 2 листы 516—517, 1905 г.).

Рабочие татары не только в Европейской России, но и на отдаленных окрайнах присоединялись к интернациональной социал—демократической партии, а не пытались организовываться в отдельные самостоятельные татарские группы. Об этом мы находим любопытные сведения в Бакинских материалах.

Тов. *Джагфар Якупов*, крестьянин Нижегородской губернии, Сергачского уезда, уже с 1903 года активно работает в рядах кавказской организации Р. С. Д. Р. П. Кроме того он был казначеем союза нефтяных рабочих.[1]) Волжанин, тов. *Сибгат*

Галимджан Сейфутдинов.

Гафуров, который с 1904 года участвовал в Бакинских политических организациях и казанец *Садык Сагеев*, работавший там в 1907 году, руководствовались в своей политической деятельности теми же принципами совместной революционной работы с другими национальностями России и не проявляли никакой склонности к сепаратизму.

В одном бакинском сборнике мы читаем:

„Чисто партийная, организационная работа за период с 1905 года до конца 1908 года была поставлена очень широко, так как в этот промежуток работали в Баку лучшие наши т. т.: *Шаумян, Алеша, Серго, Германов, (Фрумкин), Слава, Тимофей Спандорян, Коба Сталин, Николай*

[1]) Этот товарищ в настоящее время в Закавказье занимает пост Народного Комиссара Труда.

Петербуржец, *Семен Черногородский*, *Семков*, *Макар* (*Ногин*), а также и сильные активные рабочие, из которых мне вспоминаются следующие: *Вацек*, *Горобченко*, маленький *Мамед* (*Мухтадар*), С. *Гафуров*, *Ваня Фиолетов*, *Кази Мамед*, *Лункин*, *Я. Лаврентьев* (*Турецкий*), *Гамид*, *Моторин*, *Трофимов*, *Вано Стурца*, *Павел Качамазов*, *Боков* и другие".

(Сборник „25 лет бакинской организации большевиков", 192 стр.)

Итак мы видим, что бакинские рабочие с.-д. *Якупов*, *Сагеев Садык и Сибгат Гафуров* исходят из тех же принципов совместной работы, как и политические деятели Казанско-Волжского района: *Ямашев и Сейфутдинов*. Это убеждение в необходимости и единственной правильности совместной работы сложилось не стихийно, а вполне сознательно, что мы ясно видим, главным образом, из статей газеты „Урал".

Во второй государственной думе, одна часть партии „Мусульман Иттифакэ" (мусульманского союза) уклонилась влево и организовала по примеру русских трудовиков „мусульманскую трудовую группу", Газета „Урал" приветствовала их уход из „мусульманского союза", но одновременно резко критиковала за то, что они об'единились в отдельную организацию под специфическим названием „мусульманской".

На этом вопросе мы подробнее остановимся в ближайшее время, а пока приведем некоторые не лишенные интереса выдержки из газеты „Урала":

„Оказывается у этого новорожденного ребенка [1]) и имя очень хорошее. Говорят, что среди них есть муллы: должно быть под звуки „азана" нарекли ему имя. Мы говорим, что партия „мусульман иттифакэ" в один прекрасный день лопнет, а сейчас предсказываем, что и этот новорожденный, нареченный именем „партия мусульманской трудовой группы" со временем разлетится в пух и прах.

Кому нужна эта „партия"?

Политические партии в сущности не подразделяются на „мусульманские", „христианские", русские" и „татарские", а каждая партия составляет один большой союз, защищающий интересы определенного класса.

[1]) Речь идет о «мусульманской трудовой группе».

Правление союза нефтепромышленных рабочих в Баку (в заднем ряду первый слева тов. Гафуров)

Если вновь родившаяся партия представляет трудовой элемент, то почему же эти представители, вышедшие из состава мусульманской группы, не вошли просто в трудовую группу Думы, а организовали отдельную „партию мусульманской трудовой группы“?

Каждому известно, почему мусульманские капиталисты и их сторонники--„националисты“ беспрестанно твердят: „мусульмане“, „мусульманские“, „мы мусульмане“.

Мы никак не можем понять, почему люди, отделившиеся от богачей под лозунгом „работа в пользу народа“ не могут отделаться от понятия „мусульманское“, Или они не знают, что истинно политические партии не подразделяют людей по религиям и национальностям“?
(газета „Урал“ 1907 г. 18 марта № 21).

3. КРУЖКОВАЯ РАБОТА.

В истории революционных движений кружковая деятельность сыграла значительную роль как метод политической подготовки масс.

Среди татар также организовались кружки.

Как мы видели выше, в 90-х годах кружки эти были общие, куда входили представители разных народностей, в том числе и татары. Рабочие татары входили в них на равных положениях с другими нациями. Собственно говоря, только небольшая кооперативная организация работала исключительно для татар. Анализ казанских материалов, относящихся к кануну движения 1905 года, покажет нам, что приемы организации и методы работы оставались в принципе теми же, что раньше.

В кружках наборщиков и скорняков, организованных *Крайневым и Ахтямовым* в начале 1903 года, татары работали совместно с другими народностями.

Жандармские материалы определенно указывают на то, что в кружке, основанном на Крестовниковском заводе в 1904 году *Гарфельдом, Фортунатовым и Абросимовым*, активно участвовали крестьянин Константин Бакеев и ученик татарской учительской семинарии *Галимджан Сейфутдинов* (дело № 38 т. 2, 1905 г. л. 509).

Известно, что в 1905 году *Ямашевым и Сафар-Галеевым* на Устье в харчевне была снята комната и здесь осно-

ван кружок, в котором из среды татарских рабочих Алафузовского завода состояли *Садык Сагеев*, *Зариф Сагеев*, *Али Сагеев* и прикащик *Шаги Ахметов*. При посредстве *Хусаина Ямашева Галимджан Сейфутдинов* налаживает связи с этим рабочим районом. *Бурхан и Мурат Юзеев* являлись тоже руководителями в этих кружках.

Число кружков растет, растет и число участвующих в них, среди которых встречаются имена *Касыма Газизова*, *Фахри*, товарища под кличкой „*Бака-Гиляджи*“, *Сыддыка Хуснутдинова*, *Алиакберова*, *Асинхаджа*, *Вали Хуснутдинова* и других.

Для работниц—татарок был устроен специальный кружок. Также и для прикащиков, мелких ремесленников, шакирдов, учащейся молодежи организовались особые кружки.

Одним из главных сборных пунктов для татарских кружков были известные в Казани „номера Сарай“, находившиеся в татарской части города, т. н. „Пчэн базары“.

В статье, напечатанной в „Сборнике имени Вахидова“ об одном из кружков 1905 года рассказывается следующее[1]).

„В нашем кружке, члены которого собирались под видом посетителей в столовой номеров „Сарай“, принимало участие около 12-13 человек шакирдов, учеников учительской школы, реалистов и гимназистов. Кружководом к нам был назначен социал-демократ *Соболев*, который читал нам в неделю 3-4 раза лекции на разные темы: о происхождении человека и развитии его, о настоящем положении общества, а также о будущем строении жизни на новых началах, попутно знакомя нас с программой социал-демократической рабочей партии и ее историей.

Среди членов нашего кружка, в большинстве своем учащихся не старше 16-17 лет, своей начитанностью и глубоким вниканием в сообщаемые нам лектором знания выделялся тов. *Мулла-Нур Вахитов*. Совместное чтение без лектора, а также приготовление рефератов обыкновенно происходило в квартире товарища Мулла-Нура“.

Упоминаемый здесь *М.-Н. Вахитов*, никто иной, как известный революционер *Мулла-Нур Вахитов*, завоевавший себе в революцию 1917 года среди трудящихся Востока славное имя.

---

[1]) „Сборник имени Мулла-Нур Вахитова“ стр. 57, статья Кулиева. 1919 г. Казань.

Кружок же, о котором речь шла выше, по постановке в нем работы принадлежал к среднему типу кружков, работавших в первую революцию среди учащейся молодежи и рабочих.

Все такие кружки, конечно, были подпольные, ходили туда тайком, скрываясь от полиции, руководителем-лектором, в большинстве случаев, состоял человек, находившийся на нелегальном положении.

Об об'единенных кружках учащихся русских школ и шакирдов татарских медресе многое могли бы рассказать *Ш. Ахмадеев*, *Нургалиев*, *Бахтияров* и другие.

Посмотрим, что говорится о формах оганизации и работе таких подпольных сходбищ и кружков в материалах жандармского управления:

СПРАВКА
26 сентября
1905 г.

Крестьянин Казанского уезда, Алатовской волости *Закир Галеев*[1]) 30 лет, проживает в доме Муллина по Архангельской улице, занимается хлебно-бакалейной торговлей.

Галеев снял квартиру в доме Яхонтова за 15 руб. в месяц для работы по обшивке валяных сапог, работу Галеев берет от подрядчика Шабанова, в настоящее время работает 10 человек, а сам Галеев сапожного ремесла незнает. По словам управляющего Яхонтовым домом Петра Николавича Онучина все из числа рабочих прогнаты с фабрики Алафузова за забастовку и что Онучин замечает, в мастерскую приходят люди человек по 6 и по 8, пробудут часа 1½ и обратно уходят и потом приходит другая партия человек 7 или 8. Тоже самое, через несколько времени уходят; а сапожников работает не более 10 человек. Квартира снята с 22 сентября и которые приходят в мастерскую,—все забастовщики.

Ткацкий подмастерье *Ельпидифор Тронин* передал мне следующее:

15 сентября бывши выпивши он зашел к . . . .Скориной, квартирующей в отдельном флигере при доме Анисимова, на Песчаной улице в Ягодной слободе; там он застал наших ткачей *Гасим Газизова* и *Садык Сагеева*;

---

[1]) Закир Галеев является братом, известного нам рабочего большевика Зарифа Сафар-Галеева

там же были рабочие уволенные после июльской забастовки, бывший чесальщик *Зариф Галеев*, ткач *Минлибай Сабытов*. Незнакомый рабочий с порохового завода и один интеллигент тоже незнакомый, эти люди при Тронине рассуждали о том, что через полторы или две недели устроят забастовку вроде Бакинской с оружием и грабежом, для этого они поджидают Бакинских и Нижегородских рабочих, а также небольшая часть наберется Алафузовских рабочих, таким образом они расчитывают организовать до 1500 человек грабителей.

Ткацкий мастер *Василий Титов*[1]).

Сентября 20 1905 г.

(дело К.Г.Ж.У. № 38 т. I лист 300, 310, 1905 г.).

4. ОТ КРУЖКОВ К МАССОВОМУ ДВИЖЕНИЮ.

Не только в организации партии и кружковой работе но и во всех других выступлениях: в забастовках, на митингах, на подпольных сходках и демонстрациях, рабочие-татары, татарская масса руководилась все тем же методом борьбы: татары шли вместе с товарищами других национальностей, руководствуясь одной общей программой и под одним знаменем. В „Пролетарской Революции", периодическом органе издаваемом комиссией по изучению истории Октябрьской Революции и РКП (б) (Центр. Истпартом) пишется следующее:

„И нужно сказать, что из всех Алафузовских рабочих именно татары оказались самыми передовыми. Более угнетенные, сильнее эксплоатируемые, чем русские рабочие,— они во время стачек, волнений всегда были в авангарде движения. Именно рабочие-татары наиболее энергично отбивали „Алексея" (Дридзо) 6-го июля, когда его арестовала полиция. Когда на летних митингах алафузовцев выступал с. д. агитатор, его окружала в качестве телохранителей группа сознательных рабочих-татар". („Пролет. Революция", 1923 г. № 14 стр. 280).

Когда мы просматриваем информации, которые направлялись из татарских районов в газеты „Вперед" и „Пролетарий", издававшиеся Центральным Комитетом партии с.-д. большевиков в Женеве в 1905 г., то мы частенько будем встречаться с такими заявлениями: на митинге были и рабочие-татары,

[1]) Орфография и стиль в этом документе, а также и в остальных помещенных дальше везде сохранены подлинные.

в кружках участвуют и татары, на собраниях, массовках выступали ораторы татары, для нужд партии собрано с татар столько-то рублей, во время столкновения с полицией были и татары и т. д.

Когда мы разбираемся в материалах, относящихся к татарским районам, где преобладающее место занимали рабочие татары, мы найдем очень много интересных данных о движении среди татарского пролетариата и методах борьбы татарской социал-демократии, между прочим всегда настойчиво стоявшей за об'единенные действия с другими народностями.

Приводя ряд документов, мы их не будем располагать в хронологическом порядке, а поместим их в порядке перехода от примитивных форм борьбы к более сложным. Ленин, (см. „Рабочее движение в 1905 году") доказал нам цифровыми данными, что различные слои и профессии пролетариата (сравнивая напр. текстильщиков и металлистов) не были одинаково подготовлены к революционной борьбе. И в то время, как некоторые из них были у нас давно в авангарде революционного рабочего движения, другие только в 1906—7 годах смогли принять активное участие в борьбе.

Примеры из татарской рабочей жизни покажут нам такую же картину.

5. ПЕРВЫЕ ШАГИ (Кукморское событие).

В мамадышском уезде имеется фабрика валяной обуви. Большинство рабочих на ней татары. По почину рабочих—татар в 1906 году тут произошло одно событие. Для иллюстрации того, каков был характер этого движения и к чему сводились стремления и желания самого отсталого слоя татарских рабочих, с кем они поддерживали связь и как смотрели на них русские товарищи приведем материалы К. Г. Ж. У.

УНТЕР-ОФИЦЕР
дополнительного штата Казанского Губернского Жандармского Управления в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах.

13 Сентября 1906 г.
пункт г. Мамадыш
№ 189.

Секретно.

В бытность мою 11 сего сентября в с. КукмореАсан-Ильинской волости, Мамадышского уезда, в начале двенадцатого часа дня мною было дознано, что на фабрике валяной обуви администрации Вавилова рабочие прекратили работы и явились в фабричную контору, где и пред'-

явили управляющему названной фабрики Петру Васильевичу Вавилову разные требования чисто экономического характера, а именно: увеличения заработной платы по пяти копеек на пару сапог, улучшения пищи и о прибавке чайной порции.

С получением этих сведений, я немедленно отправился на фабрику и вместе с тем распорядился через полицейских стражников уведомить о сем квартирующего в с. Кукморе пристава 3 стана Флеринского.

Придя на фрабрику где, между прочим рабочие в числе более ста человек вели шумные разговоры у дома и конторы фабрики администрации Вавилова с вышеназванным управляющим, требуя от последнего вышеописанных требований, в чем им первоначально было отказано.

Тогда рабочие потребовали полный расчет с уплатой им за 15 дней вперед жалованья, но так как рабочие были исключительно татары и многие были пьяны [1]), вследствие чего переговоры с ними вести было почти невозможно, а потому управляющий фабрики Петр Васильевич Вавилов, а так равно и мною было предложено рабочим возвратиться в фабрику для обсуждения своего вопроса, который изложить письменно и представить оный через депутатов в контору фабрики, на каковое предложение рабочие согласились, но независимо сему, последние уходя на совещание сняли с работ около тридцати пяти человек русских мастеров, работающих на той же фабрике и совершенно на других условиях. Совещание рабочих продолжалось не более часа, после чего снова всей толпой явились к управляющему и пред'явив ему те же требования причем отдельным лицам переговоры вести не доверяют.

Управляющий фабрикой Петр Васильевич Вавилов об'явил рабочим, что требуемую прибавку по 5 коп. на пару сапог фабрика дать не может, так как последняя является невыгодной для фабрики, а лишь из'явил желание прибавить равную сумму всем рабочим по пяти копеек не с пары сапог, а в сутки. Рабочие, которые вырабатывают одну пару в сутки на прибавку согласились,

---

[1]) Слова: „многие были пьяны" конечно нужно понимать не в прямом смысле. Известно, что жандармерия и полиция всячески старалась очернить рабочее движение, что нашло свое отражение в вышеприведенных словах.

а те которые вырабатывают две пары в сутки на эту прибавку не согласились и предложили настаивать требованием прибавки по 5 коп. на пару, указывая в тоже время на фабричных приказчиков, получающих большое жалованье, часть которого можно бы уделить на прибавку заработка им рабочим.

Участие пристава Флеринского, а так равно и мое в переговорах с рабочими дало возможность привести к соглашению последних получить прибавку по 5 коп. в сутки, что же касается улучшения пищи, то последняя заключается в том: что упомянутые рабочие получают от фабрики утром чай с хлебом, в полдни горячий обед с фунтом мяся, а вечером вместо ужина тоже чай, который они просили заменить горячей пищей с мясом, каковую просьбу управляющий фабрикой из'явил желание так, чтобы от фунта мяса отпускаемого на обед, половина отделялась и варить горячую пищу на ужин, на каковое предложение рабочие согласились, а затем по просьбе же рабочих им еще увеличили чайную порцию по одному куску сахара на человека, после чего рабочие согласились снова встать на работы.

Таким образом стачка рабочих фабрики Вавилова продолжалась лишь только несколько часов, причем рабочие названной фабрики расчитывали на поддержку рабочих прочих фабрик, но не видя сочувствия со стороны последних и решили встать на работу.

По собранным мною сведениям было дознано, что настроение рабочих прочих фабрик частью также неспокойное, но благодаря некоторой случайности на прочих фабриках день 11 сентября прошел спокойно.

С вышеизложенном доношу Вашему Высокоблагородию и докладываю, что поводом к стачке рабочих фабрики Вавилова послужило то, что бывший член Государственной Думы от рабочих фабрики наследников Алафузовых Петр Андреев Ершов выслал из г. Казани на фабрику Вавилова на имя бывшего депутата от этой фабрики Якупа Мукминова 6 и 7-й номер газеты „Крестьянский депутат", каковые газеты читались рабочими на фабрике Вавилова, чего и не отрицают сами рабочие, считая означенные газеты для них полезными, кроме того дознано, что Ершов ведет

частую переписку с упомянутым Якупом Мукминовым, в настоящее время означенные номера газет приставом Флеринским отобраны и отправлены по принадлежности. За дальнейшим настроением рабочих Кукморских фабрик, а так равно и за лицами ведущих среди их агитацию мною приняты энергичные меры наблюдения.

Унтер-офицер *Василий Кашинков.*

(дело № 15, листы 211, 212).

Секретно.

УНТЕР-ОФИЦЕР
Казанск. Губернск. Жандармского Управления в Лаишевском и Чистопольском уездах.

23 декабря 1906 г.
пункт г. Мамадыш.
№ 292.

Доношу Вашему Высокоблагородию, что в бытность мою в селе Кукморе, Асен-Ильинской волости, Мамадышского уезда, дознано, что брожение умов среди фабричных рабочих за последнее время спокойное, никаких слухов последние о намерении пред'явления хозяевам каких либо требований не распространяют.

Администрацией фабрики Вавилова уволены рабочие вредного направления, а именно: *Мукмин Мопова, Баговея Гайнетдинова, Ислама Искакова, Сабердзяна Ахметзянова* и *Мухаметзяна Шарапова*, о действии которых мною было доложено 4 декабря за № 268. Увольнение названных рабочих частью повлияло на успокоение брожения умов прочих рабочих; но независимо сему проездом мною через соседние деревни села Кукмора откуда происходят фабричные рабочие, при разговоре с жителями замечают, что недовольство фабричных рабочих к хозяевам еще существует, по слухам рабочие, что то намереваются пред'явить хозяевам фабрик на Рождестве, но намерение это пока никому неизвестно, а также и мне узнать последнее не представилось возможным, но меры к этому мною приняты.

Унтер офицер *Василий Кашников.*

(дело № 15, лист 382).

6. ЯНВАРЬ 1905 ГОДА.

Если подготовка к революции 1905 года велась давно, то фактическое начало революции, несомненно, должно быть связано с кровавым событием 9-го января, разыгравшимся в Петербурге.

По выражению одного революционера, в этом столкновении царские опричники шашками и ружьями разрушили веру рабочего народа в царя.

Пролитая на дворцовой площади рабочая кровь ошеломила всю Россию и во всех уголках огромной страны заходили волны народного движения. Пролетарии Татарии присоединились в этой борьбе к рабочим России.

Передовые рабочие-татары сомкнулись в тесные ряды со своими русскими товарищами и встали в авангард движения. Для иллюстрации этого момента документальными данными приведем материалы Казанского губернского жандармского управления:

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

1 февраля 1905 года
№ 620.
г. Казань.

Лит. А. от 23-го января сего года за № 372.

Перепискою, производимою при вверенном мне управлении в порядке положения об охране, с целью выяснения обстоятельств стачки рабочих на заводе Алафузова в г. Казани, причин их вызвавших, а также зачинщиков и подстрекателей, установлено следующее:

До 20 января сего года работы производились спокойно во всех отделениях заводов. В 10 час. утра работницы мотального отделения прядильной фабрики в числе до 70 чел. бросили работы, вышли на двор и стали пред'являть требования об увеличении платы и уничтожении штрафов. Директор прядильной фабрики об'яснил им, что требования их будут рассмотрены, но поставил условием продолжать работу. К женщинам вскоре присоединились рабочие мокропрядильного отделения в числе около 120 человек. Остальные отделения продолжали работать до перерыва, т. е. до 1 часу дня. После обеда на работу явилось меньше половины рабочих, т. к. в входных воротах образовалась толпа рабочих, непропускавших на работу никого. Часть этой толпы во главе со студентом Казанского Университета *Скворцовым* (привлеченным к формальному дознанию в порядке 1035 ст. уст. уг. суд. лит. А от 22 января за № 366), бросившись по мастерским, где работы было начались, хотя и при неполном числе рабочих, и силою заставила прекратить работы и разогнала желавших работать, угрожая побоями нежелавшим

подчиниться их требованиям. Таким образом около 4 час. дня 20 января были остановлены работы на всех заводах Алафузова. 21 января работы не начинались, рабочие продолжали держать себя спокойно. Около 11 ч. утра небольшая толпа рабочих вбежала в сапожное отделение, где производился подсчет мастерам с рабочими и разогнала последних, при чем один из буянов шорник крестьянин *Никифор Городнев* нанес побои мастеру *Кошкареву*. На улицах перед фабрикой бродили толпы, среди которых появилось уже много подвыпивших, а также замечены были студенты и другие лица не принадлежащие к числу рабочих. Часов около 4-х дня толпа человек до 200 отправилась в Адмиралтейскую слободу с целью прекратить работу на других заводах, но была встречена конными стражниками и рассеялась. Часа через два толпа снова собралась в Ягодной слободе, при этом начала проявлять враждебные действия в отношении чинов полиции, вооружившись камнями и кольями; вызванная для водворения порядка конная стража оказалась недостаточной для этого и уехала обратно, после чего рабочие начали бить стекла в близь лежащих квартирах чинов администрации заводов, вследствие чего была вызвана рота 8-го запасного батальона, с прибытием которой рабочие разбежались по своим квартирам.

22 января работы не было, рабочие вели себя спокойно, тоже было 23 и 24 января. 25 января с утра работы были возобновлены, при чем на работы стало около 88% всех рабочих, в настоящее же время собрались рабочие, раз'ехавшиеся было в ближайшие деревни и теперь почти все рабочие продолжают спокойно свое дело.

21, 22 и 23 января было задержано полицией из числа лиц, замеченных в подстрекательстве к стачке 21 человек, из этого числа 5 человек были освобождены немедленно по выяснении обстоятельств, при которых последовало их задержанне, а 16 человек привлечены в качестве обвиняемых в подстрекательстве к стачке в порядке Положения об охране.

Ввиду того, что забастовка эта вызвана внешними причинами, а именно преступною пропагандою, о чем возбуждено дознание в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Судопр. (лит. А от 22 января за № 366) и так как заба-

стовка фактически прекратилась и работы на заводах вошли в нормальную колею, все задержанные были освобождены из под стражи 25, 26, 27 и 28 января, по мере выяснения степени причастности их к забастовке, за исключением казанского мещанина *Виктора Петровича Андреева*, который при допросе показал, что принимал участие в распространении преступных прокламаций, а потому привлечен к дознанию, производящемуся в поряд. 1035 ст. Уст. Уг. Суд. как и студент *Скворцев*, *Брауэр*, *Соловьев*, *Гаврилов* и др.

Производство переписки продолжается. Об изложенном имею честь доложить Департаменту Полиции.

Верно: Ротмистр *Трескин*.

(дело № 19, 1905 г. лист 110).

Список лицам, задержанным чинами полиции.

№№ по поряд.	ИМЯ И ФАМИЛИЯ	Где содержится под стражей
1	Павел Морозов	в пересыльной тюрьме.
2	Степан Конов Москвин	
3	Михаил Конов Москвин	
4	Никифор Федор. Городнов.	
5	Екатерина Спирюшкова	
6	Зариф Зафар Галеев	
7	Галей Сагеев	
8	Зариф Сагеев	
9	Зиновий Кузьмин	при 1-й части
10	Иван Табейкин	тоже
11	Родион Волынкин	при 6-й части
12	Кондратий Карпов	тоже
13	Василий Кириллов	освобожден
14	Кондратий Спиридонов	в пересыльной тюрьме
15	Азарий Трапицин	при 1-й части
	Василий Чигарин	
	Александр Винидиктов	
16	Григорий Ширяев	при 1-й части
17	Алексей Яхонтов	освобожден
18	Андреян Коновалов	в пересыльной тюрьме

Подписал: Начальник Управления полковник *Мочалов*.

С подлинным верно: Начальник Казанского охранного отделения, ротмистр (*подпись*)

(дело № 9, 1905 г. лист 15).

7. ТАТАРЫ В ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЯХ.

Если бы мы задумали зафиксировать все революционные выступления рабочих-татар в их совместной с русскими товарищами борьбе против самодержавия и буржуазии, то перед нашими глазами развернулась бы широкая картина.

Лутфи Нигматжанов, переживший эпоху первой революции в гуще московского пролетариата, *Гайнуллин Хайгулла*, работавший в это время в Бондюжско Мокшанском районе, боровшийся в Уфе *Биктагиров*, слесарь *Мустакимов*, приказчик *Субаев*, а также многие работники других районов дали бы нам много ценных и интересных материалов для истории 1905 года. Но мы будем пользоваться примерами из жизни Казанского рабочего района. Они откроют перед нами главнейшие, типичные моменты татарского революционного движения.

Июльские события в Казани, как это утверждает и упомянутая выше статья, помещенная в журнале „Пролетарская революция" должны считаться одним из крупных моментов движения.

Тов. *Лозовский*, в настоящее время занимающий пост генерального секретаря Профинтерна, в революцию 1905 года работал в Казани, под кличкой „рабочий Алексей". Он был любимым оратором от комитета Р.С.Д.Р.П. в рабочих районах. Событие 6-го июля тесно связано с его именем и является отчасти его почином.

Трагедия, разыгравшаяся 9 января в Петербуге, подняла волны народного движения по всей России. 9 е января разбудило и Казань. Рабочие забастовали, но верха одержать не могли. Им пришлось покориться обстоятельствам. Они замолкли, но втайне питали злобу. Тяжелое житье-бытье подливало масла в огонь. Учитывая создавшуюся атмосферу, насыщенную недовольством, Казанский Комитет Р.С Д.Р.П. наметил на 9 июля—полугодовщину кроваваго воскресения—забастовку. Ораторам социал-демократам было поручено устроить ряд летучих митингов около ворот заводов по выходе рабочих с работы. К алафузовцам, считавшимся авангардом Казанского пролетариата, явился их любимец *Дридзо* (*Лозовский*) и в слове своем настаивал на необходимости забастовки. *Садык Сагеев и Галиаскар Исрафилов* поддержали своего любимого оратора. В дело вмешалась полиция. *Дридзо* был схвачен, но после крупного скандала, устроенного рабочими, тут же отпущен. Рабочие удалились в луга, где устроили большой митинг.

На другой день завод забастовал. Вот в этом событии, по свидетельству журнала „Пролетарская революция" татары были центром движения. Так как это событие является одним из серьезных, значительных моментов революционного движения 1905 года в Казани, то приводим излагающий ход события жандармский протокол в целости:

11 июля 1905 года. *В Департамент Полиции*
№ 3771 *Казанскому Губернатору*
№ 3761

6 сего июля в 6 часов вечера после окончания работ на Алафузовском заводе в Ягодной слободе при выходе рабочих неизвестный, собрав рабочих начал говорить им речь о тяжелом положении рабочих, вызывающем необходимость требования с их стороны прибавки заработной платы, причем уговаривал рабочих бросить работу, мотивируя тем, что завод работает на казну и потому скорее исполнят их требования, чем остановят завод.

Рабочие сперва видимо не решались выразить сочувствие неизвестному оратору, но под влиянием более решительных из них, звавших рабочих на соседние луга на сходку для обсуждения вопроса о забастовке, подчинились и устроили на лугах сходку. Наиболее выделявшимися и энергичными агитаторами полицией замечены рабочие завода крестьянин *Айбаш Садык Сагеев.* мещанин *Михаил Егоров Губанов* и рабочий ткацкого отделения *Галиаскар Исрафилев.* Воспользовавшись нерешительносью толпы рабочих неизвестный оратор был арестован полицией и оказался известным Д-ту Полиции Павлоградским мещанином Екатеринославской губернии *Соломоном Абрамовым Дридзо.* Вскоре по телефону в управление передали, что толпа рабочих требует освобождения Дридзо, обещая немедленно разойтись; так как в сообщении упоминалось, что в своей речи Дридзо не говорил ничего противоправительственного и что личность его вполне установлена, во избежание излишнего будирования и так уже возбужденной толпы, было решено Дридзо освободить, после чего, действительно, толпа рабочих разошлась,

На другой день 7-го июля, когда рабочие кожевенного отделения числом около 200, не сочувствуя забастовке, встали на работу и стали выгонять пришедших к ним

из других отделений забастовавших рабочих; последние, путем настойчивых требований и, главное, угрозы, вынудили рабочих кожевенного отделения также прекратить работу. С прекращением работ в кожевенном отделении, рабочие Алафузовского завода в количестве до 5000 человек устроили общую забастовку.

Только в департамент полиции.

В 3 часа дня на завод прибыли исполняющий должность Губернатора Вице-Губернатор статский советник Кобеко, губернский фабричный инспектор и Казанский полициймейстер.

На предложение статского советника Кобеко позванным им нескольким рабочим об'яснить цель забастовки, депутаты заявили требование 8-часового рабочего дня, повышение заработной платы, устройство всем рабочим бесплатных квартир и бани, удаление со службы некоторых лиц из администрации завода за грубое и бесчувственное обращение с рабочим; для выработки подробной программы своих требований означенные депутаты просили ст. сов. Кобеко разрешить им на лугах вблизи завода, общую рабочую сходку, но без присутствия на ней полиции, ручаясь за полное сохранение порядка. Выработанную на сходке программу требования, рабочие обещались представить администрации завода, которая по утверждении подлежащим начальством и отпечатании программы требования рабочих, должна вывесить ее на стенах внутри отделений фабрики. И. д. губернатора для обсуждения названных вопросов мирным путем просимую сходку в указанном месте разрешил.

Разрешенная — $\frac{\text{И. д. губернатора}}{\text{Вашим Пр-вом}}$ — сходка рабочих Алафузовского завода в количестве 3000 человек состоялась 7-го же июня около 8 часов вечера, на которой было решено: выбрать большинством голосов 10 депутатов из среды рабочих, коих послать к управляющему фабрикой *Чеснокову*, с предложением дать на другой день, т. е. 8 июля всем рабочим расчет, а потом послать несколько человек по частным торговым лавкам и просить хозяев оных отпустить рабочим в кредит с'естные припасы до окончания забастовки и начала работ на фабрике.

Первое постановление было выполнено. 10 человек депутатов явились к управляющему заводом и просили его дать расчет всем рабочим; последний заявил депутатам, что дать расчет всем рабочим сразу он не может, а расчеты будут выданы по заведенному порядку, т. е. по субботам,—каждое отделение по очереди.

Второе постановление о кредите в частных лавках осталось невыполненным. Кроме упомянутых постановлений рабочие решили внести в программу требований, установление при 8 часовом дне плату мужчинам по 1 р. 50 к. и женщинам по 1 р. в день.

Ораторам на вышеупомянутой сходке был слесарь *Сергей Абрамов*, говоривший о цели забастовки и о том, что если администрация завода не удовлетворит требований рабочих, то тогда рабочие должны отстаивать свои права силой, вооружась ножами и револьверами.

Сходка окончилась около 10 часов вечера. На состоявшихся 2 и 3-ей сходках 8 сего июля рабочие выработали требования к администрации фабрики, изложенные в прилагаемой при сем печатной прокламации под заглавием „цеховые требования рабочих Алафузовскик фабрик и заводов" в дополнение к общим требованиям (прокламация при сем прилагается).

Выработанные на сходках требования были прочитаны депутатом от рабочих Чебоксарским мещанином *Михаилом Губановым* управляющему заводом *Чеснокову*, который ответил, что он не уполномочен изменить режим завода, а сообщит по телеграфу в главное правление на имя хозяина требования рабочих, и результаты ответа из Петербурга им, рабочим, будут об'явлены.

9 июля управляющим завода *Чесноковым* была получена телеграмма следующего содержания: „указанные вами телеграммой требования рабочих исполнить нельзя, ибо это все равно равносильно прекращению дела, о чем об'явите, расчет Алафузова".

Телеграмма Алафузова была прочитана *Чесноковым* рабочим и ввиду их недоверия дана была в руки грамотным рабочим для прочтения, а затем была вывешена на улицах и во дворе фабрики также как и нижеследующее об'вяление: приглашаются рабочие с 2 часов сего 9 июля

встать на работу на существующих условиях, в случае невыхода рабочие согласного распоряжения правления телеграммой за № 4778 будут расчитаны. Июля 9 дня 1905 года, г. Казань.

Ровно в 2 часа дня на заводе был дан свисток, призывающий рабочих к началу работ. Многие рабочие пошли в отделение на работы, а остальные, ходя по улице взад и вперед около фабрики решили работ не начинать. Когда в слесарном отделении находящемся в нижнем этаже корпуса и имеющего окна на улицу. была пущена машина и рабочие встали за свои станки, забастовавшая толпа рабочих с улицы, грозя в окна кулаками, требовала, чтобы они прекратили работу. Вследствие угрозы слесаря видимо из боязни прекратили работу и удалились с завода. Рабочие же, работавшие в других отделениях в верхних этажах, на которых угрозы толпы с улицы не влияли, продолжали работы до свистка об окончании работ. Всего работать начали в разных отделениях 875 человек из всех забастовавших рабочих. По словам рабочих, если бы не было угроз от других, то на работы встало бы более $^1/_2$ всех рабочих, потому что семейные рабочие дошли до безвыходного положения, ибо в мелочных лавках кредит прекратили, продавать из домашнего обихода нечего и по необходимости приходится приняться за работу, но боятся начать вследствие угроз.

По словам много лет работающих у Алафузова рабочих, главными зачинщиками и подстрекателями забастовками являются недавно принятые рабочие из Москвы, Варшавы и Иваново-Вознесенска, прибывшие оттуда после тамошних забастовок.

В настоящее время для предупреждения могущих произойти беспорядков на Алафузовский завод назначаются ежедневно по 2 роты солдат по 82 человека в каждой с офицерами. Но в общем рабочие пока ведут себя смирно и совершенно спокойно, хотя торговцы Ягодной слободы (ввиду закрытого ими рабочим кредита), опасаясь насильственного и самовольного забора товара со стороны последних, намереваются закрыть лавки и торговли не производить.

Докладывая об изложенном присовокупляю, что по имеющимся у меня сведениям на происходивших сходках ничего противоправительственного не обсуждалось.

НУП. Александров.

АУР. Пруженский

(дело № 22 листы 110—114—1905 г.)

Рабочие делегаты. Во время вышеописанной забастовки рабочими была избрана делегация для переговоров с администрацией завода. Среди делегатов находилось несколько сознательных пролетариев татар. Приведем список этих делегатов:

Список рабочих завода Алафузова, бывших депутатами в забастовку 7-го июля 1905 года.

№№ п-п.	Имена, фамлии рабочих	Где работают
1	Михаил Губанов	Ткач
2	Арсений Андреев	Столяр Линзе
3	Кирил Кисилев	Слесарь Линзе
4	Александр Власов	„ Лисовского
5	Василий Федоров	Где работает неизвестно
6	Таисия Быкова	Обмундир. в Ягодной
7	Иван Киселев	Плотник Лисовского
8	Емельян Тарасов	Ткацкой
9	Мария Корыткина	Обмундировальной
10	Михаил Чечулин	Сбруйной
11	Николай Масленников	Сапожной Кошкарева
12	Наталия Боброва	Мокро-ватеница
13	Сергей Абрамом	Слесарь Лисовского
14	Сергей Букарев	Сапожник Кошкарева
15	Минул Валеев	Ткач
16	Ахмадул Садыков	Дворный расхож.
17	Григорий Курбатов	Слесарь Линзе
18	Андрей Леонтьев	„ „
19	Иван Мясников	Чесальщик
20	Алексей Шленников	Обмундиров. в Ягодной
21	Григорий Виноградов	„ „
22	Прокопий Крюков	Электрич. станции
23	Степан Шуралев	Слесарь Линзе
24	Густав Ринас	„ „

Кроме означенных лиц из числа рабочих замечены в подстрекательстве других рабочих к забастовке следующие лица: 1) *Матвей Афанасьев Петров*—печник Лисовского, 2) *Зариф Сафар Галеев*—подмастерье чесальной, 3) *Наталия Карабанова*—габурской, 4) *Садык Сагеев*—химической.

И. д. Помощ. Надзирателя завода Алафузова *Ушаков.*

дело № 22, лист 119).

В этом списке поражает одно чрезвычайно любопытное обстоятельство. Несмотря на то, что в центре описанного выше события стояли татары являясь основной движущей силой, в состав делегации их вошло всего два человека. Подавляющее большинство делегации состояло из русских. Причина ясна: татары—рабочие не в состоянии были бы гладко и связно изложить на русском языке свои требования и кроме того рабочие—татары не были еще достаточно подготовлены для такого рода выступлений.

Это движение не ограничилось только Алафузовскими заводами, а перебросились и в другие рабочие районы, что мы видим из нижеприводимого донесения пристава 2 части.

м. в. д.

Пристав 2-й части
гор. Казани.
Июля 9 дня 1905 г.
№ 5065.

Секретно.

Его Превосходительству Господину Прокурору Казанского Окружного Суда.

Сего числа около часу дня, у завода Рам на Успенской и Триумфальной улицах собралась толпа чужих рабочих в количестве 60—70 человек и стали требовать от рабочих Рам прекратить работы, угрожая насилием, что было установлено свидетельскими показаниями при последовавшем дознании; по прибытии моем с нарядом толпа разбежалась и было остановлено лишь у дверей конторы завода семь человек, назвавшихся (здесь перечисляются не татарские имена. Для краткости мы их опускаем). 5) крестьянином Лаишевского уезда, Зюзинской вол., дер. Б.-Салтан *Хамидуллой Гайнуллиным* работающим на заводе Алафузова; 6) крестьянином Казанского уезда, Алатской вол., дер. Тубияз *Мухаметзяном Мухаметшиным*, работающим на заводе Алафузова и 7) крестьянином Казанского уезда, Арской вол., дер. В. Верези *Галиутдином*

Сагадеевым, работающим на заводе Алафузова. На месте задержания вышеозначенных личностей на мостовой помощником пристава *Баевым* найдено 19 разорванных в клочки печатных изданий противоправительственного содержания и старшим городовым *Никитиным* две прокламации: одна без заглавия о морском поражении, а другая под заглавием „Новые Царские Милости". Составленный о сем протокол вместе с прокламациями и постановлением передан вместе с сим Начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления.

О вышеизложенном доношу Вашему Превосходительству с представлением копии постановления.

За пристава (подпись неразборчива).

(Дело № 22, 142 лист).

Дальше, в донесении околоточного надзирателя от 9 июля мы читаем, что в квартире этих задержанных лиц произведен обыск.

8. СОБЫТИЯ 16-го НОЯБРЯ.

Для того, чтобы не разразнивать материалы, относящиеся к участию рабочих татар в забастовках, а наоборот—собрать их в одно целое, мы решили немножко забежать вперед и привести здесь материалы, относящиеся к забастовочному движению в ноябре 1905 года.

Это событие является отголоском в Казани тех знаменитых ноябрьских волнений, которые захватили всю Россию.

м. в. д.
ПРИСТАВ
6 части
гор. Казани

16 ноября 1905 г.
№ 9152.

Г. Начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления.

Имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию, что сего 16 ноября рабочие Алафузовских фабрик, в Ягодной Слободе, с утра начали забастовку: сначало рабочие ткацкого отделения, а к вечеру рабочие всех отделений прекратили работы, требуя прибавки к получаемому жалованию и высказывая неудовольствие по поводу выданных фабричной администрации и служителям конторы наградных денег. Завтра, 17 ноября к 9 часам утра

они потребовали очищение „Образовательного дома“ для предполагаемого собрания. Главными ораторами со стороны забастовщиков были крестьянин дер. Б. Айбыша, Студено-Ключищенской вол., Казанского у., *Галей Сагеев*, кр. Спасского у. Базарно-Матаковской вол., дер. Ананиной, *Михаил Владимирович Башкиров* и его сын *Андрей* и Казанский мещанин *Сергей Абрамов*.

У сего список забастовщиков.

Пристав *Васильев*.

(Дело № 22, лист 157—1905 г.).

Оставили работу с утра 16 ноября:

Ткацкие подмастерья:

Бл. №	267	Нутфулла Ахмадуллин	Запас. получ.	28 р. в мес.
„ №	373	Набиулла Ижбаев	компл.	30 р. „
„ №	460	Кесарь Морозов	„	30 р. „
„ №	693	Ельпидифор Тренин	„	30 р. „
„ №	728	Алексей Николаев	запас.	1 р. в день
„ №	779	Гамахмет Гамаскар	„	28 р. в мес.
„ №	921	Тимофей Дворников	компл.	30 р. „
„ №	1293	Петр Потемкин	„	30 р. „
„ №	1303	Андрей Валенкин	„	30 р. „
„ №	1579	Матвей Теняков	запас.	22 р. „

Оставили работу с обеда и не давали работать другим, останавливая моторы.

Сновальщики:	Ткачи:
Александр Зимин,	Иван Бумнов,
Порфирий Напойкин,	Яков Антонов,
Гавриил Новиков.	Никифор Буланов,
	Иван Герасимов.

Пристав *Васильев*.

(Дело № 22, лист 158, 1905 года).

9. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ:

В итоге удачных и грандиозных всероссийских забастовок, остановивших в момент высшего напряжения своего в октябре всю жизнь страны, первая революция торжествовала свою первую победу.

Самодержавное правительство вынуждено было пойти на уступки и об‘явило знаменитый Манифест 17-го октября.

Но этот шаг правительства, конечно, не был искренним и оно повело двойственную политику. Начались дни „свободы".

С одной стороны оно, как бы, даровало народу свободу, с другой стороны одновременно принимало всевозможные меры к уничтожению той же самой свободы. Трудовому народу нельзя было убаюкивать себя мечтами о завоеванной свободе, наоборот, ему надлежало со всей энергией использовать момент, в целях организации своих сил для защиты завоеванного и дальнейшей борьбы против все еще очень сильного врага.

Проанализировав результаты этого первого победного этапа пролетариата, *Ленин* писал:

> „Нет, царизм еще далеко не капитулировал. Самодержавие далеко еще не пало. Революционному пролетариату предстоит еще ряд великих битв, и первая победа поможет ему сплотить свои силы и завербовать себе новых союзников в борьбе..." (т. VI, стр. 540, статья первая „Победа Революции").

В сердце Татарии, в Казани, это сплочение, эта подготовка вылилась в следующие формы: закрытый было Университет 19[1]) октября вновь открывается. Опять там происходят многолюдные митинги. Большевики открыто выдвигают вопрос о подготовке вооруженного восстания. 29-го октября полиция окружила здание Университета.

Боевики социал-демократы, рабочие и другие революционеры устроили внутри здания баррикады и стали подготовляться к бою. Но сил у них было мало и потому, не бросая оружия, они отступили.

30 октября на Воскресенской улице началась настоящая резня. Конные стражники стали разгонять толпу нагайками.

Около пассажа собралось много народа. Так как стражникам не по силам оказалось рассеять толпу, были вызваны войска. Эс-эры появились с бомбами, которые никому не повредили, но для казаков это послужило сигналом к открытию боевых действий: они дали залп по собравшемуся народу. Часть толпы заперлась в семинарии, остальная же часть бросилась в россыпную, кто куда мог.

---

[1]) По новому стилю; по старому 6-го; дальше даты показаны тоже по новому стилю.

Казачьи раз'езды рыскали по городу, отыскивая скрывающихся; многих расстреляли. Вновь были вызваны войска. Стрельба продолжалась вплоть до вечера.

На другой день происходили маленькие стычки. Первого ноября народ начал стекаться в городскую Думу. Толпа была возмущена событиями минувших дней.

Членов Думы заставили идти делегацией к губернатору с следующими требованиями: предание суду убийц, вывод казаков и войск из города, разоружение полиции.

Одновременно большевики агитировали за вооруженное выступление, ссылаясь на то, что восстание во многих городах идет успешно и что настало время окончательно свергнуть власть самодержавия.

Народ двинулся по Вознесенской улице, осмотрел полицейские участки и с красными знаменами направился к тюрьмам с целью освободить политических заключенных. Во главе толпы шел „Алексей" (*Дридзо-Лозовский*). С каждой минутой число демонстрантов увеличивалось.

Дошли до 1-го участка. Там политических заключенных не было. Потребовали от полиции сдачи оружия.

Противостоять этой огромной лавине не было возможности и полицейские беспрекословно подчинились требованию. Некоторые из демонстрантов тут же вооружились саблями и револьверами, взяв на себя функции милиции и принялись устанавливать порядок.

Тем временем Казанский Комитет с.-д. (большевиков) созвал экстренное заседание, на котором был поставлен вопрос о немедленном захвате власти. Но так как сил было мало, собрание постановило пока организовать из рабочих и студентов милицию, которая должна была охранять в городе порядок и содействовать вооружению пролетариата.

К ночи милиция была окончательно налажена, подразделена на дружины, распределена по районам и на улицах были выставлены посты.

В составе милиции находились, главным образом, рабочие, студенты, незначительное количество татарских шакирдов и др.

Вожди татарских либеральных буржуа не могли уже оставаться в стороне от этого движения. *Юсуф Акчура* на большом митинге в Городской Думе выступил с речью об организации революции и призывал татарскую молодежь и шакирдов в ряды дружин милиции.

1-го ноября вечером был составлен комитет из представителей различных партий для охраны в городе порядка. От большевиков в него вошли член ЦК партии *И. А. Саммер*, известный нам *Дридзо-Лозовский* и другие.

2-ое ноября прошло в митингах и собраниях. Число участвующих в них доходило до десятка тысяч. Похороны жертв павших 30 октября приняли вид внушительной демонстрации, в которой участвовало более 20 тысяч народа. Порядок охранялся милицией.

Власть была, как будто, в руках Думы, но положение еще было не выясненным.

Губернатор, давший свое согласие на организацию милиции, начал отрекаться. Одновременно разнесся слух, что контр-революция приводит в порядок свои силы. Появляются отряды из бывших полицейских, переодетых в штатское платье.

Пролетариату нужно было спешно вооружаться. Смешанный Комитет заседал целую ночь. Вся власть была в его руках и вся ответственность лежала на нем.

Комитет усилил вооружение трудящихся. Милиция ходила по городу и приглашала оружейные магазины сдавать ей оружие. В Думу привезли патроны, револьверы, ружья. Некоторые большевики были заняты приемом и раздачей оружия. В 12 часов прибыли в Думу рабочие Алафузовского завода и просили разрешения организовать в Ягодной и Адмиралтейской слободах милицию. Им дали оружие, а одного с.-д. большевика назначили приставом 6-го участка. Общее число всех милиционеров было свыше четырехсот человек, но они были очень плохо вооружены.

Утром 3-го ноября обнаружились приготовления черносотенцев. Татарские черносотенцы, сплотившись вокруг *Галимджана Баруды и Сайдашова,* стремились к об'единению с русскими реакционерами.

Со стороны Проломной улицы около Крепости стали подниматься на Воскресенскую улицу черносотенцы. Среди них были мясники, бывшие полицейские и попы с иконами. Шайка татарских черносотенцев подоспела со стороны Сенного базара, под предводительством *Галимджана Баруды и Сайдашова* и присоединившись к кампании попов, шедших с крестами, иконами, хоругвями, встала в ряды защитников царизма.

Пред Думой черные манифестанты отслужили молебен за здравие царя, а отсюда пошли по всему городу и, избивая по пути всех встречных милиционеров, большой демонстрацией вернулись обратно к зданию Думы. В это время руководители революционеров были в здании Думы. Милиционеры выстроились около дверей Думы для защиты находящихся внутри ее от нападения черносотенцев.

Между наступающими и обороняющимися произошло столкновение. Черносотенцы начали бросать в милицию каменья. Милиция дала залп в воздух. Черносотенная манифестация рассеялась, но ее место на площади заняли войска. Народ стал разбегаться. Милиция и революционеры укрылись в здание Думы, готовясь к обороне. Появились юнкера. На площади поставили пушку Губернатор пригрозил обстрелять здание Думы снарядами, если революционеры не сдадутся. Так как другого выхода не оставалось, то революционеры сложили оружие. Около 130 человек было отправлено в тюрьму. После этого в Казани наступил разгул контр-революции: начались еврейские погромы и демонстрации „за царя и отечество". Партийные организации были разгромлены. Большевики опять ушли в подполье.

В рабочих районах происходило тоже самое что и в центре города. Приведем маленький пример из материалов жандармского управления.

УНТЕР-ОФИЦЕР
Дополнит. штата
Казанской губернии
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
в Казанск., Лаишевск.
и Чистопольск. уездах
14 ноября 1905 г.
№ 79.
пункт г. Казань.

Секретно.

Вход. № 5265
15/IX—1905 г.
Дело № 77.

Во исполнение приказания Вашего Высокоблагородия, что по делу Казанских мещан проживающих в Пороховой слободе *Владимира Александрова Агафонова, Салахутрина Исхакова, Дмитрия Курилова, Федора Масленкова, Николая Масленкова, Григория Матвеева Синкина, Павла Михайлова, Александра и Павла Никифоровых, Лазарева, Михаила Яковлева Калугина, кр. Степана Васильева Журавлева и Прохора Яковлева Шибалина* в обвинении их в совращении жителей Пороховой слободы восстать против Прави-

тельства, а также обезоружить полицию Пороховой слободы, мною была произведена негласная разведка, по которой оказалось нижеследующее:

Спрошенный мною Казанский мещанин, проживающий в Порохой слободе по Царево-Кокшайской улице в собственном доме *Сергей Феодоров Егоров* пояснил, что упомянутые *Исхаков и Агафонов* во время милиции были городовыми у Алафузовского завода. Все вышеупомянутые лица были намерены обезоружить полицию Пороховой слободы восстать против правительства и Царя, ходят почти ежедневно и теперь продолжают по улицам с революционными песнями.

Проживающий в Пороховой слободе кр. Вятской губернии, Яранского уезда, дер. Чучелина, *Лаврентий Кузьмич Клевцов* пояснил, что во время милиции упомянутые *Агафонов и Искаков* были городовыми и стояли у Алафузовского завода, кроме того, все упомянутые лица ходили с революционными песнями и совращают жителей восстать против Правительства.

Городовые Пороховой слободы *Аким Савинов Шабалин, Андрей Васильев Минеев и Поликарп Иванов Напровалов* пояснили, что все вышеупомянутые лица ходили и по сие время продолжают ходить с революционными песнями, совращают жителей Пороховой слободы восстать против Правительства, а также намерены были отобрать от Полицейского Надзирателя все дела.

Унтер-офицер *И. Николаев.*

(Дело № 77, 1905 г., лист 3-4).

10. ПОДГОТОВКА к ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ.

Одним из основных лозунгов революционного пролетариата и его авангарда—большевиков—было вооруженное восстание.

Агитация и пропаганда, кружковая работа, забастовки, выборы, демонстрации,—все эти мыступления как отдельные приемы борьбы, конечно играли большую роль, но победить врага исключительно такими способами было немыслимо. В руках самодержавия были сосредоточены: и войско, и тюрьма, и суд, и полиция, и палачи, и сильный государственный аппарат. Совладать со всем этим мог только вооруженный народ.

Организация осуществления этого дела выпала на долю партии. Она должна была взять на себя роль главного штаба вооружающейся революции. Пропагандируя идею схватки с царизмом и раз'ясняя технику вооруженного восстания, она готовила пролетариат к предстоящему выступлению. Она же руководила собиранием и закупкой оружия. Она фактически вооружала народ.

Основными вопросами III-го С'езда большевиков в апреле 1905 года были: тактика борьбы и организация вооруженного восстания против самодержавия. В резолюции, принятой на этом с'езде говорится:

> III-й С'езд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент. Поэтому С'езд поручает всем партийным организациям: а) выяснить пролетариату путем пропаганды—агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания; б) выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение вначале и в самом ходе восстания; в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая особые группы из партийных работников.

После С'езда этот лозунг широко распространился по всему революционному фронту. Даже не входившие в партию рабочие с особой верой, с особым энтузиазмом встретили мысль о подготовке вооруженного восстания.

Заготовка оружия, самый процесс вооружения, усвоение организационных и технических сторон этого дела были важнейшей задачей, стоявшей тогда перед партией.

Оружие было необходимо для предполагавшегося вооруженного восстания и для самообороны в ежедневных столкновениях с полицией, для боевых дружин, которые были созданы партией в целях борьбы с погромами и также для производства экспроприаций, которые устраивались для добычи денежных средств на революционные нужды.

Главными центрами этой подготовки были Москва, Петербург и Урал. Экспроприации дружин Уральского пролетариата, уже после ликвидации революции 1905—06 года поражали своей организацией, техникой и смелостью весь мир. В волжском районе таких крупных экспроприаций не было.

Но мы знаем, что Казанская организация и находящиеся в ней члены —татары уделяли также большое внимание подготовке вооруженного восстания и заготовке оружия для самообороны на случай столкновения с полицией. В материалах Жандармского Управления и Охранного Отделения то и дело, встречались среди бумаг, касающихся задержанных, заключенных и обысканных товарищей ссылки и указания на самовооружение пролетариата.

В татарских прокламациях того времени большое место занимают призывы к вооруженному восстанию.

После ликвидации вооруженного восстания Московского пролетариата, когда царское правительство постепенно становилось на ноги, 12 [1]) декабря в Казани произошли, события, о которых Губернское Жандармское Управление дает департаменту полиции такую телеграмму:

Шифрованная телеграмма 13 декабря 1905 года:

№ Петербург ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Ликвидация произведена. Арестовано тридцать девять человек в том числе 11 нижних чинов при обыске отобрано 20 револьверов 5 ружей 2 шашки два гектографа порох патроны преступная литература подробности почтой.

Верно: Ротмистр (подпись).

(Дело № 80, т. III, 1905 г., лист 5).

Во время этой ликвидации заключен был под стражу большевик татарин *Галимджан Сайфутдинов*; *Хусаина Ямашева* тоже должны были задержать, но он скрылся. В квартире его был произведен обыск. Такие же сведения имеются в материале относительно *Садыка Сагеева*.

№ 6949 Секретно.

24 декабря 1905 г. Г. Казанскому Губернатору.

Имею честь при сем препроводить на распоряжение Вашего Пр-ва список рабочих принадлежащих по данным агентуры, к составу боевой дружины, каждый член кото-

[1]) Старого стиля.

рой имеет или револьвер или иное какое либо оружие. Рабочие: *Сагеев, Быков, Яковлев и Афанасьев,* арестованы и содержатся уже в настоящее время под стражею в Казанской Пересыльной Тюрьме.

Подписал (неразборчиво).

(Дело № 38 т. II, лист 629, 1905 г.).

Министерство Внутренн. дел
Казанск.
ГУБЕРНАТОРА
по канцелярии
26 мая 1906 г.
№ 4380
г. Казань.

Секретно.
Вход. № 4962
27 мая 1906 г.
Дело № 80.

Начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления.

Департамент Полиции от 6 сего мая за № 1762 уведомил меня, что по рассмотрении в особом совещании, образованном согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о содержащихся под стражей в Казанской губернской тюрьме, Казанском цеховом *Матвее Петров Афанасьеве,* мещанине г. *Лукоянова,* Нижегородской губернии, *Михаиле Иванове Быкова* и крестьянах: Казанского уезда, дер. Большой Айбаши *Садыка Сагеева* и Свияжского уезда, дер. Карамышихи *Александре Осипове Яковлеве,* обвиняемых в принадлежности к боевой дружине и революционной агитации. Господин Министр Внутренних Дел постановил: выслать *Афанасьева, Быкова, Сагеева и Яковлева* в избранные ими места жительства, вне столиц столичных и Казанской губерний, под гласный надзор полиции на три года каждого, считая срок с 14 апреля 1906 года.

Сделав распоряжение о высылке *Афанасьеева, Быкова, Сагеева* и *Яковлева* этапным порядком из Казанской губернии в местности, которые они изберут для отбывания гласного надзора полиции, об изложенном уведомляю Ваше Высокоблагородие, присовокупляя, что о времени отправления высылаемых лиц, а равно и о том, куда последние будут направлены, мное будет сообщено особо.

При сем прилагаются возвращенные Департаментом Полиции 4 протокола допроса обвиняемых и веществен-

ных доказательств по их делу, поименованные в препровождаемом списке.

И. д. Губернатора (Подпись неразборчива).

Правитель канцелярии (Подпись).

Ис. Об. Старш. Помощн. Правит. канцелярии (Подпись).

(Дело № 80, 1906 г., лист 140).

На 178 листе того же дела мы читаем, что *Садык Сагеев* избрал местом жительства г. Екатеринбург, Пермской губернии, куда и был отправлен этапным порядком, под гласный надзор полиции 29 го мая 1906 года.

Все упомянутые выше события: октябрьские и ноябрьские дни в Казани, упразднение полиции и организация милиции, столкновения с полицейскими властями в Университете, рабочих районах, около Думы во время уличных демонстраций, из'ятие из городских оружейных лавок оружия и раздача его дружинникам—все эти сравнительно незначительные эпизоды являются моментами подготовки большого вооруженного выступления, „репетицией" его.

Об этой подготовке жандармы держат неустанно в курсе дела губернатора, доводя до его сведения, что за последнее время в оружейных магазинах покупается большое количество огнестрельного оружия и что факт этот находится в несомненной связи с подготовляемым вооруженным восстанием. Одновременно они запрашивают о мерах, которые нужно иметь в виду на случай действительного выступления в целях поддержания „законного" порядка.

Когда революция пошла на убыль и надежды на общее вооруженное движение пролетариата были разбиты, некоторые одиночки, а иногда и небольшие группы лиц пытались независимо от партии по своей инициативе осуществлять частичные вооруженные выступления.

Среди татар такой деятельностью прославился *Аглулла* (полное его имя *Аглулла Билалетдинов*), человек энергичный и с сильной волей, действовавший с небольшой группой единомышленников. Подвиги его и по сейчас еще держатся в памяти Казанского пролетариата. Татары называли его „*Агли*", а русские просто „*Али*".

Али происходил из крестьян Тетюшского уезда, деревни Верхних Эндырчэ и с 1889 года работал в Баку. В 1905 году, когда он приехал на побывку на родину, его заподазри-

вают в принадлежности к революционным кружкам, подвергают обыску и заключают под стражу. После выхода из тюрьмы, он остается в Казани.

Когда революция была раздавлена, Агли самостоятельно, независимо от партии собирает вокруг себя маленький отряд и в 1908 году производит ряд экспроприаций. Затем, все они попадают в лапы полиции.

Билалетдинов долго сидит в тюрьме и суд приговаривает его к смертной казни через повешение. Казнь над ним была совершена в 1908 году в дворике Казанской тюрьмы, в которой он сидел.

11. СОБЫТИЯ 12-го ДЕКАБРЯ:

Заключительным аккордом реакции, начавшейся в Казани после октябрьских событий, был провал Казанской организации, происшедший 12 декабря.

В истории Казанской партийной жизни этот провал является одним из значительнейших. Ликвидация Казанской организации была инспирирована из Петербурга. В результате этого очередного похода министерства внутренних дел оказались разгромленными зачатки солдатской с.-д. организации Казанского гарнизона, а татарские с.-д. большевики, уйдя из Казани, рассеялись.

Заглянем в материалы охранки, освещающие интересующий нас вопрос:

Копия шифрованной телеграммы за № 02150 из Петербурга полученной 11 декабря 1905 года.

Вход. № 8867.
11 декаб.
Дело № 80/III т.

Казань Начальнику Губернского Жандармского Управления.

Срочно.
Совершенно секретно.

Благоволите приступить к немедленной ликвидации путем обысков и арестов социал-революционных и социал-демократических организаций на основании имеющихся у Вас строго проверенных агентурных данных наружного и внутреннего наблюдения по окончании ликвидации войдите в соглашение с прокурорами судебных палат и окруж-

ных судов по принадлежности относительно возбуждения судебного преследования в порядке тысячу тридцать пятой статьи или в порядке предварительного следствия при отсутствии достаточных формальных данных не освобождая стражи сделайте представление через губернатора особому совещанию в порядке охраны с представлением кратких протоколов или записок удостоверяющих виновность задержанных лиц.

О результатах ликвидации сообщите департаменту.

Директор *Вуич.*

С подлинным верно

Адьютант Управления Ротмистр *Пруженский.*

(Дело № 80, т. III, 1905 г. Лист 2).

Мы уже раньше упоминали о том, что на основании этой телеграммы в Казани были произведены обыски и аресты. Организации были ликвидированы и из Казани была послана телеграмма, приведенная нами выше. *)

В дополнение к этой телеграмме при особом отношении от 19-го декабря Каз. Губ. Жандармское управление дает следующие сведения в Департамент Полиции:

19 декабря 1905 г. *Секретно.*

№ 6880.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

ПО ОСОБОМУ ОТДЕЛУ.

В дополнение телеграммы моей от 13 декабря имею честь донести Департаменту Полиции нижеследующее: телеграмма о производстве ликвидации была получена около 4 часов дня 11 сего декабря. Немедленно были сделаны соответствующие распоряжения о производстве обысков и арестов. Всего в ночь на 12 сего декабря было произведено 29 обысков и арестовано 24 человека, поименованных в приложенном списке. Ввиду того, что в записной книжке арестованного бывшего студента Казанского университета Ивана Львовича *Ямзина*, по данным агентуры бывшего организатором военной группы при Казанском Комитете РСДРП, был найден список 17 нижних чинов, с указанием частей, где они служат, причем о большинстве этих нижних чинов имелись в веренном мне Управлении неблагоприятные в политическом отношении сведения, в ночь на 13 декабря были произведены обыски в частях войск, у

*) См. стр. 76.

поименованных, в прилагаемом при сем списке, нижних чинов, десять человек арестовано, одиннадцатый же вольноопределяющийся Ветлужского рез. баталиона *Рухай* уже содержался под стражей, ввиду обвинения его в распространении прокламаций... (Дело № 80 т. III, лист 602).

Эта ликвидация надломила силы революционных организаций в Казани вообще, казанских социал-демократов татар в частности.

Руководитель последних *Хусаин Ямашев* должен был перейти на нелегальное положение. Он скрывался по деревням, жил некоторое время подпольно в самой Казани и наконец вынужден был совсем уехать. Другие были или сосланы, или же уехали сами. При этом уезжающие революционеры старались, по мере сил и возможности, действовать по определенному плану и перебрасывать силы в те места, где наиболее остро чувствовалась потребность в работниках.

Ямашеву было назначено местопребывание в городе Уфе, который после Казани является вторым центром татарской жизни. Галимджан *Сейфутдинов* некоторое время просидел в Казанской тюрьме, затем был отправлен этапным порядком в ссылку, причем ему был предоставлен выбор места для отбывания гласного надзора, за исключением Казанской и столичных губерний и городов. Он избрал Оренбург, который можно считать третьим центром татарской культуры.

Руководитель кружков в рабочих районах и в особенности среди молодежи и шакирдов *Зариф Садыков* (Ибрагим *Муратов*), поехал в четвертый татарский центр—г. Астрахань, где он повел работу по двум направлениям: среди рабочих татар и в татарской печати. Знающим историю татарской периодической печати известно, что в жизни астраханской газеты „Бурхан-Таракки" был период в 3—4 месяца, когда она покраснела и повела довольно сильную кампанию против „мусульманского союза", защищая социалистические идеи.

Газета „Терджиман" по этому поводу подняла большой шум в татарской прессе. Главную роль в перемене направления „Бурхан Таракки" сыграл тов. *Муратов*.

Тов. *Садык Сагеев* рабочий большевик просидел после 12-го декабря 5½ месяцев в тюрьме, потом вместе с *Быковым, Яковлевым* и *Афанасьевым* был отправлен 29 мая 1906 года в ссылку

в Екатеринбург. Из Екатеринбурга он бежал в Чердынь, где приобрел себе подложный паспорт. Отсюда он пробрался в Казань, а затем уехал в Баку, где поступил на фабрику Тагеева.

Приказчик *Шахи-Ахмет*, игравший видную роль в революционной борьбе, во время репрессий уехал в Урал-Чиляби. Он забрал с собой шрифты, переданные ему татарскими наборщиками типографии Каримовых. Этот человек впоследствии оказался провокатором и был причиной крупных провалов в дальнейшем.

В это же время из Казани уехал *Минулла Вахитов. Ямашев* предложил ему направиться в Ташкент или Баку, как районы более всего нуждавшиеся в татарских работниках. *Вахитов* избрал г. Баку.

IV.

Татарские прокламации, как средство агитации и пропаганды.

Революция 1905 года протекала под знаменем непримиримой борьбы трудящихся с самодержавием. Старый режим не смотря на всестороннюю разруху все таки был еще силен и всячески тормозил осуществление свободы.

После 17-го октября страна как будто вздохнула свободнее, но это был мираж, который рассеялся чуть ли не на следующий день.

Ясные и отчетливые требования народа не были удовлетворены и никаких определенных гарантий в смысле осуществления обещанных свобод не чувствовалось.

Полтора месяца куцой свободы прошли. Начались совершенно явные или очень плохо замаскированные ограничения „дарованной“ свободы.

Вместе с ней возродились и старые испытанные методы подпольной работы. Возродились подпольные типографии, гектографы, мимеографы и результаты их деятельности: подпольные газеты, книги, брошюры, прокламации, сыгравшие в первой революции такую видную роль в деле агитации.

Русские социалисты с этим оружием борьбы были знакомы давно. Уже в 60-х годах родоначальники русской народной революционной мысли и дела, как *Чернышевский*, *Михайлов* и другие были обвинены в распространении противоправительственных воззваний, за что были наказаны ссылкой и крепостью.

После них, начиная с 70-х годов сперва народнические, а потом и с.-д. рабочие организации пользовались для своих целей тем же методом подпольного, тайного слова.

В XX-м веке, в особенности, во время первой революции, такая литература на русском языке разрослась чрезвычайно. Не только губернские комитеты партии, но частенько и уездные имели свои подпольные типографии.

Татарская общественность увидела подпольные прокламации только во время первой революции [1]) и увидела их в очень большом количестве и в очень разнообразном виде.

Первую политическую прокламацию на татарском языке, написал *Хусаин Ямашев.* В 1903 году *Х. Ямашев* связался через *И. Ахтямова* с комитетом партии с.-д. С этого момента среди татар начинается агитационно-пропагандистская работа вообще, в частности—усиленный перевод на татарский язык прокламаций Казанского Комитета РСДРП, которые затем гектографируются и распространяются среди населения.

Первым руководителем в этой работе был *Ямашев*, впоследствии это дело поручается *Галимджану Сейфутдинову*, который принимается за него со всем рвением, Прокламации быстро распространяются в рабочих районах, среди приказчиков и шакирдов в Казани, Оренбурге, Астрахани, Троицке, Уфе.

Не остается ни одного, более или менее значительного города, с компактными массами татарского населения, где не печатались бы и не распространялись прокламации на татарском языке. Перевод политических прокламаций находился всецело в ведении партийных товарищей, размножение же, которое происходило в конспиративных квартирах, поручалось обычно шакирдам, школьникам, приказчикам. Эта работа производилась всегда с чрезвычайной осторожностью. Затем, с не меньшей осторожностью распространяли их. Работа эта считалась одной из самых серьезных заслуг перед делом революции.

Партийные организации придавали этому делу большое значение. В № 22 газеты „Пролетарий“ за 1905 г. мы читаем:

---

[1]) До этого времени, по почину Рашид-Козыя распространялись ответы разным миссионерам по вопросам Ислама и христианства, отпечатанные на гектографе. Эти ответы достигали иногда размера маленьких книг в 40—50 страниц. Конечно, эти издания носили совершенно другой характер и поэтому причислены к разряду прокламаций быть не могут.

„Но в силу особенного языка приходится устраивать кружки с преподаванием на татарском наречии, иногда устраивать первоначальные организационные собрания только из татар, чтобы затем привлечь их к организации. Необходимо переводить листки на татарский язык, печатать их могут тоже только татары"...

В настоящее время нет никакой возможности установить в точности, кем, сколько, когда было размножено и распространено прокламаций. И только для приблизительного суждения приводим отрывок из гектографированного отчета Казанского Комитета за март месяц 1905 г., в котором перечисляются все прокламации, изданные комитетом в данном месяце. Выпущены следующие татарские прокламации:

1) Ко всем рабочим о Бакинской резне . 428 гектогр. экз.
2) Ко всем рабочим о манифесте 19 февр. 985 „ „
3) Кто виноват? . . . . . 278 „ „
4) Солдатская памятка . . . . . 280 „ „
5) О петиции рабочих и событии 9 января 400 „ „
6) Класс против класса . . . . . 200 „ „

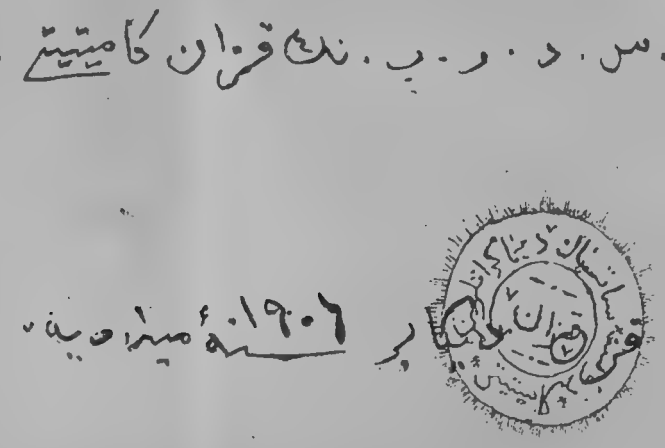
Вот прокламации, вышедшие только в марте 1905 г. т. е. во время, когда революция только зачиналась, еще не разрослась и широкие массы не успели еще принять в ней участия. В дальнейшем прокламации стали размножаться все в большем и большем количестве. Стали они улучшаться и в смысле содержания.

Среди находящихся в настоящее время у нас на руках особенно интересны следующие прокламации:

1) К крестьянам—3 листа б. формата.
2) 19 февраля—1 лист больш. формата.
3) Царская война и царский спор—3 листа больш. формата.
4) О событиях 9-го января—2 листа больш. формата.
5) Почему мы выдвигаем требование демократической республики—2 листа больш. формата.
6) К обществу—1 лист больш. форм.
7) Вооруженное восстание и временное революционное правительство—3 листа больш. формата.

Все эти прокламации размножены на гектографе и изданы Социал-Демократическим Комитетом, с приложением его оффициальной круглой печати. Повидимому прокламация № 6

к обществу—является самой ранней по времени, а прокламация № 7 принадлежит, по всей вероятности, к тому моменту, когда волна революции достигла своего максимального под'ема. Тут



Эта подпись и круглая печать взяты из татарской прокламации под названием: «Братья, крестьяне!» сохранившейся в архиве секретного стола Казанского губернатора.

уже речь идет о вооруженном восстании и о временном революционном правительстве.

Эти документы, при анализе их со стороны формы обнаруживают следующие особенности: 1) орфография в них старая; 2) язык недостаточно разработан; 3) написаны они не опытным пером; 4) в языке встречается много русских слов, что об'ясняется, во первых, тем, что эти прокламации составлялись не профессиональными литераторами, а людьми, не владевшими пером, во вторых—непониманием рабочими арабских слов, вследствие чего волей неволей приходилось прибегать к русским словам, в третьих—тем, что в то время наш литературный татарский язык переживал еще младенческие годы своего развития, вследствие чего, составление прокламаций на чисто татарском языке затруднялось, в четвертых—влиянием русского оригинала.

В тексте татарского издания приведены тут две прокламации: одна из них посвящена вопросу отношения социал-демократии к крестьянству, другая—призывающая к последнему бою против самодержавия и к вооруженному восстанию.

(Мы ограничиваемся здесь тем, что для иллюстрации приводим только клише части одной прокламации. Переводчик).

Прокламация на татарском языке

(начинающаяся словами: Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! К обществу).

راسیسکی سوسیال دیموکراتیچسکی رابوچی پارتیا

قوشلکر برگه بتون دنیانگ پرالیتاریاسی!

КАЗАНСКIЙ КОМИТЕТЪ

جماعت!

ریوالوتسیا یارودان توقتامی! هلق ایرکنلک اچون صوغشقه کوتارلدی! بزنگ کوزلرمز

دو سلا[illegible] بزنگ قانلرمز آقا! قرال برلن کوتارلو باشلانمی اینده! بتون راسسیاده چوین

یولده ایشلاوچی هرضنفی ترهم اشچیلر زاباستوفکه باشلادیلر. منه آلتنچی کون اینده

هر جیرده دیوب ایترلکا. پویزدلر جورمیلر. راسسیانگ تورمشی توپبانلوک توقتالدی.

اشچیلر پادشاسناسادیر زاوییاسینک [illegible] ازلق کوپلاوینه زاباستاکه برلن

جواب بیردیلر. پراویتلستوا اوزی پیتسیونس کامسه تورسنده سرلیستاشرگه پاکا-

تیلق کامیسیاسینه چاقرغان اشچیلردن صایلانوب کیلگان دیپوتاتلرنی آریستاوات

ایتدی (یابدی). دیپوتاتلر اوزلرین صایلاوچی چوین یول اشچیلرینک قوشولاری

بولیتیپه بتون چیناونیقلرنی هم باشلرندهغی پاکاتیلقنی قودیلر. ایکانامیچسکی هم پالیتیچسکی

تریبوانیالر قویدیلر: ۱) اسماچیکلار یاصارغه سوزگه یازو-یاصوغه جیلوشرغه

جمعیتلر-سایوزلار یاصارغه هم دینکه برنرسه برلن قصلماغان ایرکنلک ۲) هاضرداغی

بتون هالقا تیکرلک پاشربن تاوش بیرو برلن هم تورغیدان صایلانغان غسی نارودنی

اوچریدیتیلنی سابرانیانگ جیلووین. چوین یولرنگ زاباستوفکهسی ریوالوتسیا

نگا هبرچیسی بولدی. پیتربورده اشچیلر اونیویرسیتیت دگی ضور جیولرنده بتون

شهرده زاباستانکه یاصارغه ریشیت ایتدیلر. پالیتیچسکی تیقسکی قارایلر یاصر کورگانک

آلتیکسا [illegible] هم باشقه ضاوود [illegible] پیکالار هم ماستیرسکویلر باستاقات ایتدیلر

(اشلریسین تاشلادیلر). پیریکاشچیکلار هم تیپوگرافیا اشچیلری هم باشقهلار اشلرین تاشلادیلر.

بتون هالق قوزغالدی. منه بز چوین یول تیلیگرامی آرقلی شوشی هبرلرنی آلدوق:

[illegible] اوکتابرده پیتربورده یوزلرچه اشچیلر هالقا دیمانستراتسیاغه چقدیلر.

آلارغه قارشی بتون کازاکلرنی قویدیلر. مندان صونگ قانی صوغش باشلاندی.

ایکی یاقدان [illegible] کشیلر [illegible] صیانالار. لیکین عسکر هالقه

قارشی تورمادی. بعضی پولقلار هالقه قارشی یاروغه کیرو کیلهدیلر.

[illegible] پیتربورده [illegible] یاری [illegible] کینه تالدی. [illegible]

[illegible] پالیتیچسکی

[illegible]

[illegible]

[illegible] (یالونده). ریوالوتسیا بیک [illegible] انسیاغه [illegible]

Наряду с прокламациями чисто политического характера, распространялись среди шакирдов и других гектографированные листы подпольного издания, в которых призывали шакирдов к борьбе за реформы медресе. Эта агитация обрушивалась на мулл и богачей, здес указывалось на тяжелое положение шакирдов; но об этом речь будет ниже.

Как встретила татарская общественность политические прокламации?

В Ленинской газете „Пролетарий" за № 15 от 1905 г. говорится следующее:

„... Между прочим, все почти прокламации комитета переводятся на татарский язык и распространяются среди татар, которые читают их с большим интересом...".

Также в издаваемых Истпартотделом ЦКРКП(б), сборниках „Пролетарская революция" (Москва—1923—24 г.г.) частенько можно встретить ссылки подтверждающие такое положение дела.

Между прочим, там, в одном из №№,—рассказывается, как татары—рабочие вступили в драку с полицейскими, порывавшимися отобрать у них прокламации. Также мы видели выше, что Кукморские рабочие татары отзывались о прокламациях на татарском языке вполне благожелательно, находя их полезными для себя. Партийная организация смотрела на печатание татарских прокламаций, как на нечто безусловно необходимое и своевременное. Некоторые крестьяне—татары сами просят, чтобы им доставляли прокламации на татарском языке. Так в письме *П. Кунаева*, написанном со станции „Ряси" 16 декабря 1905 г. к брату Павлу в г. Казань, и попавшем в руки жандармов мы читаем следующее:

„Приготовь, пожалуйста, прокламации на татарском языке. Я на станции разговорился с татарами и они меня спрашивали, как им поступить и как взять землю, которая находится под властью казны. Я им сказал, как, и предложил прокламации, но они прокламации на русском языке не взяли и просили на татарском. Пришли поскорее с попутчиком или пошли на станцию „Ряси" хозяину, а он раздаст".

(Дело № 21, т. I, лист 46, 1905 г.).

V.

Газета „Урал“.

فرصلمت 4 غنوار سنه 1907 — №1

اورال

غزیته‌نڭ بهاسی	یللق		یارطی یللق		اوچ آیلق		بر آیلاق
یوچته حقی برلن	۴	«	۲	«	۱	۲۰	— ۴۰

اعلان ایچون یولندن اولگی بیتده ۵ تین، آخر بیتده ۲۰ تین آلنور
کوب مرتبه باصدروچیلاردن آیرم حق آلنور. آدرس آلشدررراوچون ۱۲ تینلك
مارکا آلونه. رته‌گه پادپیسکاهر آینك. باشندن هم (۱) نچی کوندن گنه قبول ایتلی
ردلاقسیه کانتورا آمیرقانسکی خانه‌سنه آستنده. ردلاقسیه آچق ایرته ساعت
۸ دن ۱۰ گه‌چه کیچ ۵ دن ۹ غه‌چه.

АДРЕСЪ: Оренбургъ редакція «УРАЛЪ»

Газета „Урал“ в первом номере на первой странице поместила следующее об‘явление:

„Принимается подписка на газету „Урал", которая будет издаваться в Оренбурге с 1 января 1907 года и выходить 2—3 раза в неделю на чистом татарском языке. Газета поставила себе целью защищать интересы городских и сельских рабочих. В ней будут печататься отдельные статьи по политическим и экономическим вопросам, а также материалы, освещающие все стороны общественной и повседневной жизни.

В литературном отделе будут помещаться фельетоны, стихотворения, расказы; в научном: статьи по экономическим, политическим, историческим и другим вопросам. Кроме того будут в газете отделы под наименованиями: хроника России, зарубежные известия, Оренбургская хроника, вести из Поволжья, с Урала, из Сибири и Туркестана. Книжная полка и библиография:

Из жизни партий, рабочих и крестьян. Об'явления. Абонентам ежемесячно будут рассылаться брошюры по экономическим или политическим вопросам.

Подписная плата на газету „Урал": в год 4 рубля, на 6 мес.—2 рубля, на три месяца—1 р. 20 к., на 2 мес.—80 коп., и на 1 мес.—40 к.

Редакция и контора газеты: Оренбург, под Американскими номерами. Адрес: Оренбург, редакция „Урал".

Из этого об,явления мы не можем еще сделать какого нибудь определенного вывода относительно направления газеты. Некоторое основание к суждению о нем могут дать следующие слова об'явления: Газета поставила себе целью защищать интересы городских и сельских рабочих...

Но это нерешительная, чрезвычайно общая и расплывчатая фомулировка вероятно была продиктована соображениями осторожности и имела целью отвести глаза чрезмерно любопытных жандармов. Но все же, чем была в сущности газета „Урал"? Тепрь на этот вопрос мы можем ответить без обиняков, кратко и определенно:

— Газета „Урал" была органом татарской социал-демократии.

— Газета „Урал" была первой большевистской газетой в татарском мире.

Для того, чтобы вполне уяснить себе организацию, цели и задачи этого органа необходимо проанализировать следующие моменты:

а) Кто были руководители газеты „Урал" и каковы были организационные связи газеты.

б) Программу и тактику „Урала".

1. РУКОВОДИТЕЛИ ГАЗЕТЫ „УРАЛ" и ЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СВЯЗИ.

Выше, когда мы рассказывали о татарских прокламациях, мы видели, что они печатались и распространялись под руководством *Ямашева* и *Сейфутдинова*. Эта литература сыграла очень большую роль, но удовлетвориться только ею было невозможно. Необходима была газета для широких масс.

Самым удачным местом для издания такой газеты являлась бы, конечно, Казань, но после октябрьских дней в Казани было об'явлено военное положение и начались преследования всего революционного. Когда декабрьское восстание в Москве было задавлено, притеснения еще более усилились. Обыски и аресты в знаменательную ночь 12-го декабря, когда были ликвидированы Казанские организации, окончательно разрушили возможность открытой революционной работы.

Как уже упоминалось выше *Галимджан Сейфутдинов* просидел 6½ мес. в тюрьме и был приговорен к ссылке. Он избрал местом своего заточения Оренбург, предполагая, что там возможно будет продолжать агитационно-пропагандистскую деятельность.

Та же телеграмма Департамента Полиции предлагала арестовать *Хусаина Ямашева*. Обыск у него производили, но он сам успел скрыться.

Некоторое время он нелегально проживал в Казани, потом поехал в Уфу, где встретился с товарищем *Саммером*, членом ЦК РСДРП (б), по той же причине, как и *Ямашев*, но несколько ранее покинувшим Казань.

Тов. *Саммер* проездом с Урала в Москву, останавливается на квартире *Ямашева*. Во время этой встречи было решено на издание социал-демократической газеты на татарском языке выделить из партийных сумм пятьсот (500) рублей. *Ямашев* переезжает в Оренбург и совместно с сосланным туда *Галимджаном Сейфутдиновым* начинает издавать газету „Урал".

Ямашев Хусаин

(в период его работы в газете „Урал").

К ним присоединяются в качестве сотрудников сторонники социал-демократии среди татар.

Первым социал демократом среди татарской интеллигенции был *Ибрагим Ахтямов.*

До 1903 года он принадлежал к революционно-марксистской группе „искровцев". После II-го С'езда, когда партия с.-д. распалась на два крыла большевистское и меньшевистское. он отошел к меньшевикам. Но *Ямашев,* привлеченный в партию *Ахтямовым,* наоборот присоединился к большевикам. В 1905 г. Казанский Комитет партии был в руках большевиков, меньшевики составили маленькую самостоятельную организацию под названием: „Казанская группа социал-демократов". *Ямашев* как большевик, не состоял в этой группе, а в Комитете.

Уже одно то обстоятельство, что т. *Саммер,* член Центрального Комитета РСДРП дал *Ямашеву* деньги для издания газеты из средств партии большевиков, служит достаточным доказательством о несомненной принадлежности т. *Ямашева* к большевикам.

Другой видный сотрудник „Урала"—*Галимджан Сейфутдинов* работал, как нам известно, на периферии Казанского Комитета, другими словами был тоже большевиком.

Вывод из всего сказанного ясен: газета „Урал" издавалась при помощи партии татарскими большевиками.

А этим, думается нам, достаточно ясно и точно определяется и физиономия „Урала".

2. ПРОГРАММА и ТАКТИКА „УРАЛА"[1]).

Газета „Урал" выходила с 4 января 1907 г. по 18 апреля того же года. Всего было выпущено 30 номеров. Газета об'емом в один печатный лист издавалась в среднем газетном формате и состояла из четырех страниц.

Как было упомянуто в об'явлении, ежемесячно читателям высылалась в виде приложения брошюра политико-экономического характера. Брошюры выпускались под отдельным названием „Библиотека Урала" всего вышло 5 книжечек:

---

[1]) Нужно серьезно подумать о переиздании отдельных сборников газеты «Урал», являющейся в татарской печати первым органом большевиков. А пока мы решили в настоящей книге кратко осветить работу этой газеты, надеясь, что это даст некоторые сведения интересующимся этим вопросом.

№ 1. Кому нужно угнетение разных национальностей 23 стран.
№ 2. О всеобщем избирательном праве . . 23 „
№ 3. Чего добивается Российская Социал-Демократ. Партия для крестьян . . . . . 22 „
№ 4. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих . . . . . 35 „
№ 5. Наши ближайшие требования и конечная цель . . . . . 45 „

Все эти брошюры—книги были органически связаны с газетой „Урал“ и издавались с целью дать читателям более широкие и основательные знания по тем вопросам, которые освещались в газете отдельными статьями.

Эти брошюры, а также весь материал, помещаемый в газете совершенно определенно свидетельствует о том к какому течению русских социалистов примкнули наши „уральцы“. В „Урале“ помещались отдельные статьи по всем более важным вопросам татарской общественной жизни. „Мусульман Иттифаке“ (союз мусульман, игравший в то время крупную роль на арене политической борьбы), „националисты“, „движение шакирдов“, „мусульманская трудовая группа“, „муфтиат“, „движение среди приказчиков“, „Выборы в думу“: все эти темы обсуждались на страницах Урала.

Для большей систематичности подразделим интересующие нас вопросы, освещавшиеся в „Урале“, на две категории: 1) Вопросы общего характера и 2) вопросы татарской общественной жизни.

Вопросы общего характера:

1. Приводим целиком передовицу первого номера „Урала“, в которой редакция об‘являет перед читателями свое направление и декларирует свою программу и тактику:

От редакции.

Борьба против старого порядка в России была до сих пор делом только авангарда, передовых элементов класса, желающего завоевать свободу, но сейчас она становится всенародным делом, т. е. борьба против старого режима углубляется и расширяется, классовые противоречия различных слоев народа обозначаются с возрастающей четкостью.

В настоящее время основной задачей рабочего класса является: не поддаваясь обману со стороны своего клас-

сового врага, довести бой до конца за великий идеал—социализма.

Для этого пролетариат (рабочий класс) должен быть организован, он должен осознать интересы своего класса. С другой стороны, исход борьбы зависит и от того, насколько ясно осознают свои интересы деревенская и городская беднота и сумеют-ли они сойтись вместе с пролетариатом в этой борьбе.

В нашей газете мы будем непрестанно звать пролетариат к об'единению, помогать ему в развитии его классового самознания и призывать городскую бедноту и крестьянство к организации.

Эта статья является программной. По ней мы можем с особенной ясностью вскрыть следующие основные моменты направления уральцев:

1. Борьба против старых порядков в России—сейчас становится всенародным делом. „Народ" сам в свою очередь, отнюдь не является единым однообразным организмом, а подразделяется на классы. Классовые противоречия изо дня в день углубляются и борьба между классами растет. Вот основная мысль проводимая в статье. Если сравнить эту статью с вышеприведенной цитатой Ленина, то вывод напрашивается сам собой:—Урал придерживался без сомнения марксистской точки зрения.

2. В революционной борьбе, основная движущая сила—пролетариат. Перед ним стоит задача уничтожения старых форм жизни и проложения путей к социализму. Союзниками пролетариата в этой борьбе должна быть городская и деревенская беднота. Следовательно, ближайшая задача рабочего класса: свержение самодержавия и устройство демократической республики.

Но газета не ограничивается установкой только этой цели, а выдвигает основную задачу будущего—социализм. И в этой дальнейшей борьбе за социализм союзником пролетариата будет крестьянство.

Другими словами, газета ясно и определенно ставит вопрос о смычке города с деревней. Это положение и является той гранью, которая отделяет большевиков от меньшиков. Меньшевики на первый план выдвигают об'единение с либеральной буржуазией, предлагая блок с ней в борьбе против самодержавия. Большевики же, согласно учению Ленина,

в товарищи и союзники пролетариата по борьбе берут крестьянство.

По этому большевистскому пути и идет газета „Урал".

В передовицах *Ямашева,* в фельетонах *Сейфутдинова Галимджана*, посвященных большим и серьезным темам всецело проводятся большевистские принципы.

В приложениях—брошюрах, которые переводились с русского языка, проводится тоже выдержанная большевистская линия.

В статье от редакции говорится: основная движущая сила в борьбе за социализм—пролетариат, для достижения своей цели должен серьезно подготовиться, организоваться, развить свое классовое самосознание и накопить знания. Одна из брошюр и была посвящена именно вопросу выяснения задач рабочего класса в революции.

У пролетариата, в его революционной борьбе основной союзник—крестьянство, а потому другая брошюра посвящается теме о социал-демократии и крестьянстве, их взаимоотношениях и вопросу о путях борьбы в революции крестьян.

Известно, что в России национальный вопрос является одним из самых острых. В эпоху революции он должен был естественно занять исключительное место, а потому одна из брошюр написана и посвящена национальному вопросу. В ней обстоятельно выясняется, с какой целью угнетаются инородцы, для чего это нужно самодержавию. Кроме того, в газете имеются отдельные статьи, написанные на эту же тему.

Одна брошюра посвящена всеобщему избирательному праву. В ней раскрывается сущность вопроса о принципах выборного начала, являющегося основой демократического строительства государства и общества и одним из главных пунктов программы минимум социал-демократии.

Последний выпуск „Библиотеки Урала", самый об'емистый, называется „Наши ближайшие требования и конечная цель". Здесь простым и ясным языком излагаются требования программы минимум и программы максимум. И здесь речь обращена как к рабочим, так и к крестьянству.

Интересен вопрос, в полной ли мере большевистски выдержаны все номера газеты „Урал" и ее приложений и не встречается ли в них промахов?

Конечно есть. Чувствуется иногда влияние меньшевизма. Возьмем для примера два серьезных вопроса. В брошюре № 3 „Чего добивается Российская социал-демократическая партия для крестьян?“ на 18 стр. простым, понятным языком рассказывается о национализации и муниципализации земли и раз'ясняются эти термины, при чем сама книга стоит за последнее.

Это несомненное и очевидное влияние меньшевизма. В № 2 газеты „Урал“ в статье „Новый союз Мусульман“ за подписью „Кзыл“, мы встречаемся с аналогичным заблуждением: „в большинстве случаев интересы рабочего класса и крестьянства не совпадают и потому мы говорим, что рабочие и крестьяне не могут составить одну партию“...

Эти слова тоже обнаруживают срыв с большевистской позиции. Наша партия со дня своего рождения непрестанно твердила о союзе рабочих и крестьян, о том, что сознательное беднейшее крестьянство и сознательные средняки могут и должны составить одну партию с рабочим классом, и что пролетариат должен быть руководителем, вождем этой партии.

При более детальном изучении газеты и ее приложений, такие недочеты встретятся еще несколько раз, но всетаки не в состоянии изменить настоящей подлинной физиономии газеты, основного ее направления.

Такие выражения и мысли являются случайным заблуждением, оговорками, сказанными как бы невзначай.

Да и не следует особенно изумляться.

Разве первые русские марксистские кружки в раннюю пору своего развития были вполне свободны от посторонних влияний? Не ошибались ли в начале своей деятельности такие серьезные, положительные группы, как „Группа освобождения труда“? Мы знаем из истории развития их программы, что и там подчас чувствовались элементы народнической идеологии.

На Лондонском об'единенном с'езде в 1906 году меньшевики получили большинство и с'езд по аграрному вопросу, отклонив проэкт *Ленина,* провел проэкт *Маслова.* Некоторое время от имени партии действовал Центральный Коммитет, большинство которого состояло из меньшевиков.

Само собой разумеется, что упомянутое выше постановление по аграрному вопросу широко распространилось по местам. Брошюра же „Библиотека Урала“ вышла вскоре после

этого с'езда и неудивительно, что приведенные 3—4 строки были написаны под влиянием меньшевистского постановления.

Можно указать еще на одну причину: Основной руководящей силой „уральцев" были большевики. Но некоторые татарские меньшевики как, например, *Гумер Терегулов*, за отсутствием меньшевистского органа, втерлись к *Ямашевым*.

В то время, массами был выдвинут вопрос о примирении двух фракций, боровшихся в России друг против друга. Исходя, вероятно, из этих настроений, группа *Ямашева* и приняла в число своих сотрудников этих людей. Возможно, что именно они, сознательно или бессознательно, допускали упомянутые выше ошибки. Основными руководителями „Урала" оставались все-таки большевики-татары, а тактика и программа его неизменно была большевистская. Изредка попадающиеся меньшевистские уклоны—случайные явления.

Отражение татарской общественной жизни в газете „Урал".

Все силы—„Уральцев" были направлены на организацию рабочих и крестьян для борьбы с самодержавием, на развитие их политического сознания.

Общий тон газеты „Урал" был вполне корректный и мы не встречаемся в ее номерах с такой уличной и личной бранью по отношению к татарской буржуазии вообще и отдельным ее представителям как это имело место в газете „Танг" [1]). Но по поводу всех сер'езных и крупных политических событий татарской жизни газета „Урал" всегда высказывала свои взгляды. Среди таких руководящих статей особенно значительными была: „Союз Мусульман" (Мусульман Иттифакэ), „Мусульманская трудовая группа" (Мусульман Хезмет Таифасэ), „Националисты" (Миллятчеляр), „Религиозники" (Динчеляр) и друг.

О „союзе мусульман".

В 3-м номере газета Урал пишет:

„Российские мусульмане точно также, как и все другие народы мира, безразлично, какую бы религию они не исповедывали, к какой бы нации не принадлежали, распадаются на классы. У мусульман также как и у других

[1]) Газета татарских э-эров.

наций имеются, с одной стороны, помещики и капиталисты, с другой—крестьянство и продающие свою рабочую силу рабочие. Люди с одинаковыми экономическими интересами составляют один класс. Интересы рабочего, продающего свою силу, совершенно противоположны интересам его хозяина, покупающего эту силу,

Рабочий хочет возможно меньше работать и получать возможно большую заработную плату, а хозяин заинтересован, чтобы рабочий работал как можно больше, а заработной платы получал как можно меньше.

Все народы, без различия религий и наций делятся на классы. Как рабочие татары находятся под пятою русских капиталистов, трудятся для них, как рабы, так и русские работают на капиталистов-татар. Как у всех хозяев-эксплоататоров без различия религий интересы бывают одинаковы, так у всех рабочих интересы тоже вполне совпадают. Так дело обстоит у народов и других национальностей: в их среде классы всегда борются друг с другом. Рабочие выступают против своих хозяев, крестьяне—против помещиков. Но мы не должны представлять себе борьбу эту в буквальном смысле слова, как борются например—два человека на площади. В этой борьбе рабочие устраивают забастовки, организуют различные союзы, капиталисты, в свою очередь, выгоняют рабочих с мест и стараются провести законы угнетающие рабочих. Каждый класс у каждого народа старается об'единиться в борьбе против своего классового врага для защиты своих интересов. У каждого борющегося класса имеется своя партия, которая хлопочет на пользу своего класса, выступает в защиту его интересов. Следовательно, партия ничто иное, как значительное по количеству об"единение людей, принадлежащих к одному определенному классу, отстаивающее интересы этого класса. Само собой разумеется, что татары, как и все другие национальности России, должны разбиться на различные партии, потому что, ведь, и они, как было сказано выше, подразделяются на классы.

Ясно, что все мусульмане не могут войти в состав единой партии, в частности в „союз мусульман" (Мусульман Иттифакэ), потому что, несмотря на общую религию, экономические интересы всех татар не одинаковы.

Посмотрим теперь, что из себя представляет партия „мусульман иттифакэ".

В 1905 году на ярмарке в Нижнем Новгороде собрались мусульманские капиталисты и примыкающие к ним духовенство и интеллигенты, обсудили между собою свои „национальные" дела; вынесли разные несбыточные резолюции и в конце концов, порешив ежегодно устраивать „мусульманские" С'езды, раз'ехались.

Когда развернулось в России революционное брожение, тотчас же и везде начали говорить о различных партиях, о которых до тех пор и во сне не снилось народу. Мусульманские капиталисты постарались для себя с'организовать свою собственную „партию". Мусульмане, жившие в разных городах России, начали обмениваться между собою телеграммами, в которых оповещали друг друга, что в Петербурге созывается мусульманский с'езд для организации „партии" и что нужно, мол, на этот с'езд избирать делегатов. И вот с разных сторон помчались на с'езд в Петербург, под видом избранных делегатов, в большинстве же случаев никем и нигде не избранные, мусульманские капиталисты и лица духовного звания... и обрели здесь, партию, для себя, конечно,—партию капиталистов.

В конце лета открылась Нижегородская ярмарка и опять наши мусульмане стали волноваться и кричать о с'езде и с'езд состоялся. Но кто был на этом с'езде? Опять богачи—капиталисты. Уже одно то обстоятельство, что оба эти С'езды, нынешний и прошлогодний, состоялись на ярмарке, чрезвычайно красноречиво говорит об его составе. Ведь именно богачи везут туда продавать свои товары, покупают новые и занимаются кредитными операциями. А что же касается до духовенства и ителлигенции, то они, как известно, являются приспешниками капитализма.

Итак, мусульмане собрались на с'езд. И в нынешнем году они нисколько не задумываясь кричали: „мы собрались от имени всех мусульман"... „мы делегаты от всех мусульман". Они опять подняли вопрос о партии. Но, несмотря на весь их шум и крик, они всетаки недалеко ушли от партии кадетов и в духе этой партии составили

программу. Почему же они пошли по стопам кадетов? Да потому, что они капиталисты, они—буржуа. Но не смотря на это, они не называют свою организацию „партией кадетов", а называют ее партией „мусульман иттифакэ". Они воображают себе, что все мусульмане войдут в их партию, если на вывеске будет стоять слово „мусульманская".

Партия „мусульман иттифакэ" принесет безземельному крестьянству и рабочему только вред. Как буржуазия Западной Европы, так и русская сделали из религии орудие для своих выгод. Если они говорят: „мы все христиане, а потому все наши интересы должны быть одинаковы", то они спекулируют неграмотностью, темнотой рабочих и крестьянства. Они всячески препятствуют развитию классового сознания рабочих и крестьян, не хотят, чтобы они вступили в партию рабочих и вышли на борьбу против буржуазии. Рабочие и вся беднота должны хорошо усвоить это. Допустим, что религия общая, но ведь капитал то не общий. И поэтому рабочие и беднота должны входить только в свою партию. А партия „мусульман иттифакэ" будет недолговечна. Это докажет нам история.

О „новом союзе мусульман".

(Янги мусульман иттифакэ)

Во Второй Государственной Думе, созванной в 1907 году, было всего 32 мусульманских делагата, об'единившихся в мусульманскую фракцию.

Левое крыло этого об'единения отделилось и организовало новую фракцию, под названием „мусульман хезмят таифасэ" (мусульманская трудовая группа).

По своему классовому происхождению депутаты, выделившиеся в эту группу, принадлежали к кулачеству и духовенству.

Тактику же и программу они всецело заимствовали у партии „трудовиков", которая в то время занимала видное положение в Думе.

„Танговцы", татарские эс-эры, как например, *Гаяс Искаков*, *Фуад Туктаров* и их компания сыграли значительную роль в деле отделения этой маленькой группы от основной мусульманской фракции. *Фуад Туктаров* в своей книге „Мусульманские депутаты в Думе" определенно заявляет об этом.

Эта фракция надеялась в будущем создать партию. В марте 1907 года, когда произошло отделение ее от основной мусульманской фракции, она выбрала комиссию из шести человек для выработки программы. В нее входили кавказец *Зейнал Эфенди*, Уфимский учитель *Калимулла Хасанов*, Чистопольский торговец *Гариф Бадамшин*, *Адый Атласов*, *Г. Наджмутдинов*, Буинский богач *Ахунд Масгудов*.

„Танговец" *Фуад Туктаров* („*Усал*") написал из Петербурга статью в „Урал", в которой призывал и других депутатов вступить в партию „мусульманской трудовой группы", отзываясь о ней с похвалой (№ 20).

Газета „Урал" печатает статью *Ф. Туктарова* со следующим примечанием от редакции:

„К взглядам, высказанным в данной статье, редакция не присоединяется. В следующем номере редакция выскажет свою точку зрения на затронутые вопросы".

И правда, в № 21 „Урала" мы читаем статью „Кзыла", раскрывающую перед нами взгляды редакции:

„Новый союз мусульман"

На наши утверждения, что мусульманское общество делится на классы, что экономические интересы этих классов противоречат друг другу, что по этой причине все мусульмане, поголовно, не могут войти в состав единой мусульманской партии, „националисты" голосили в ответ: „нет, у всех мусульман интересы общие, все мусульмане как один человек могут участвовать в „мусульманском союзе". А вот теперь правильность нашего взгляда доказали и мусульманские депутаты Думы. Все мусульманские депутаты, как первой, так и второй думы составляли „мусульманскую фракцию", которая и в настоящей думе работает в полном контакте с кадетской фракцией Гос. Думы.

В составе делегатов этой „мусульманской фракции" есть и помещики и крестьяне, есть капиталисты и рабочие. Несмотря на то, что все они мусульмане, они все таки не могли сработаться. Как видно из письма, присланного в редакцию „Урал" из Петербурга и напечатанного в № 20 газеты, а также из сообщений русских газет, мусульманские делегаты из крестьян и рабочих сказали мусульманским кадетам „мусульманской фракции": „мы

избраны для того, чтобы добиться свободы и земли для народа, чтобы стараться на пользу рабочих, а потому мы не можем работать в составе буржуазной партии—партии кадетов" и вышли из состава фракции мусульманских кадетов. Таким образом, „союз мусульман"—лопнул, как мыльный пузырь. А националисты—то как тужились! Да, разве этим делу поможешь? Да как же и не лопнуть? Религия—религией, она то общая, но ведь капитал то частный. Если старый „союз мусульман" лопнул, то на его место выскочил другой, новый союз мусульман, составленный из рабочих и крестьянских депутатов, вышедших из состава мусульманской кадетской фракции.

Отличие этого союза только в названии: он называется „мусульман хезмят таифасэ", что по русски значит „партия мусульманской трудовой группы". Поздравляем.

Оказывается у этого новорожденного ребенка и имя очень хорошее. Говорят, что среди них есть муллы: должно быть под звуки „азана" нарекли ему имя. Мы говорим, что партия „мусульман иттифакэ" в один прекрасный день лопнет, а сейчас предсказываем, что и этот новорожденный, нареченный именем „партия мусульманской трудовой группы" тоже современем разлетится в пух и прах.

Кому нужна эта „партия"? Политические партии в сущности не подразделяются на „мусульманские", „христианские", „русские" и „татарские", а каждая из них составляет один большой союз, защищающий интересы определенного класса.

Если вновь родившаяся партия представляет трудовой элемент, то почему же эти представители, вышедшие из состава мусульманской группы не вошли просто в трудовую группу думы, а организовали отдельную „партию мусульманской трудовой группы".

Каждому известно, почему мусульманские капиталисты и их сторонники — „националисты" беспрестанно твердят: „мусульмане", мусульманские", „мы мусульмане".

Мы никак не можем понять, почему люди отделившиеся от богачей под лозунгом „работы в пользу народа" не могут отделаться от понятия „мусульманское". Или они не знают, что истинно политические партии не подразделяют людей по религиям и национальностям.

„Союз мусульман“ выдает себя за партию, но представляет ли он собою самостоятельную партию на самом деле? Не плетется ли он в хвосте за кадетами, во всем поддакивая им и голосуя по кадетской указке? Если так, то этот союз мусульман не является ли по существу все той же кадетской партией, без различия религий и наций, служащей буржуазному классу? Точно также, вероятно, и новорожденная „партия мусульманской трудовой группы“ будет работать, без различия религий и наций, в контакте с трудовой группой Думы. Кому и на что нужна эта партия, называющая себя „мусульманской“, на деле работающая совместно с русской трудовой группой? И может ли она, в конце концов, называть себя партией? Затем, оказывается, что в эту „партию будут приниматься“ и рабочие, и крестьяне, и что эта партия будет преследовать интересы как тех, так и других. Не знаю, как они в состоянии будут совместить в одной партии интересы и рабочих, и крестьян. Должно быть, они заставят своих мулл читать им наставления-проповеди. Возможно, что при помощи таких орудий, как проповеди и названия „мусульманская“ они и добьются этого. Мы утверждаем, что рабочие и крестьяне принадлежат к двум различным классам: рабочие не имеют никаких орудий производства и принуждены продавать свои руки, рабочую силу нанимателю, капиталисту. Что же касается крестьян, то они, несомненно, тоже трудятся, но к капиталистам они не нанимаются, а имеют свое хозяйство.

Правда, что рабочие и крестьяне очень бедны. Как те, так и другие угнетаются капиталом. Но разница между ними заключается в том, что рабочие для своего освобождения из под ига капитала должны бороться за уничтожение частного капитала, а крестьяне для улучшения своей беспросветной, безотрадной и тяжелой жизни должны бороться во имя накопления личной собственности.

Во многих случаях интересы рабочих и крестьян не совпадают. Поэтому мы и приходим к выводу, что рабочие не могут входить в одну партию с крестьянами (?). Но эта „единая партия“, должно быть как и „союз мусульман“ намеревается привлечь в партию.... мусульман разных классов.

Мы слышали, что часть организаторов этой партии—социалисты. По всей вероятности, они будут бороться за социализм, сохраняя при этом за своей партией название „мусульманская". Однако, какая широкая, всеобъемлющая партия! Социалистическая, мусульманская, трудовая, рабочая, крестьянская.. Да в этой мещанине ничего не разберешь. Мы по крайней мере знаем, что социалистические партии не подразделяют человечество по религиям и национальностям. Социализм освободит из под гнета капитала не только рабочих, но и весь мир. Чтобы организовать мощную армию для борьбы за социализм, социалистическая партия призывает под свое знамя всех угнетенных капиталом рабочих всех религий и национальностей.

Мы социал-демократы утверждаем, что такие новые „партии" не соответствуют интересам рабочего класса, борющегося за социализм, потому что они, эти „партии" разъединяют, ставят грань между рабочими разных наций и религий, между товарищами по борьбе за социализм, мешают рабочим познать своего классового врага и служат причиной к ослаблению великой армии борьбы.

„*Кзыл (Красный)*".

В этой статье мы встречаемся с одним вредным уклоном, о котором мы уже говорили выше и который является результатом меньшевистского поветрия: неправильно толкуется характер отношения рабочих к крестьянству.

Но соль этой статьи не в этом. Суть и значение ее в том, что она последовательно раскрывает идеологическое родство мелкобуржуазных социалистических групп (как то „танг"челар, „дума"челар*) между собой и открыто заявляет от лица руководителей пролетариата, что газета „Урал" в корне возражает против этой мелко-буржуазной мысли.

О националистах и духовенстве.

„Урал" поставил себе в первую очередь, как об этом было упомянуто выше, задачу всячески развивать в массе классовое сознание и на этой базе организовывать ее. „Уральцы" прекрасно понимали, что буржуазию невозможно обратить в социализм. А поэтому они и не тратили зря время на участие в с'ездах буржуазных партий, как напр. в собраниях „мусульман иттифаке" и считали совершенно бесполезным вступать там в пререкания с помещиками, капиталистами и духовенством.

*) Об этих группировках речь ниже. Ред.

Они удовлетворялись тем, что разоблачали перед массой истинную подоплеку этих партий и выясняли перед ней свои позиции по отношению к буржуазии.

По поводу духовенства и националистов в „Урале“ появился ряд статей, в которых проводится мысль, что огромное большинство татарского народа—трудящиеся и что для улучшения своей жизни они должны в первую голову и до основания разрушить тот старый режим, который всех угнетает и давит.

— „Зовут ли националисты народ на этот новый путь? Нет. Не зовут же и не могут звать, потому что являясь богачами-капиталистами они в качестве орудия борьбы кроме бумаги и пера ничего не возьмут в руки. Они не выйдут для борьбы на улицу, потому, что их богатство, их капиталы им не позволют этого. А потому и лозунги, выбрасываемые националистами: „религиозная свобода“, „свободное самоопределение наций“ пустой звук“.

Да и в конце концов, дело вовсе не сводится только к завоеванию этих свобод. Для действительного прогресса необходимо, чтобы на основе осуществленного режима свободы вся земля была передана крестьянам. По программе „партии национального союза“ (кадетов тож) это неприемлемо. Для них „собственность священна“. Также не совпадает с интересами буржуазии и капиталистов улучшение быта рабочих и приказчиков.

— „..Прогресс, нужный для всех мусульман, заключается в удовлетворении классовых интересов рабочих и крестьян. Хозяева-мусульмане, как бы они не стремились к осуществлению общемусульманского прогресса, не в состоянии будут сделать ничего в этом направлении...“.

— „Националисты отметают все те задачи, которые необходимо разрешить для осуществления прогресса нации. У них совершенно ложное понимание прогресса. Ведь прогресс не заключается в повязывании галстуха, хождении по театрам, воспитывании детей богатых в университетах и подготовке учителей для детей капиталистов. А так это дело понимают националисты“.

Вот какую отповедь дают „Уральцы“ националистам.

В то время горячо обсуждали вопросы о религиозных организациях, духовных собраниях и выборах муфтия.

„Урал“ откликнулся и на эти вопросы: в № 23 была напечатана статья под заглавием „Нужен ли нам муфтий?“. В ней проводится мысль, что религия, какая бы она ни была—христианская или магометанская, всегда подчинена правительственной власти и находится в зависимости от чиновников государства, что все служители культа являются ничем иным, как чиновниками от религии и что муфтий точно такой же чиновник, находящийся под началом бюрократии. Религия должна быть совершенно отделена от государства.

Тем же, кто утверждал, что не в муфтиате беда, а в плохом муфтии и что путем введения института выборов, можно будет плохого заменить хорошим, газета отвечает так:

> „Мы говорим, что ни этого, теперешнего муфтия, ни нового выборного нам не надо. Муфтиат вообще должен быть уничтожен. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно дать себе отчет в том, что из себя представляет муфтий и почему он ничего не может сделать“....

В „Урале“ значительное место уделялось реформам в медресе, быту шакирдов, движению среди них и борьбе их против мулл старого порядка. Это были важные вопросы в жизни татар того времени. Газета призывала открыть сбор пожертвований в пользу шакирдов, удаленных из медресе. Подробнее этого вопроса мы коснемся в главе о движениях в медресе.

Освещалась в газете также развивающаяся жизнь только что народившегося татарского театра и организация татарских литературных вечеров.

Но основными темами конечно были: революционное движение в России, классовая борьба и отражение их в татарской действительности.

Для примера разберем материалы каких нибудь номеров „Урала“, хотя бы № 15, вышедшего 24 февраля 1907 г.

Передовица: „Правительство и аграрный вопрос“. Эта статья занимает всю первую страницу.

На второй странице: „Нужна помощь“ (о шакирдах ушедших из медресе Вали муллы). „Открытое письмо шакирдам“, „Наказ Оренбургских рабочих и приказчиков“ (приводится наказ, данный по телеграфу членам Государственной Думы с.-д. Алексинскому и Архипову), „Открытие государственной думы“.

На третьей странице: „Проводы делегатов из Уфы в Петербург", „Последние известия", „Оренбургские известия", „Литературный вечер".

На четвертой странице: „Оренбургским булочникам", еще раз „Из жизни шакирдов"; об'явления.

№ 14-й газеты „Урал", вышедший 22 февраля 1907 года:

На первой странице: маленькие об'явления газеты „Урал" и „Библиотеки Урала". Об открытии гос. думы передовица под заглавием „Оренбург 22 февраля", „Почему победили левые партии?" (за подписью „Кзыл").

На второй странице: открытое письмо о татарском рабочем, уволенном с работы за руководительство во время забастовки, „Телеграмма Столыпину", „Из жизни рабочих", „Приказчики и кадеты", „Депутаты, выбранные в гос. думу", „Что нужно рабочим?" (фельетон).

На третьей странице: „Из жизни партии", „Последние известия" (о борьбе рабочих и крестьян в России).

На четвертой странице: „Из газет", „Оренбургские новости" (на первом месте напечатано что в типографии журнала „Динь вя машигат" [1]), рабочих держат по шариату). „Вести из заграницы"; об'явления.

Как во всех других социалистических газетах, издававшихся в чрезвычайно трудных условиях голодными, бездомными революционерами, состоявшими на нелегальном положении, так и в газете „Урал" отделы новостей и информации обслуживались очень скудно.

Со стороны техники дело было поставлено также не особенно высоко.

Но, оставляя в стороне эти сравнительно несущественные недостатки, можем констатировать, что во всем остальном, газета „Урал" давала богатый и разнообразный материал, освещая все вопросы, связанные с революционным движением и развитием социал-демократической партии, твердо и последовательно проводила основные принципы революционно-марксистской мысли и почти никогда не уклонялась в сторону.

В татарской действительности, конечно, преимущественно в рядах революционной демократии, она занимала первое и высокое положение.

Газета „Урал" за свое направление была закрыта правительством. Так погас единственный очаг марксизма среди татар.

[1]) «Религия и жизнь».

О НАШИХ ПЕРВЫХ БОЛЬШЕВИКАХ[1]).

I. ЗАРИФ САФАРОВИЧ ГАЛЕЕВ.

Выше мы уже отмечали, что тов. Зариф-Сафар Галеев начинает работать в социал-демократических кружках с 1892 года, а в 95 году имеет первое столкновение с полицией. Приведем здесь документ, составленный Казанским Губ. Жандармским Управлением о нем по случаю январьских событий 1905 г.

Лит. Б.
Секретно.

Сведения о лице, привлеченном к переписке в качестве обвиняемого по делу о забастовке рабочих на заводах Алафузова в г. Казани.

1) Когда послана лит А 23 января 1905 г. за № 372.
2) Фамилия, имя и отчество . . . . Сафар Галеев Зариф (он же Галеев).
3) Время рождения . . . . в 1871 г. 2 декабря.
4) Место рождения . . . . в г. Казани.
5) Вероисповедание . . . . магометанское.
6) Происхождение. . . . из крестьян Казанской г. и уезда д. Больш. Шухота.
7) Народность . . . . татарин.
8) Подданство . . . . русский подданный.
9) Звание . . . . крестьянин Казанск. уезда и г. дер. Большая Шухота.
10) Место постоянного жительства. . г. Казань, в Пороховой слободе по Банной улице в д. Дубинина.
11) Место приписки . . . . крестьянское общество дер. Шухота.
12) Занятие . . . . работает на фабрике Алафузова подмастерьем чесального отделения.
13) Средства к жизни . . . . зарабатывает трудом, получает жалование 25 р. в месяц.
14) Семейное положение . . . . вдов.

---

[1]) К сожалению, мы не успели собрать все материалы, относящиеся к этой главе. С другой стороны, размер книги и не позволил бы нам дать все имеющиеся по этому вопросу. А потому мы осветим жизнь наших первых большевиков на основании очень кратких, но не подлежащих сомнению, бесспорных документов. Надеемся, что некоторые недочеты и пробелы этой главы в будущем будут пополнены.

15) Родственные связи. . . . . мать Биби Хисамутдинова; живет в Казани, брат Закир 31 г., имеет мелочную лавку в Ягодной слободе г. Казани живет с матерью.

16) Место постоянного жительства родителей, или заменяющих их родственников, или опекунов . . . . . г. Казань.

17) Экономическое положение родителей . . . . . мать не имеет никаких средств, живет на средства сыновей.

18) Место воспитания . . . .

19) На чей счет воспитывался . . . . .

20) Привлекался ли раньше к дознаниям . . . . . в 1895 г. привлекался при Казанском Губ. Жандармском Управлении к дознанию по обвинению в преступлении предусмотренном 251 и 252 ст. Улож. о Наказ., каковое дознание разрешено с тем, чтобы вменить *Галееву* в положение предварительное заключение под стражей, подчинить его гласному надзору полиции на 1 год в избранном им месте жительства.

(Справку из дела, чем окончено дознание).

21) Был ли заграницей, когда именно, где и с какой целью . . . . не был.

22) Основание привлечения к настоящему дознанию . . . . . Постановление Полицейского Надзирателя *Ушакова* от 22 сего января о том, что крестьянин Зариф Сафаргалеев замечен в пострекательстве Алафузовских рабочих к забастовке.

23) Время привлечения к дознанию . . . . . 23 января 1905 года.

24) Место производства дознания . . . . . г. Казань.

25) Время и место обыска или ареста . . . . . 22 января.

26) Время первого допроса . . . . 25 января 1905 г.

27) Что обнаружено по обыску . . . .

Зариф Сафар-Галеев.

(из материалов Казанского губернского жандармского управления).

28) Принятая мера пресечения . . . . заключен под стражу в Казанскую Перес. тюрьму.

Начальник Казанского Губернского Жандармского Управления.

№ 557.

29 января 1905 г.

В департамент Полиции

В е р н о:

Ротмистр *Трескин.*

В дополнение к этим архивным материалам нужно добавить к биографии Сафар Галеева еще следующее:

Родители его с давних пор покинули деревню, переселились в город и нанялись на работы на фабрику. Тов. *Зариф* родился в рабочем районе. В школу не ходил, чтению и письму научился самоучкой. С 8 лет начал работать на заводе, получая за 14 часовой рабочий день по 8 коп.

В 1890 году он становится рабочим-ткачем. Некоторое время работает в Нижнем-Новгороде, потом возвращается в Казань.

С *Ямашевым* он знакомится впервые через посредство т. *Быкова*. Во всех волнениях, происходивших на Алафузовском заводе, он всегда был в авангарде движения и принимал непосредственное и деятельное участие в Казанских революционных выступлениях. После июльских событий на Алафузовском заводе он лишается места и вместе с Вахитовым едет искать работы на Урале в Екатеринбург; но там их нигде не принимают и они снова возвращаются в Казань.

В 1908 году тов. *Сафар Галеева* обвиняют в принадлежности к отряду Аглулла Билалетдинова (см. о нем выше). Его берут под стражу, а в 1909 году высылают из пределов Казанской губернии под надзор полиции, при чем выбор места жительства представляется ему самому, с условием недопущения в столичные губернии и города. Вот с этого то момента и начинаются его мытарства по разным городам. В Самаре он пробыл два месяца, затем он жил в Мелекесе, через два года он вновь в Казани—корридорный в номерах, затем, когда Зариф захотел вернуться в свой завод, то администрация не принимает смутьяна на работу. Он опять возвращается в Мелекес. И так в течение нескольких лет ежегодно бороздил он путь-дорогу между Мелекесом и Казанью, где ему упорно не давали никакой работы. Наконец, в 1911 году он

поступает в Казани на должность железно-дорожного агента. Так он живет до февральской революции 1917 года. На первом же собрании, после революции выносится постановление:

— Зарифа *Галеева* принять в число рабочих Алафузовских Заводов, выбрать в Совет, Фабзавком и друг.

В марте 1918 г., вместе с Мулла-Нуром Вахитовым, он был в Москве на совещании мусульманских рабочих в Комитете мусульманских социалистов. Тов. *Зариф Сафар-Галеев* жив и по сию пору, работает на фабрике № 40 имени Ленина заведывающим ткацким отделением.

2. ХУСАИН ЯМАШЕВ.

Хусаин Ямашев родился в 1882 году в г. Казани. Отец его Мингаджутдин, уроженец Саратовской губернии был торговцем среднего достатка.

Детство *Хусаина* проходит в семье. 8 лет от роду он поступает в школу „Марджания", потом *Ахмаджан Мустафа* уговаривает его родителей перевести *Хусаина* в медресе „Мухаммедье", куда он и переходит на 13 году своей жизни. В раннем детстве *Хусаин* отличается способностями и старательностью. В медресе он проходил курс по известной среди татар программе до „Исагудже" (первый концентр логики).

Когда реформационное движение в татарской жизни разрастается и среди молодого поколения обнаруживается усиленное стремление к европейскому и русскому образованию, то влияние этого движения захватывает и молодого *Ямашева*. Он бросает медресе и намеревается поступить в русскую школу. Родители его и родственники категорически возражали против этого и только авторитетное заступничество некоторых, близко стоявших к семье *Хусаина* людей, перед отцом его—*Мингаджутдином*, помогает мальчику одержать победу над домашними.

Всем почти передовым общественным деятелям в Татарии приходилось переживать в детстве и юности то, что пережил *Ямашев*: борьба за освобождение от мертвящей схоластической учебы и приобщение к западной культуре—обычное содержание первого этапа борьбы татарских революционеров.

Несмотря на свои способности и старательность *Хусаин* два года просидел в первом классе учительской школы. Причиной тому было незнание русского языка. Но он быстро

преодолел это препятствие. По словам бывших преподавателей школы, *Ямашев* в скором времени стал одним из первых учеников и первым кончил учительскую школу.

Хусаин Ямашев
в год окончания татарской учительской школы.

Ямашев учился и кончал школу как раз в те годы, когда татарский мир и вся Россия находились в состоянии сильного брожения и стояли перед грандиозными событиями, к которым шла спешная подготовка. Прогрессивное реформационное движение среди татар, начавшееся во второй половине XIX столетия, и особенно усилившееся к 90 годам, в начале XX века втянуло в себя всю татарскую молодежь.

Эта была зыбь, предвещавшая сильное волнение. Все движение протекало в русле национальных идей. Революционные восстания захватили всю Россию, рабочие, студенты и крестьянство — непрерывно волновались. Казань, как культурный центр татарского мира, со своим университетом, заводами и фабриками, превратился в настоящий водоворот, в котором сталкивались различные течения.

Просыпающееся сознание молодого *Ямашева* толкнуло его в вихрь революционных бурь и под их непосредственным воздействием сложилось и окрепло его миросозерцание.

Мы знаем, что в то время среди передовой татарской молодежи в Казани, в особенности среди шакирдов медресе и школы, строились разные планы борьбы за прогресс татарского народа. Они мечтали о том, как они выведут его к новой жизни. *Ямашев,* пройдя через эти грезы—планы, проложил себе путь к марксизму.

В 1902 году он кончил учительскую школу и начал готовиться к поступлению в университет. Но захвативший всю Россию революционный под'ем не дал ему возможности продолжать учение. Начиная с 1903 г. он вошел в ряды Казанской Социал-демократической организации.

Как было сказано выше он связался с партией через *Ибрагима Ахтямова.* В то время весь казанский комитет и *Ахтямов* были „искровцами". После раскола на II С'езде партии в 1903 году, *Ибрагим Ахтямов* ушел к меньшевикам. *Хусаин Ямашев* присоединился к большевикам, с которыми и оставался до самой своей смерти.

Партийная работа Х. Ямашева.

Материалы и воспоминания, относящиеся к тому времени, рассказывают нам о следующих главнейших моментах работы *Ямашева* в рядах партии. *Ямашев* организует кружки для рабочих Алафузовских и Порохового заводов, впервые пропогандирует социализм среди татарских школьников и шакирдов в Казани, устраивает подпольные собрания среди них, впервые составляет прокламации на татарском языке и вместе со своими товарищами гектографирует и распространяет их Он популяризирует среди татар идеи партии. Этими методами массового воспитания татар он указывал на пути борьбы против самодержавия. В этой деятельности *Хусаин Ямашев,* конечно, был не один. Движение, привлекшее к себе *Ямашева,* захватило постепенно и других.

Галимджан Сейфутдинов, познакомившись с *Хусаином* в 1904 г., с этого момента вплоть до 1912 г, работал под общим с ним знаменем и был самым дельным, выдержанным и твердым товарищем его. Из рабочих Алафузовского и Порохового районов входят в близкое сношение с *Ямашевым Зариф Сафар-Галеев,* братья *Садык, Гали и Зариф Сагеевы, Вали Усманов-Хуснутдинов, Вахитов.* Они все участвуют в митингах, массовках, демонстрациях и кружках, работая не покладая рук на пользу революционного дела.

Шах Ахмед Валеев (приказчик *Бахтеева*, впоследствии провокатор, известный под кличкой „Шах“,—„усман“) *Зариф Садыков* („*Ибрагимов Муратов*“) со своим однокашником, учителем в Пороховой слободе покойным писателем *Гафур Кулахметовым*, покойный *Абдрахман Мустафин*, передовой шакирд из медресе „Мухамедье“ и другие,—вот те социал демократы—татары, которые вместе с *Ямашевым* вышли под общим знаменем на путь революционной борьбы.

Правда, некоторые из них были безбилетными социал-демократами, но другие были и официальными членами организации. *Ямашев* был членом Казанского Комитета РСДРП и организатором среди татар. Об этом свидетельствуют два документа, сообщенные выше. Один Казанского губ. жанд. управления о принадлежности тов. *Ямашева* к комитету РСДРП, другой самый достоверный—из газеты „Пролетарий“, выходившей под редакцией *В. И. Ленина*, где говорится:

> „*Необходимо переводить листки на татарский язык, печатать их могут тоже только татары. Для этой цели при К. находится организатор-татарин, мнение которого очень ценится Комитетом, что вполне понятно, если принять в соображение, что 30 процентов населения Казани татары. Между прочим, он основательный социал-демократ „ортодоксального“ толка, без малейшей примеси национализма.*

Организатор татарин, о котором здесь идет речь и имя которого из конспирационных соображений не упоминается, был без сомнения *Хусаин Ямашев* и вышеприведенные определения „ортодоксальный марксист, интернационалист без примеси национализма“—относятся к нему.

В подполье. Тов. *Ямашев* был чрезвычайно осторожен в своей работе и превосходным конспиратором.

Он нисколько не стремился создать вокруг себя громкий, но дешевый ореол славы революционера, напротив того, он поставил себе задачей, по возможности, избегать всякого шума, дабы создать условия для длительной революционной работы.

Кроме того, *Ямашев* был во всех отношениях симпатичной личностью, вследствие чего люди, даже мало сравнительно знавшие его готовы были всегда помочь ему. В критических случаях скрывали его такие люди, от которых этого нельзя было и ожидать. До некоторой степени этим можно об'яснить то об-

стоятельство, что даже в такие трудные моменты, как в ликвидацию 12 декабря ему удалось во время скрыться от глаз полиции.

Тем не менее, он не был, конечно, застрахован. Жандармерия тщательно следила за ним, обыскивала его квартиру, строила ему западни, но накрыть его никак не могла.

Среди подлежащего аресту актива партии, во время знаменитой декабрьской ликвидации, было и его имя. Вот какие интересные данные можно почерпнуть о *Ямашеве* из доклада пристава 2-го участка г. Казани.

М. В. Д.
ПРИСТАВ
2 части
города Казани
15 декабря 1905 г.
№ 8814

Входящий № 8941
15 декабря 1905 г.
Дело 80

Секретно.

Господину Начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления.

Согласно полученного ордера от 12 сего декабря препровождаю при сем Вашему Высокоблагородию, протокол обыска квартиры купеческого сына *Хусаина Ямашева* с найденными при обыскее 17 разными брошурами и перепиской на русском и татарских языках. За отсутствием из квартиры *Ямашева* неизвестно куда, ордер с постановлением о заарестовании мною передан Приставу 5 части г. Казани, который имеет наблюдение за появлением *Ямашева* в квартиру.

Пристав (подпись неразборчива)

(Дело № 80, т. II, 242 лист).

Ямашев, как нелегальный, начал работать в подполье много раньше упомянутой ликвидации. Как только полиция установила за ним слежку, он поехал, чтобы замести следы, сначала из Казани в Чистополь, а потом в Бугульму.

Побывав во многих деревнях и в конторе Альметьевской волости, он раздобыл фальшивый паспорт и направился опять в Чистополь, чтобы оттуда пробраться в Казань.

Но было распутье. Река Кама (Чулман) еще не встала. Переходить в эту пору через реку было очень опасно. Все знакомые и родные *Ямашева* старались уговорить его, чтобы

он выждал пока река встанет. Но несмотря ни на что, *Ямашев* при помощи четырех перевозчиков, ступая с одной льдины на другую, перебирается через Каму и приезжает в Казань.

Но он не может расположиться в своей квартире, потому что, там была установлена за ним слежка.

Товарищи устраивают его в доме русского богача *Белянкина*.

Ямашев начинает в Казани нелегальную работу. Чрезвычайно осторожный *Яшашев* памятную ночь с 12-го на 13-е декабря проводит в татарской слободе у приказчика по имени Нуры. А в это время у него на квартире производился обыск.

На другой день полиция сторожила на улице, поджидая возвращения *Хусаина*, чтобы арестовать его. Но *Ямашев*, конечно, и не думает возвращаться домой, а переходит от *Нуры* к известному партийцу, товарищу *Гассару*.

Отсюда через некоторое время он перебирается на Академическую улицу, затем в район новых клиник. Там он работает до января 1906 года. Потом, когда полиция начинает особенно усердно выслеживать его, он переезжает во второй по значению татарский город — в Уфу, где работает в течение всего 1906 года.

Ямашев давно мечтал об издании татарской социал-демократической газеты. Этот вопрос разрешился в Уфе. Вот как повествуют об этом событии:

— „В конце 1905 года на Урале произвели крупную экспроприацию. Для учета и распределения экспроприированных сумм Центром командируется в Уфу тов. *Саммер*. *Хусаин* по Казани был хорошо знаком с ним: они работали вместе в комитете партии. По приезде в Уфу, *Саммер* останавливается в квартире *Ямашева* и передает пятьсот рублей из экспроприированных денег на издание татарской газеты...“

Возможно, что в деталях этого повествования есть ошибки, но основа его конечно истинна. После этого, *Ямашев* переезжает в Оренбург и вместе с своим прежним соратником *Сейфутдиновым Галимджаном*, который жил там в ссылке, начинает с 4 января 1907 г. издавать газету „Урал“. Жизнь этих первых большевиков, относящуюся к Оренбургскому периоду описывают так:

— „Над квартирой кочегара Американской гостиницы, принадлежавшей *Махмуд баю* – комната в два окна. Здесь и редакция „Урала", здесь и прием посетителей. тут же живет и *Ямашев* с *Шах-Ахмед-Валиевым*, и *Галимджан Сейфутдинов*; тут же идет стряпня и ставят самовар, тут собираются сознательные оренбургские рабочие, приказчики и шакирды..."

Из этой лаборатории выходят 30 номеров газеты „Урал", пять книг „Библиотеки Урала". Но очень недолго существует газета: набравшееся сил реакционное правительство прикрывает ее.

Сейфутдинов, *Ямашев*, заведывающий типографией *Соловьев* и другие участники этого дела привлекаются к дознанию по 129 статье.

Когда, таким образом, были разрушены последние возможности открытой работы, *Ямашев* возвращается в Казань и вспоминает о давних своих намерениях подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет. В течение нескольких лет горячей революционной работы мечты эти были забыты. Только в 1911 г. ему удается сдать экзамены и он получает аттестат зрелости.

Дознание по делу газеты „Урал" из-за чрезвычайной „нагрузки" жандармского управления долгое время лежало без действия. Только в 1912 году виновных призывают к следователю и им об'является обвинительный акт.

13 марта того же года т. *Ямашев* зашел в книжный магазин издательства „Гаср" для сдачи своей книги в печать, здесь он упал и скоропостижно скончался. Причина смерти его осталась невыясненной.

Так окончилась жизнь первого организатора, первого руководителя татарской социал-демократии. Даже при беглом анализе этой короткой жизни, мы видим перед собой не отступающего ни перед чем последовательного большевика.

Отношения *Ямашева* к товарищам были мягкие и сердечные, но в своей идейной общественно-политической работе он был тверд и непоколебим. Он везде и каждому прививал свои большевистские идеи и даже в самые трудные моменты жизни не отступал от намеченной цели и не изменял своему марксистскому миросозерцанию.

3. ГАЛИМДЖАН СЕЙФУТДИНОВ.

Почти одновременно с *Ямашевым*, примерно год спустя, выступил на поприще революционной деятельности один из виднейших татарских большевиков, *Галимджан Сейфутдинов*.

Галимджан Сейфутдинов.

Благодаря своей неустанной энергии, самопожертвованию, стойкости, проявленной им в самые трудные и критические моменты, *Сейфутдинов* занимал несомненно одно из первых самых видных мест среди татарских революционных работников. Вот какие сведения черпаем мы о нем из архивных материалов Казанского Губернского Жандармского Управления:

ПРОТОКОЛ №

1905 года декабря 15 дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Ротмистр Пруженский на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия Высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 г., расспрашивал нижепоименованного который показал: зовут меня Галимжан Замалютдинович Сайфутдинов.

От роду имею	22 года.
Вероисповедания	Магометанского.
Происхождение и народность	Крестьянин Казанской губ. и уезда д. Тарошной. Татарин.
Звание	Бывший ученик Татарской учительской школы.
Место рождения и место постоянного жительства	Г. Троицк, Оренбургской губ. Постоянного жительства не имею, временно в Казани на Екатерининской ул., д. Столярова, кв. Федорова.
Занятие	Давал татарам уроки русского языка.
Средства к жизни	Личный труд, заработок неопределенный.
Семейное положение	Холост.
Экономическое положение родителей	Родители живут скверно.
Воспитание в учебных заведениях (нисших, средних и высших) с подробным указанием: возраста вступления в каждое из них, а также выхода и возраста обвиняемого при выходе	В начальных русских классах для татар, потом в городском 3-х классном училище, вышел по личному желанию, поступил в учительскую русско-татарскую школу; был исключен, за что, не знаю.
На чей счет воспитывался в каждом из учебных заведений и причина неокончания курса в каждом из них	На свой.
Был ли за границею, где и когда именно	Не был.

Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены.	В 1904 г. при Казанском Г. Ж. У. Тайное сообщество, дело прекращено Высочайшим манифестом.

На предложенные мне вопросы отвечаю. На вопрос принадлежу ли я к социал-демократический организации, я отвечать не желаю. Прокламаций на татарском языке я не издавал и не распростанял. Студентов Фортунова и Орлова не знаю. Отобранные у меня прокламации я нашел в разных местах, может быть и взял где нибудь. Брошюры, отобранные у меня по обыску, я получил от лица, назвать которое я не желаю.

Галимджан Сайфутдинов.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр *Пруженский.*
(1905 г. Дело № 171, листы 19, 20).

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ.

Во время ликвидации Казанского Комитета, о которой говорилось уже неоднократно, Сайфутдинов был арестован и в течении нескольких месяцев сидел в тюрьме. Так как пребывание его в тюрьме совпало для организации с временем тяжелым, то вероятно с воли *Сайфутдинову* не оказывали помощи, о чем мы можем судить по письму его, написанному в тюрьме:

Писано в конторе Казанской пересыльной тюрьмы.

Товарищ Богданов.

Хотя я с вами и мало знаком, но буду писать на ваше имя, надеясь, что вы исполните мою просьбу. Я сижу в пересыльной тюрьме, арестовали на собрании шакирдов, в 5-й части, обыскивали и нашли при мне следующие вещи: журнал „Заря“, прокламации на русск. и татарск. языках и несколько штук пуль. В 5-й части от пристава узнал, что у меня на квартире произвели обыск с жандармами. Забрали некоторые карточки от товарищей и массу легальных книг. Меня из части привезли сначала в губери-

скую, но туда не приняли, там полно. Сижу я с двумя рабочими из Алафуз. завода. В камере очень холодно и сыро. Сплю не раздеваясь на голой лавке. Постели нет. Пища была постная, но мы сегодня отказались от пищи. Берем деньгами 10 к. в день.

Я прошу тебя вот что: сходи к моей хозяйке и скажи, чтобы она комнату сдала, а мои вещи убрала и сохранила у себя, до моего выхода и попроси ее привезти ко мне в тюрьму следующие вещи: одеяло, подушку, полотенце, белье, расческу, брюки и пиджак. Вещи эти можно принести в перес. тюрьму. Если кто вздумает книги передать, это можно через Жандармское Управление. А книги очень нужны. Нельзя ли передать следующие книги: Бах „Экономические очерки", Эрфуртскую программу, историю французской революции Олара, Экономическое учение Маркса. Нельзя ли будет достать у товарищей немного денег на чай, сахар и табак. Как известно у меня здесь родственников нет, вероятно товарищей на свидание не пропустят.

Больше писать нечего. Шлю всем товарищам привет. На счет книг и денег, постарайся как можно поскорее.

Пока досвиданья.

Галимджан Сайфутдинов.

(1905 г. дело № 80, том III, 18—19 листы).

Согласно тюремным порядкам того времени, письмо написано на русском языке. Слова „писано в конторе Казанской пересыльной тюрьмы" тиснуты каучуковым штампом. На первом листе письма, поперек, снизу вверх в четыре строчки крупными буквами написано синим карандашем: *уведомить, что письмо не будет пропущено—пусть пишет другое. Конверт остался.* Следовательно, это письмо не вышло из стен тюрьмы и не попало в руки адресата, а осталось подшитым в делах жандармского управления.

Конечно нельзя все то, что было написано *Сейфутдиновым* в письме и сообщено устно во время допроса, понимать буквально и принимать за чистую монету. Мы вправе предполагать, что в некоторые слова и обороты, согласно испытанной тактике революционеров-подпольщиков, вложен конспиративный смысл.

Вещи отобранные при обыске.

В письме только попутно упоминается о вещах, отобранных у *Сейфутдинова* при обыске 12 декабря. В другом документе мы встречаемся с более подробным перечнем их. Для характеристики политической подпольной литературы того времени не безынтересны эти документы:

м. в. д. Секретно.

Казанский Отдельный Цензор.
20 марта 1906 г.
№ 561.
г. Казань.

Господину Начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления

В дополнение к отношению моему от 10 сего марта за № 490 имею честь возвратить Вашему Высокородию татарские рукописи, из которых шесть—представляют черновики прокламаций (№№ 1—5) и революционной песни (№ 6); перевод этих прокламаций и песни при сем прилагаются с обозначением на рукописях соответствующих нумеров красным карандашем. Кроме того две тетрадки содержат татарский перевод известных русских брошюр „Класс против класса“ и Рожкова „О всеобщем избирательном праве“. Наконец, имеется печатное об'явление о предполагаемой к изданию татарской газеты „Ульфат“ в П.-Бурге и письмо (можно думать) отца к сыну *Мухамед Касиму,* без подписи; ничего предосудительного в этом письме нет.

Отдельный Цензор (подпись неразборчива)

(Дело № 171, лист 10).

В деле *Сейфутдинова* мы находим еще один документ, дополняющий содержание только что приведенного:

СПИСОК

предметам, отобранным при обыске, произведенном 12 декабря 1905 года, у крестьянина Казанской губернии и уезда *Галимжана Замалютдинова Сайфутдинова.*

1) Манифест изд. Казанским комитетом партии социалистов-революционеров.

2) Листок, озаглавлен: „К обществу“ подписан „Казанский Комитет РСДРП“.

3) Листок, озаглавлен: „Ко всем“ подписан: „Казанский Комитет РСДРП“. Ноябрь 1905 года.

4) Листок, начинающийся словами: „Пролетарии всех стран соединяйтесь. Гражданки обновленной России".

5) Письмо „Ко всем партийным работникам". Переиздал Казанский Комитет РСДРП.

6) Гектографированный листок, озаглавлен: „Да здравствует свобода. Резолюция воспитанников Казанской татарской учительской школы 1905 г. 12 ноября".

7) Социал-демократический научно-политический журнал „Заря" № 4, август 1902 года.

8) Шесть револьверных патронов.

Верно: Ротмистр (подпись неразборчива).

(Дело № 171, лист 6).

В ссылку.

О дальнейшей судьбе *Галимжана Сейфутдинова* красноречиво повествуют ниже помещаемые материалы:

Министерство Внутренних Дел.

Казанского Губернатора
По канцелярии.
27 июня 1906 года.
№ 5540.
г. Казань.

Секретно.

Начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления.

Департамент Полиции телеграммою от 24 сего июня за № 250 уведомил меня, что согласно постановлению г. Министра Внутренних Дел, содержащийся под стражею в Казанской губернской тюрьме крестьянин Казанского уезда дер. Тарашной (Таршни) *Галимжан Зямалютдинов Сейфутдинов* подлежит гласному надзору полиции в избранном месте жительства, кроме столиц, столичных и Казанской губерний, на два года.

Сделав распоряжение о высылке *Сайфутдинова* этапным порядком из Казанской губернии в местность, которую он изберет для отбывания гласного надзора полиции; об изложенном уведомляю Ваше Высокоблагородие, присовокупляя, что о времени отправления высылаемого лица, а равно и о том, куда последнее будет направлено, мне имеет быть сообщено особо.

И. д. Губернатора (подпись неразборчива).

Правитель канцелярии (подпись неразборчива).

Исп. об. старш. помощ. правит. канцел. (подпись неразборчива).

(Дело № 171, лист 14).

3 июля 1906 года Казанский полицеймейстер секретно доносит начальнику Казанского губернского жандармского управления:

— „Политический арестованный *Галимжан Замалютдинов Сейфутдинов* июля 3 дня на пароходе „Общества по Волге" отправлен из Казани этапным порядком в избранное им самим место жительства гор. Оренбург для отбывания гласного надзора полиции, сроком на 3 года".

Итак, *Галимжан Сейфутдинов* просидел в тюрьме около 7 месяцев.

Работа в „Урале".

Мы уже знаем, что *Ямашев* по получении от Саммера денег переехал в Оренбург и начал издавать газету. Если главным идейным руководителем „Урала" был Ямашев, то большую часть трудной, серой, повседневной работы в газете выносил на своих плечах без сомнения *Галимжан Сейфутдинов*. Все фельетоны за подписью „*Сейфи*" и значительная часть материалов, помещенных в „Урале" вышли из под его пера.

Многие брошюры „Библиотеки Урала" были переведены на татарский язык *Сейфутдиновым*. Подписи—как *Баязидов*—и некоторые другие были его псевдонимами.

После закрытия „Урала" в числе других привлекается к ответственности и *Сейфутдинов*. Разбирательство дела, как мы видели выше, начинается только в 1912 году.

Вместе с *Ямашевым* и *Сейфутдиновым* привлечен был к ответственности и бывший заведывающий типографией газеты „Урал" *Тимур-Шах Соловьев*.

Допрос привлеченных у следователя сопровождался интересным эпизодом. После прочтения в комнате следователя обвинительного акта и показаний по делу *Соловьева*, *Галимджан Сейфутдинов* плюнул ему в лицо. Повидимому ответами своими *Соловьев* заслужил этого.

В период реакции *Сейфутдинов* был в Казани.

Во время же империалистической войны он был взят в армию.

После февральской революции он вновь берется за свою большевистскую работу.

В „Комитете мусульманских социалистов", организованном *Мулла-Нуром Вахитовым* в 1917 г., участвовал и *Сейфутдинов*.

Как известно эта организация не была строго партийная. Тут были и большевики и левые эс-эры и все те, кто отстаивал власть советов и признавал данную революцию социальной.

Сейфутдинов в этой организационной неразберихе занимал определенную и выдержанную позицию большевизма и боролся за вовлечение всех членов организации в подлинный большевизм.

Затем он был взят по мобилизации в юнкерскую школу (как бывший военный).

По словам большевиков *Каюма Саттарова* и *Вали Шафигуллина*, во время Октябрьского переворота в Казани, когда солдаты, стоявшие за Советы, воевали с юнкерами, *Сейфутдинов* находился в Кремле и давал оттуда сигналы в лагерь советски настроенных солдат.

Здесь мы теряем нить биографии т. *Сейфутдинова* и дальнейшие сведения о его жизни вплоть до самой его смерти лишены твердой достоверности и основаны по преимуществу на слухах.

По словам тех же товарищей, *Галимжан* не успел покинуть вместе с ними Казань и остался там; был, повидимому, мобилизован чехами и попал на Уральский фронт, где и умер.

Хотя об этом последнем периоде его жизни и нет никаких материалов, мы всетаки в праве сделать такой окончательный вывод о жизни и деятельности *Галимжана Сейфутдинова*: история группы татарских социал-демократов-большевиков „уральцев" всегда будет вспоминать его как одного из самых выдержанных и сильных работников.

4. САДЫК САГЕЕВ.

Жизнь этого товарища, вышедшего из гущи пролетариата Алафузовского завода и присоединившегося к социал-демократическому движению, чрезвычайно богата разнообразными моментами борьбы с самодержавием. После заключения 12 декабря 1905 г. под стражу жандармы снимают с него допрос:

Протокол №

1905 года декабря 15 дня, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр *Пруженский*, на основании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 г., расспрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня	*Садык Сагеев*.
От роду имею	22 года.
Вероисповедания	Магометанского.
Происхождение и народность	Крестьянин Казанской губ. и уезда, д. Большой Айбаш, татарин.

Звание	Рабочий ткач.
Место рождения и место постоянного жительства.	Казань, Ягодная слобода, Архангельская ул., д. Халилева.
Занятие	Работаю на заводе Алафузова.

Садык Сагеев (из архива К. Г. Ж. У.).

Средства к жизни	От 12 до 15 руб. в месяц.
Семейное положение	Холост.
Экономическое положение родителей	Личный труд.
Воспитание в учебных заведениях (нисших, средних и высших), с подробным указанием: возраста вступления в каждое из них, а также года выхода и возраста обвиняемого при выходе.	В татарской школе в Адмиралтейской слободе 1½-года.
На чей счет воспитывался в каждом из учебных заведений и причина неокончания курса в каждом из них	На счет отца.
Был ли за границей, где и когда именно.	Не был.
Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены	Не привлекался.

На предложенные мне вопросы отвечаю: я не признаю себя принадлежащим к боевой дружине алафузовского завода, студентов Казанского университета *Фортунатова, Орлова,* а также человека по кличке *Лохмач* я не знаю. Отобранный у меня револьвер я купил в городе на толчке за 4 р. 50 к. для самообороны. *Сагеев.*

Отдельного корпуса жандармов ротмистр *Пруженский.*

(Листы 159, 160):

В сведениях лит. Б (дело № 80, листы 161—162) в 28 пункте мы читаем:

„Принята мера пресечения—заключен под стражу в Казанскую пересыльную тюрьму".

В постановлении Начальника К.Г.Ж.У.—полковника *Александрова* (то же дело л. 158) от 12 декабря 1905 года говорится: „рабочего *Сагеева Садыка* 22-х лет, кр-на Казанского уезда, Студено-Ключищенской волости, дер. Большой Айбаш подвергнут взятию под стражу, с содержанием в одиночной камере Казанской пересыльной тюрьмы.

Постановление сие *Сагееву* об'явить, копию же вместе с арестованным препроводить в место заключения".

На основании этого постановления, *Сагеева* 5½ месяцев продержали в тюрьме, а затем отправили в ссылку, о чем имеется следующий документ:

м. в. д. Секретно.

Казанский Полицеймейстер.
По Канцелярии.
30 мая 1906 г.
№ 1431.

Входящ. № 5065.
31 май 1906 г.
Дело № 80—1905 г.

Начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления.

Согласно распоряжения Г. Казанского Губернатора от 26 мая за № 4395, содержащийся под стражей в Казанской губернской тюрьме политический арестант крестьянин Казанского уезда, дер. Большой Айбаш, *Садык Сагеев* 29 сего мая выслан из Казани этапным порядком в избранное им место жительства в гор. Екатеринбург, Пермской губернии, под гласный надзор полиции на три года, считая срок с 14 апреля 1906 года.

О сем имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие и присовокупить, что о вышеизложенном сообщено Екатеринбургскому Полицмейстеру.

Полицмейстер *Васильев.*

(Дело 80, т. III, 1905 г. лист 172).

Согласно этому распоряжению *Сагеев* уехал в Екатеринбург, но, не останавливаясь там, проехал прямо в Чердынь, где раздобыл себе подложный паспорт и возвратился с ним в Казань.

Из Казани он направляется в Баку, где вновь принимается за свою работу. Но через некотое время он опять попадает в руки полиции и ссылается в Сибирь. В период реакции, затем в эпоху империалистической войны он работает в Сибири. В начале 1924 г. на конференции Татаро-Башкирских коммунистов в Москве *Садык Сагеев* избирается в Бюро, в котором и по настоящее время исполняет обязанности секретаря.

Так как о товарище *Садыке Сагееве*, являющемся одним из передовых татарских пролетариев-большевиков будет издана в Москве отдельная брошюра, то в настоящем издании мы ограничиваемся лишь этими краткими сведениями, в дополнение к которым приводим еще следующий материал:

Лист 157.

Протокол обыска:

1905 года, декабря 12 дня, я, и. д. Полицейского надзирателя завода Алафузова, вследствие ордера Г. Начальника Казанского Губернского Жандармского Управления от 11 сего декабря прибыл на квартиру рабочих завода Алафузовых кр-н Казанского уезда, Студено-Ключищенской волости, д. Большой Айбаш, *Садыка Сагеева*, 22 лет, *Зарифа Сагеева* 19 лет и *Галея Сагеева* 18 лет, проживающих в Ягодной слободе на Архангельской улице, в доме Халилова, где в присутствии нижеподписавшихся лиц произвел обыск, по которому в их общей квартире найден один револьвер без пуль, новый, признанный за принадлежность *Садыка Сагеева* и две книжки, озаглавленных так: 1) „Долой Социал-демократов“, перевод с немецкого под редакцией П. Нежданова 1905 г. и 2) „Профессиональные союзы рабочих“—перевод с немецкого Книгоиздательства „Буревестник“, Одесса, 1905 г., более ничего при обыске, как лично самих *Сагеевых*, так и их квартиры предосудительного не обнаружено. Постановия о сем записать в настоящий протокол обыска, который скреплен подписью присутствующих лиц, а отобранные вещи от *Сагеевых* отобрать и представить по принадлежности.

И. д. Полиц. Надзирателя завода Алафузова (подпись).

(Дело № 80, т. II, лист 157).

Настоящий протокол нами прочтен и верность его удостоверяем: 1) кр-н Урулумского уезда, Кужнурской вол. деревни Мижримар *Иван Иванов Домрачев*, живущий в Ягодной слободе, на Кокуйской улице в доме Вавилова, неграмотный, а за него и за себя лично расписался, 2) кр-н Цивильского уезда, Старо-Тябердинской волости, села Гришины *Александр Иванов Артемьев*, живущий в Ягодной слободе на Архангельской ул., в доме Халатова.

И. д. Полиц. надзирателя завода Алафузова (подпись).

Сеид Джагфар Якубов и Сибгат Гафуров.

Мы писали уже о том, что некоторая часть татарского крестьянства постепенно перерабатывалась в пролетариат. Мы упоминали также и о том, что главным местом концентрации пролетаризованных татарских крестьян были: Казань, Урал, Донецкий бассейн, Баку. Все материалы указывают нам на то, что татарские пролетарии Казани, Урала, Баку, Донбаса были тесно связаны между собою.

Аглулла Билалетдинов, *Миннула Вахитов*, *Садык Сагеев* и другие, о которых мы рассказывали выше работали попеременно то в Казани, то в Баку, то на Урале. Но некоторые из товарищей, попавшие в Баку, задержались там на более продолжительное время. Среди них выдаются активные большевики *Сеид Джагфар Якубов* и *Сибгат Гафуров*.

Оба они принадлежали к тем представителям Поволжского пролетариата, которые в начале XX века, вследствие полного обнищания, покинули свои деревни и в поисках заработка добрались до Баку.

Товарищ *Якубов* родился в 1875 г. в бедном, крестьянском семействе, в селе Грибалово, Сергачского уезда, Нижегородской губернии. Отец его работал в разных уголках России, в особенности в ее южной части. По достижении 15 ти летнего возраста, *Сеид Джагфар* поехал в Новороссийск, где жил его отец и в 1893 г. поступил в мастерскую железнодорожного депо. До 1900 года он работает здесь и здесь же у него впервые начинаются знакомства и связь с революционным движением.

В 1901 году он переезжает в Баку. В первые годы своего пребывания в Баку он никак не может устроиться на место и только после двухлетнего полуголодного существования в

1903 году поступает на один из крупнейших нефтяных промыслов. С этого то времени и начинается его революционная работа под руководством партийных организаций.

Партийный большевистский стаж его считается с 1904 г.

Благодаря своей энергии, природным задаткам — *Якубов* становится одним из самых передовых рабочих. Еще до первой революции он вел работу в „Сабынчинском" районе города Баку по организации подпольных кружков.

Очень много времени и сил посвящает т. *Якубов* профессиональной работе, которая становится как бы его специальностью. Он сыграл видную роль в организации союза нефтепромышленных рабочих в 1906 г. и до 1909 г. работал активно членом правления этого союза.

Сеид-Джагфар Якубов.

Впервые он попал в тюрьму в 1913 г. До 1917 г. он не оставлял подпольной деятельности. Во время февральской революции он открыто борется с меньшевизмом. В марте 1918 г. ведет выдержанную и последовательную борьбу с восставшей партией Адзербейджанско-татарских националистов „Мусават". Как постоянную область работы в Советском строе он избрал себе вопросы труда и преимущественно работает в органах народного Комиссариата Труда.

Так он сперва занимал пост Народного Комиссара труда в Адзербейджанской Республике, затем в Закавказской. Недавно он был избран членом коллегии Народного Комиссариата Труда СССР.

Эта краткая биография дает нам схематический набросок тех ступеней революционной деятельности, по которым должен был подняться закаленный огнем промышленной индустрии татарский крестьянин, чтобы стать видным и ответственным руководителем пролетариата в его стремлениях к новой жизни. Мы себе, даже по этому краткому очерку, можем ясно представить, насколько он окреп и вырос за это короткое время. Несомненно, что такие достижения для татарского крестьянина являются большим шагом вперед [1]).

Сибгат Гафуров. Среди активно работавших уже в первую революцию татарских пролетариев-большевиков, одним из самых ранних является *Сибгат Гафуров.* Жизнь его очень похожа на жизнь *Якубова.* Этот рабочий, большевик, с самого начала октябрьской революции, ставший известным и популярным деятелем среди широких масс, происходит из крестьянской среды [2]).

Он родился в 1888 году в деревне Татарский Шумалак, Саратовской губернии, Хвалынского уезда, Безобразовской волости, в семье бедного крестьянина. Некоторое время он обучался в татарской и русской начальных школах, а в 1903 г. поехал в Баку на заработки, где и поступил за 20 рублей в месяц масленщиком на 38 участок „Каспийско-Черноморского Товарищества", в местечке Романи.

Рабочее движение по всей России, в том числе и в Баку в то время росло и ширилось. Спустя 2—3 месяца после поступления тов. *Гафурова* на работу, в „Балахане" устраивается забастовка. Молодой *Сибгат*, впервые подхваченный волной революции, знакомится с крупными подпольными работниками социал-демократами.

С самого начала борьбы большевизма с меньшевизмом, *Гафуров* последовательно и неукоснительно выступал против меньшевиков и под руководством работавших в то время

---

[1]) Весь материал, сообщаемый о тов. Якубове, почерпнут из газеты «Эшчэ», издаваемой в Москве.

[2]) Сведения, касающиеся т. *Гафурова* почерпнуты из некоторых изданий Бакинской Партийной организации и из биографии его, находящейся в парткоме Татреспублики.

Товарищ Сибгат Гафуров

(из материалов Бакинского губернского жандармского управления).

в Баку товарищей—*Сталина*, *Шаумяна* и друг.—он ни на шаг не отступает от ортодоксального пути большевизма.

Мы приводили выше выдержку из сборника напечатанного в 1924 г. в Баку на русском языке под названием „25 лет Бакинской организации большевиков" из которой ясно вытекало, что имя тов. *Гафурова* упоминается наряду с именами активных рабочих-большевиков, работавших в Баку в 1905—8 годах.

В сборнике Бакинского Истпарта под названием „Из прошлого" помещен список Правления Союза Нефтепромышленных рабочих от 1907 года, в количестве 21 человека. В этом списке под № 14 обозначен *Сибгатулла Гафуров* [1]).

За активное участие в этом союзе его сажают в тюрьму. После освобождения из тюрьмы он продолжает работать в подполье, участвуя в различных выступлениях и забастовках.

В 1909—10 годах мы видим его членом районного комитета партии, в 1912 году он (как кооптированный) участвует в Бакинском комитете, в 1914 г. во время знаменитых бакинских событий, *Гафуров* состоит членом Стачечного Комитета.

В начале империалистической войны за активное участие в собраниях и митингах, устраиваемых под лозунгом „долой войну" и за призыв к сплоченному действию рабочих и солдат, *Гафуров* изгоняется с промыслов фирмы Ротшильда, несмотря на то, что рабочие всячески стараются отстоять его. Дня через три, четыре после увольнения его с работы, *Гафурова* сажают в тюрьму.

Пункты обвинения ему были пред'явлены следующие:

1) Членство в социал-демократической партии большевиков,
2) Занятие в организации должности центрального кассира,
3) Председательствование в финансовой комиссии,
4) Участие в стачечном комитете.

Сибгат около года сидит в тюрьме, а затем по приказу наместника, графа *Воронцова-Дашкова*, высылается из пределов Кавказа по этапу сначала в Новочеркасск, а потом в Саратов под негласный надзор полиции.

Потом *Гафуров* получает работу на текстильной фабрике *Акчуриных*, а после об'явления войны в 1914 году мобилизуется.

Во время февральской революции мы видим его членом Симбирского губернского совета, членом губисполкома, одним

---

[1]) Список этот приведен нами выше.

организатором губернской парторганизации. По поручению губкома, он создает Отдел Нацмен и бюро татарских коммунистов, председателем которого состоит. Он является также членом губкома и партсуда. Во время наступления чехо-словаков на Симбирск—он исполняет обязанности военно-политического комиссара.

В Татарской Республике он одно время занимал место Наркомсобеза.

После этого в 1922—23 г. он работает в Восточном Отделе Коминтерна и с ответственным поручением от последнего командируется заграницу. В 1923 г. он участвует в расширенном пленуме Комиитерна. В этом же году вновь возвращается в Татарстан, где в настоящее время работает в качестве заместителя секретаря Областной Контрольной Комиссии РКП(б).

Жизнь т. *Гафурова* такая мятущаяся, с виду такая разбросанная по различным отраслям деятельности,—явление не случайное: это типичная для революционера жизнь, которая ставит его то в одно, то в другое положение, бросая из стороны в сторону. Жизнь эта—цепь событий, ряд ступеней, по которым татарский рабочий, закаляя себя в борьбе, неукоснительно поднимался до уровня сознательного революционного деятеля.

6. ИБРАГИМ МУРАТОВ, ВАХИТОВ И ДРУГИЕ.

Среди рабочих большевиков выдвигается еще *Вахитов*, который работал на Алафузовских заводах и в других промышленных центрах. Официальный партийный стаж его считается с 1903 года. Настоящее его имя—*Тухватулла Валлиулович Вахит*. Вследствие оказавшегося у него родимого пятна, старушки прозвали его „Минулла“ [1]), и поэтому у него появилось два имени. Затем, до 1913 года, он жил под фамилией „*Валеев*“, фамилия же „*Вахитов*“ присваивается ему после 1913 года.

Официальные же его имя и фамилия по розыскам о составе населения Арской волости: „*Тухватулла Валлиуллович Вахитов*“.

Родился он в 1872 году. Есть много материалов, указывающих на активное участие *Вахитова* в революционной деятельности. Но так как некоторые моменты в жизни *Минулы*

[1]) Минь—по татарски родимое пятно.

Тухватуллы еще не раскрыты, то мы пока не можем осветить с достоверностью и в подробности его революционной работы.

Минулла Вахитов и Зариф Сагеев
(задний ряд слева Минулла Вахитов, среди сидящих Зариф Сагеев).

О *Хайрулле Гайнуллине*, имя которого известно среди рабочих Бондюжско-Кокшанских заводов, студент Татарского Коммунистического Университета товарищ *Г. Хайри* прислал нам большую статью, которая сообщает следующие сведения: *Хайрулла Гайнуллин* родился в 1875 году в Казани в рабочей

семье на заводе *Мишкина*. После закрытия этого завода отец *Хайруллы* прокармливает свою семью поденной черной работой.

Маленький *Хайрулла* становится на работу 9 лет от роду. В ранней молодости уходит он из семьи и работает в разных промышленных районах России. По его собственным словам, он успел побывать в Германии. В 1891 году он попадает на Бондюжские заводы.

В это время, как раз в связи с разрастающимся рабочим движением, пробуждается и бондюжский пролетариат. Товарищ *Гайнуллин* начиная с 1895 года с головой уходит в революционную деятельность. Работал он под кличкой — „Земляк", больше всего в Сульфатных домнах.

В 1900 году происходит у него первое открытое столкновение с полицией. В целях „охраны государственного и общественного спокойствия" жандармы высылают его из Бондюги и пределов Елабужского уезда.

Он едет в Баку и с этого момента начинаются беспрестанные его скитания и мытарства, ссылки и переезды с одного места на другое. Бондюга, Кокшан, Баку, Казань, Пермский фабричный район—вот этапы его жизненного пути. Ссылают из одного района, он едет в другой, выдворяют из этого, он едет в третий и так далее—вереницей.

В 1905 году он попадает в тюрьму. Во время реакции и империалистической войны он опять возвращается в Казань. В 1916 году мы застаем его работающим на кирпичном заводе. Февральскую революцию он встречает в Казани на химическом заводе. Официальный партийный стаж его начинает считаться с этого времени.

Этот товарищ не мог получить в полном об'еме необходимой для революционного работника подготовки. Несмотря на это обстоятельство он, руководимый чуткостью своей пролетарской психики и своего классового положения, неустанно боролся с врагами рабочего класса. Весь облик его и его деятельность могут нам служить образчиком революционного рабочего самоучки, который не мог развиться в полной мере и достигнуть высших степеней революционной квалификации, вследствие отсутствия руководства со стороны какой нибудь выдержанной партийной организации.

О товарище *Лутфи Нигматжанове*, встретившем первую революцию в среде Московского пролетариата, мы не успели еще собрать, к сожалению достаточных сведений.

Валиулла Хуснутдинов-Усманов.

О товарище же *Валиулле Хуснутдинове-Усманове*, шедшем в авангарде Казанского пролетариата в первую революцию, мы можем сообщить пока лишь следующие данные:

Он родился в 1882 г. в Казанской губернии и совсем молодым начинает работать на Алафузовском заводе.

Избрание его в члены районного комитета свидетельствует о том, что степень его революционного значения расценивалась высоко. Затем, он был избран членом на городскую

конференцию и после известных событий 12 декабря он был даже членом партийного комитета Казанской губернской организации и привлекался к ответственной работе.

В вопросах пароля и явки он считался верным товарищем, как и *Ямашев*. Так, например, когда *Аглиуллу Билалетдинова* отправляют из Баку в Казань, к *Хуснутдинову*, то ему дают явку *„Ямашев“* или *„Вали“*. В подполье эти вопросы имели всегда огромное значение.

К делу об экспроприации, связанной с именем вышеупомянутого *Билалетдинова*, привлекают тов. *Хуснутдинова-Усманова* и сажают его в тюрьму, хотя он и не был замешан в этом предприятии. В тюрьме его бьют, истязуют, чтобы выпытать у него все данные по этому делу. Но он молчит и ничего не выдает.

После целого года тюремного сидения их судят. *Билалетдинова* присудили к смертной казни через повешение, других угнали в ссылку, *Валиулла Хуснутдинов* был оправдан. Как для массы, так и для партийной организации освобождение тов. *Хуснутдинова* было настоящим праздником, потому что этот товарищ, несмотря на свою молодость вел большую ответственную работу и был нужен партийной организации.

Постановление суда не понравилось жандармам, и они в административном порядке высылают оправданного *Хуснутдинова* в Туруханский край на 4 года.

Товарищу *Валиулле Хуснутдинову*, без сомнения, из всех татарских революционеров, пришлось претерпеть больше всего, Он был выслан в самую отдаленную, холодную и в климатическом отношении неблагоприятную область.

Отбыв свои 4 года в Туруханском крае, он возвратился в Россию и поступил на работу в Ижевский завод, где встретил февральскую революпию. С самого начала он избирается в совет.

Когда чехо-словацкие банды наводнили Урал и красные ушли в подполье, белые посадили его в тюрьму. После ухода белых *Хуснутдинов* освобождается из тюрьмы в 1919 г. приезжает в Казань.

Но пытки, тюремные заточения, ссылка в такое холодное гиблое место, как Турухан, все это в корне подломило его здоровье и он захворал чахоткой.

Центральный Комитет РКП(б) вынес постановление об отправке его на лечение в Крым. Но было уже поздно.

В 1921 году он скончался в Казани от туберкулеза легких.

„Ибрагим Муратов" или Зариф Садыков.

Как было сказано выше, этот товарищ, работавший на заре татарского большевизма, после декабрьского провала поехал в Астрахань и развил энергичную деятельность среди астраханских татарских рабочих. Здесь он берет в свои руки газету „Бурхан-Тараккы", которая до него находилась в распоряжении „Иттифака". Период неожиданного „покраснения" этой газеты совпадает как раз с этим временем.

Тов. *Муратов* и среди русских товарищей пользуется большим доверием. В марте 1908 года [1]), когда полиция начинает усиленно выслеживать его, он уэжает из Астрахани. В Уфе, вследствие доноса известного нам провокатора *„Шаха"*, он попадает в тюрьму. 23 месяца и 20 дней просидел *Муратов* в тюрьмах Симферополя и Казани. После освобождения своего он едет в Крым, с целью лечения, где в 1912 г. и умирает от чахотки.

В этом отделе главы „О наших первых большевиках" мы не задавались целью дать полные биографии их, а писали о них, с намерением сообщить некоторый импульс товарищам к собиранию материалов, которые разбросаны по различным уголкам нашего Союза.

Изучение этого вопроса только что начинается

Для продолжения и углубления его нужна дружная совместная работа всех товарищей.

---

[1]) Эти сведения заимствованы из статьи, напечатанной в Астраханской газете «Кзыл-Иль».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Татарская буржуазия и ее партия „Иттифак“[1]).

I.

Элементы буржуазного движения.

Рамки феодализма становятся тесными и узкими для развивающегося капитализма. На этой почве происходят столкновения и возникает борьба. Борьба между этими по существу враждебными друг другу экономическими структурами основная сущность всех буржуазных революций. В 1905—7 годах по всей России, а также в Татарии вспыхнуло пламя революционного движения.

Как у буржуазных классов других национальностей, накопивших силы и мощь вследствие развития торгового и промышленного капитала, так и у татарских буржуа прояснилось сознание: они почувствовали всю совокупность противоречий и антагонизма по отношению к самодержавному принципу.

Нельзя забывать еще и того, что татарская буржуазия, кроме того испытывала чувства национального и религиозного угнетения, а довольно значительные круги мелкой буржуазии были ограничены в правах как в области культурной, так и хозяйственной жизни.

Все это вместе взятое поставило татарскую буржуазию в оппозицию к самодержавию.

И как около татарского пролетариата организуется городская и деревенская беднота, так вокруг буржуазии сплачи-

---

[1]) Полное название этой партии «Мусульман иттифаке» или же «иттифакуль—муслиминь». В переводе на русский язык эти арабские слова значат: «мусульманский союз», или же «союз мусульман».

ваются те социальные слои, которые были связаны с ней классовыми и экономическими интересами.

Татарские кулаки и торговцы, которые в татарских деревнях играли довольно значительную роль по своему положению и развитию, шли в ногу с татарской буржуазией и были ее крепкой, надежной опорой и верным союзником.

Ахунды, духовенство, считавшее себя немного „джадидами", сытно жившее в богатых городских или деревенских приходах, находясь на иждивении татарского торгово-промышленного и кулацкого слоев, покорно шло на поводу своих благодетелей. На всех собраниях и с'ездах духовенство занимало среди буржуазии почетное место.

Феодально-аристократический слой татарского общества, состоявший из татарских мурз (дворян) и помещиков согласно историческим судьбам своим был припаян к самодержавию. Одна часть этих мурз превратилась в типичных чиновников старого режима. Во время революции 1905 года эти элементы остались в лагере бюрократии.

С другой стороны, значительные группы средних слоев помещиков мурз татар, покинув прежние свои позиции в дворянском мире, перекинулись в стан буржуазии.

Здесь мы застаем „обуржуазившихся" дворян, сохранивших за собой свои средней руки поместья. Эта категория лиц не отрывалась от земли и имела голос в земстве.

Здесь мы встречаем другую группу—знаменитых мурз, которые бросив свои имения не пошли на земскую работу и в городские самоуправления, а сделали своей профессией общественную работу среди татар.

Татарская буржуазия не в состоянии была подготовить из своей среды людей европейски образованных, годных для работы во всероссийском масштабе. Не имея своих людей буржуазия во время первой революции основательно использовала эти две категории, сделала из них политических работников для себя, посылала их делегатами на с'езды и в государственную думу.

Вот эти-то общественные группы, связанные между собой общностью интересов составили вместе с буржуазией в наступившей борьбе один общий фронт.

Тот факт, что татарское буржуазное движение развертывалось при участии в нем значительной примеси феодально-

аристократических элементов, об'ясняет нам, почему это движение не могло быть выдержанным до конца и последовательно либеральным, а шло на всякие компромиссы, уступки и отступления.

Когда нагрянула первая революция, то у татарской буржуазии не оказалось подготовки: не было у нее ни открытой, ни подпольной организации, ни политической партии.

В нелегальной книге Рашид-Казыя „Чупан Юлдузы" (изданной в 1895 г. за границей), в гектографированных прокламациях, которые он печатал начиная с 1902—03 годов, адресуя их различным русским миссионерам, не было и следа какой-либо политической программы, какого-либо плана организации или стремления к ней.

Во время русско-японской войны, сильно подорвавшей престиж правительства, когда по всей России поднялся глухой ропот недовольства, в этот момент общественного сдвига и татарская буржуазия обрела способность речи.

Когда собирались на подпольные с'езды городские и земские представители, татарские богачи-капиталисты устраивали крупные свадебные пиры, которые превращались обыкновенно в подобие маленьких „митингов".

После жирного блюда и чая с вареньем, они тужили об упадке религии и национальных идеалов, а затем принимались за обсуждение вопросов „политики" рассуждая о победе японцев, об ослаблении правительства. Это превратилось у них в обычай.

На таких собраниях был впервые поднят вопрос о подаче петиции правительству. Отсюда пошла кампания петиций. Одновременно возникает обычай посылки делегатов к миистрам и царю с изложением своих нужд.

Либеральные националисты, которые имели некоторую подготовку в области политической работы, учли момент и решили использовать это настроение.

При таких условиях в этой среде вырастают первые побеги „Иттифак".

Организация партии, ставящей себе целью защиту религиозных и национальных нужд всего мусульманского мира, было делом рук татарской буржуазии и ее приспешников: представителей, связанных с ней социальных групп.

Чтобы вполне ясно представить себе возникновение этой новой организации, необходимо ознакомиться с некоторыми фактами и проанализировать следующие моменты:

1) организационный вопрос (организация партии, с'езды ее и фракции);

2) тактика (блок с другими партиями в думе, на выборах);

3) программа и постановления;

4) религиозный и национальный вопросы, в соответствующих пунктах программы.

При анализе всех этих моментов мы, конечно, будем воздерживаться от агитационного подхода, а постараемся беспристрастно раскрыть классовые основы этой группировки и обращать внимание только на те материалы, которые помогут нам разобраться в этом вопросе.

I. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ВОПРОС.

а) Процесс организации.

Когда мы говорили о формах организации татарского пролетариата, то установили, что он в борьбе об'единился со своими товарищами-рабочими других национальностей под общим флагом единой социал-демократической рабочей партии. Только в вопросах агитации и пропаганды среди татар допускалось руководствоваться специфическими приемами.

Мы тогда уже установили, что вследствие единства интересов и общности классовой психологии не могло быть иначе.

Татарская буржуазия руководствовалась при проведении аналогичного вопроса другими методами.

Партия „Иттифак" была по существу татарским филиалом кадетской партии.

Во время выборов она входила в блок с кадетами, в думе голосовала вместе с ними. Такие люди как *Юсуф Акчурин,* являвшийся идейным руководителем „Иттифака", участвуют на кадетских с'ездах, избираются в центральный комитет партии кадетов.

Что касается вопросов программы (как будет видно ниже), партия „Иттифак" была ничем иным, как кадетом в чалме и тюбетейке, т. е. кадетом с придатком из религиозных и национальных требований и не смотря на то, что по существу своему, по своему классовому признаку была несомненно пар-

тией конституционно-демократической, она на словах, по вывеске выставляла себя как отдельную, совершенно самостоятельную партию „мусульман иттифакэ".

Если формально, с внешней стороны взглянуть на ее развитие, то у нее, как будто было свое прошлое, свои собственные с'езды, свои фракции в государственной думе.

Делалось это для того, как говорит „Урал", чтобы ни чего незначущими, пустыми словами „мусульман", „мусульманское" отвести глаза татарского народа, чтобы под маской ислама скрыть свою подлинную классовую физиономию, и таким образом, обманув массы, повести их за собой по своему пути.

Эта организация старалась не только выставить себя как отдельную, самостоятельную партию, но отваживалась говорить от имени всех мусульман, старалась убедить всех в том, что она борется за религиозные и национальные интересы мусульман всей России.

Татарские рабочие и крестьяне, конечно, не имели никакого отношения к этой партии: она была исключительно организацией татарского буржуазного и помещичьего классов. Начало организации этой партии, ее с'езды и программа с полной очевидностью подтверждают правильность данного взгляда.

По материалам *Муся Бигеева*, являющегося живым протоколом этой партии, процесс организации „Иттифака" совершился в таком виде:

Рашид Ибрагимов—вечевой колокол татарского буржуазно-помещичьего мира, получив от либерального бюрократа, министра внутренних дел *Святополк-Мирского* большие, но не определенные обещания, поехал в политическое путешествие.

В Уфе он встречается с либеральным помещиком *Тафкилевым*, *Суртлановым*, в Троицком—с королем татарского торгово-промышленного мира Вали-баем *Явушевым* и его ахундом *Рахманкуловым*.

Побывал он и в Чистополе у Бобинских и Кзыл-Яровских богачей новой формации и здесь за обильной трапезой и чашкой чаю с лимоном были решены вопросы религии и нации.

Большое количество петиций было послано после этих дружеских бесед министру *Витте*. *Рашид Ибрагимов* приехал в Казань и устроил совещание с либералом *Акчуриным*, происходившим из семьи известных фабрикантов, душой будущей партии „Иттифак". В результате этого совещания было постановлено

устроить политический меджилис из прогрессивных представителей буржуазного круга Казани.

Меджилис состоялся на квартире известного мецената Ахмед-бая *Хусаинова.*

Среди собравшихся буржуазных элементов (около 70 человек) были представлены такие видные лица, как либеральный помещик-мурза *Сеид Гарей Алкин,* прогрессивный мулла-помещик *Абдулла Апанаев,* ишан *Галимджана Баруды,* только ради сохранения своего авторитета перед буржуазией, выдававший себя прогрессистом, в душе реакционер.

После долгих обсуждений опять таки решили послать петицию. Составление ее поручили мурзе *Алкину.*

Во время меджилиса, а так же и в беседах после него среди руководителей этого движения родилась и пропагандировалась мысль о созыве с'езда мусульман всей России.

Акчурин, не откладывая дела в долгий ящик, пишет в начале марта письмо крымскому дворянину и редактору газеты „Тарджиман" *Гаспринскому* и адвокату *Тобчибашеву,* обладателю, по словам *М. Бигеева,* тысячи десятин земли, в котором просит их к концу месяца приехать в Петербург [1])

И действительно, в конце марта 1905 года делегаты из Казани, Пензы, Симбирска, Тамбова, Кзыл-Яра, а так же Крыма, Кавказа и многих других мест прибыли в Петербург, направились к графу *Витте* и передали ему свою петицию, в которой были изложены их пожелания.

Среди делегатов находились такие люди, как знаменитый сибирский миллионер *Загидулла Шафигуллин,* владелец золотых приисков на Урале *Рамеев* и другие.

Старая лиса *Витте* принимает их по своему обыкновению весьма любезно и дает им неопределенные, расплывчатые обещания. Но то, о чем мечтали некоторые делегаты: „предстать" с своими пожеланиями и заявлениями перед государем лично, не удается ни кому.

По этому вопросу между представителем татарской либеральной буржуазии и сторонниками старого феодализма разыгралась презабавная комедия.

Для характеристики психологии, свойственной представителям этих социальных групп, я позволяю себе немножко уклониться в сторону от основной темы.

---

[1]) Использованы материалы М. Бигеева.

Во время с'езда делегатов в Петербурге находился и муфтий Султанов. Буржуазные делегаты вовсе не предполагавшие идти на окончательный разрыв с феодальными группами, надумали использовать его присутствие для своего дела.

Ходили слухи, что муфтий имеет доступ к царю. Будто бы он рассказывает царю о нуждах и желаниях мусульманского народа.

Небольшая группа капиталистов, собравшись в одной из столичных гостинниц, выносит решение: обратиться к муфтию с просьбой, чтобы он в следующий визит свой во дворец взял с собою к царю нескольких делегатов. Для передачи этой просьбы направляется к муфтию делегация в составе нескольких человек под предводительством сибирского миллионера Загидуллы Шафигуллина.

Муфтий любезно принимает их.

Капиталист Загид-бай, начав разговор издалека, подходит наконец к основной теме беседы:

— „Хорошо было бы, говорит он, если на следующий прием у царя вы взяли с собой нескольких представителей мусульман. Мусульмане послали нас к вам просить об этом".

Муфтий багровеет и гневно отвечает:

— „Государь никого не принимает. Идите к Витте".

Но миллионер, привыкший диктовать свою волю, не удовлетворен таким ответом:

— „Мы много ходили к Витте, но никакой пользы от этого не было. Сейчас мы пришли к вам в надежде, что вы поможете нам увидеть государя и рассказать ему про наше положение... Ведь вчера государь принимал даже рабочих делегатов".

Должно быть эти слова и звучащие в них ноты непокорности расстроили феодального бюрократа, привыкшего всю свою жизнь кричать на мулл и бить их палками.

Муфтий, не будучи в состоянии снести такого непочтения, пронзительно стал кричать на миллионера:

— „Я не рабочий. Уходи отсюда, мужик. Уходи идиот".

Загидулла-Хаджи берет шапку, собираясь уходить.

Муфтий так раз'ярен, что вскакивает с места и ругаясь, выталкивает в двери белобородого старика Загидуллу. Другие делегаты в недоумении остаются на своих местах. Капиталист не смог, конечно, перенести этого позора и подал на муфтия жалобу в суд.

В свое время, это событие наделало много шума в татарском мире.

Для нас же этот эпизод ценен как иллюстрация тех методов, которыми либеральная татарская буржуазия руководствовалась при достижении своих целей; ценен и тем, что ярко рисует подлинную сущность буржуазной „революционности".

Без конца посылают к графу Витте петиции и делегатов. Когда же становится ясным, что от него ничего не добьешься, начинают думать о том, как бы добраться до царя через агента в чалме, прихвостня самодержавия—Султанова.

И это не способ действия отдельной какой нибудь безответственной группы: так действуют выборные, делегаты, передовые деятели, собравшиеся для организации партии.

Вернемся к основной теме.

После ряда меджлисов и банкетов, собравшиеся в Петербурге делегации выносят, наконец, постановление о необходимости созыва с'езда. Решили собраться в Нижнем-Новгороде во время ярмарки (не слишком ли это ясно?)

Несколько месяцев оставшиеся до ярмарки прошли под знаком составления все тех же петиций.

б) Первый с'езд буржуазного Иттифака.

Началась подготовка с'езда. По всем концам России полетели письма, извещения о созыве „с'езда". Только из некоторых мест приехали на ярмарку настоящие политические деятели и ради этой деятельности, вся же татарская буржуазия главным образом с'ехалась сюдя по своим коммерческим делам.

Ярмарка оказалась действительно самым удобным местом для классового с'езда торгово-промышленных кругов.

Среди с'ехавшихся не было ни одного человека, о котором можно было бы с чистой совестью и полной уверенностью сказать, что он является избранником народа. Все они были только политиканами.

Миллионер *Явушев* задал в номерах „Германия" банкет, на который собралась вся татарская буржуазия и либеральные помещики. После долгих совещаний решили послать к губернатору делегата с ходатайством о разрешении с'езда. Город был на военном положении и потому губернатор ответил, что он не может разрешить никаких собраний.

А тем временем шторм крепчал, революционные волны вздымались все выше, и выше, и самодержавие изо дня в день слабело, терпя поражения.

Этим об'ясняется, что даже такие не революционные по существу классы, как буржуазия и помещики, набрались храбрости и задумали без разрешения правительства устроить собрание. Они наняли за 300 рублей, якобы для прогулки по Оке, пароход „Густав Струве" и собрались на нем. Эту свою прогулку они назвали „с'ездом".

Здесь были на лицо все руководители „Иттифака": *Акчурин, Тобчибашев, Фатых Карими* и другие.

Историк этого с'езда *Бигеев* в своих воспоминаниях о нем пишет следующее:

— „Среди нас была и группа молодых школяров, но меджилис принадлежал не социал-демократам, а „Иттифаку. С условием, что не будет никаких скандалов и приличие будет соблюдено полностью группа школьников была принята на пароход".

Для уразумения этих слов нужно припомнить следующее:

Татарские с.-д. большевики не принимали никакого участия в меджилисах буржуазии.

Что же касается мелко-буржуазных социалистов, то они никогда не отставали от буржуазии, плелись в хвосте ее и везде где было возможно, устраивали скандалы.

Ожидая, что такие люди могут испортить настроение присутствующих на „мугтабар меджилисе", буржуа решили не принимать на пароход, даже не извещать о предполагаемом с'езде социалистов мелко-буржуазного толка; опасаясь, что они могут узнать о с'езде и прибыть на него даже без приглашения, пароход отчалил раньше установленного времени.

Но те тоже оказались людьми предприимчивыми: сели на баркас и догнали плывшую буржуазию. Что же оставалось делать? Пришлось их принять на пароход, с условием, чтобы они воздерживались от шумного поведения. В течение всего собрания им не была предоставлена возможность даже высказаться [1]).

Председателем меджилиса был избран старый общественный деятель и редактор единственной во время самодержавия и выходившей в Крыму тюркской газеты „Тардфиман"—*Гаспринского*.

[1]) В числе этих „школьников" были эс-эры *Гаяз Исхаков, Фуад Туктаров* и др.

ский. Идеологическими руководителями с'езда были *Тобчибашев* и *Юсуф Акчурин.*

Собрание это интересно как с организационной, так и с принципиальной стороны.

Организационная сторона сводилась к следующему:

Основывается политическая партия „Иттифак", которая ставит себе целью об'единить всех мусулман России. Организация имеет центральный комитет и шестнадцать районов.

Районы эти и центры их следующие:

1) Кавказский район—центр Баку,
2) Крымский—Симферополь,
3) Петербургский и Московский—Петербург,
4) Литовский—Минск,
5) Нижне-Волжский—Астрахань,
6) Верхне-Волжский—Казань,
7) Оренбургский—Оренбург,
8) Уфимский—Уфа,
9) Туркестанский—Ташкент,
10) Сибирский—Иркутск,
11) Степной—Уральск,
12) Омский—Омск,
13) Семипалатинский—Семипалатинск,
14) Семиреченский—Алмата (Верный),
15) Акмолинский—Петропавловск,
16) Закаспийский—Ашик-Абад.

В каждом из этих районных центров должны быть районные меджилисы. Эти меджилисы избираются на с,ездах данных районов. Каждый районный меджилис ежегодно должен отчитываться перед общим с'ездом. В одном из центров, который будет намечаться каждый раз заранее, ежегодно 15 августа будет созываться общий с'езд.

Мы не будем здесь перечислять другие пункты устава, приведем лишь для характеристики резолюцию, принятую на этом первом с'езде:

„Собрание мусульман всех сословий из разных губерний и областей Империи, обсудив вопросы, выдвинутые современною обще-государственною жизнью в России, а также вопросы, касающиеся специально нужд и польз мусульман, с точки зрения текущих событий, на с'езде в Нижнем-Новгороде (на пароходе „Густав Струве на реке Оке) 15 августа 1905 года нашло:

1. Необходимо и своевременно сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных, политических запросов и задач современной русской жизни.

2. В достижении и осуществлении этих задач, прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно-избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством.

3. Сознавая, что достижение указанных целей возможно при пользовании мусульманами одинаково равными с русским населением правами, прогрессивная часть мусульман всеми законными средствами действует в смысле отмены всех из'ятий и ограничений, которые установлены в отношении мусульман, действующими узаконениями, правительственными распоряжениями и административной практикой и полного уравнения мусульман с населением русского государства во всех правах, политических, гражданских и религиозных.

4. Деятельность свою мусульмане направляют сообразно с действительными и могущими народиться потребностями и запросами общегосударственной жизни, должны стараться открывать всякого рода школы, соответствующие потребностям мусульман, распространять и популяризировать идейные начала современной жизни, при помощи книг, газет, и журналов, народных курсов, библиотек-читален и подобного рода учреждений просветительного характера.

5. Для успешного достижения всех намеченных целей на местах образуются свои меджлисы, руководимые периодическими с'ездами мусульман".

С'езд состоялся без разрешения губернатора.

В истории татарской буржуазно-помещичьей партии, это был один из самых решительных и смелых шагов. Но финал с'езда был комичен.

М. Бигеев повествует об этом так: [1])

— „Совещания в меджлисе закончились. Постановления с'езда были записаны только карандашем.

---

[1]) Бигеев «Ислахат Эсаслари» 171 стр.

Около 11 часов ночи, когда наш пароход приближался к пристани, у всех присутствовавших вдруг родилось чувство страха.

— А что если нас там ожидает полиция? Что мы будем делать? Куда денем эти исписанные листы бумаг[1]), постановления, акты? А что если на пристани нас окружит полиция и возьмет под стражу? Что делать?

Такие сомнения закрадывались в сердца всех.

Исмагил-бек Гаспринский сказал:

— „Бросьте все эти бумаги в воду, я их не возьму".

Бумаги переходили из рук в руки, но никто не хотел оставить их у себя. В конце-концов их взял Рашид-эфенди:

— „Пусть будет, что будет. Во всяком случае я сохраню эти бумаги", сказал он. . ."

Пароход остановился. Публика стала выходить. Но полиция и не думала о них.

Когда дело обошлось так благополучно, то ряды героев увеличилось задним числом. Большинство казанцев, убоявшись встречи с полицией, вообще не явилось на пароход. Сулейман Аитов, например, упрашивал Рашид-Казыя:

— . . . . Я боюсь. Вы меня простите. . . Я внесу 25 рублей на расходы и уйду".

И действительно ушел.

Некоторые побоялись даже придти на пристань.—Галимджан Баруды, принадлежавший к числу этих неявившихся, впоследствии говорил:

— Конечно необходимо было присутствовать на таком меджлисе. Я, к сожалению, опоздал на пароход.

При расчете за наем парохода дело также не обошлось без курьеза.

Послушаем что об этом рассказывает М. Бигеев:

— . . . „На пароходе было сто двадцать человек. За все расходы надо было уплатить семьсот рублей. На каждого участника приходилось по шести рублей. Кавказцы, сосчитав число своих представителей, заплатили причитающуюся с них сумму. Наши в количестве двадцати тоже заплатили, остальные расходы были возложены на

[1]) Под словом исписанные листы бумаг нужно понимать клочки протокола с'езда.

Сибирских представителей. Среди присутствующих нашлось около двадцати шакирдов — они были освобождены от платы. А потом решили: Исмагил Гаспринский—дедушка нации—и поэтому он не должен платить, старик Ахтямов общественный работник—он тоже не должен платить. . .

Вот к каким мелочам сводилось пресловутое высокое служение интересам нации.

Казанские богачи всегда хотят играть первую скрипку, а когда дело доходит до пожертвования денег на пользу общего дела, то они не хотят давать ни одной копейки и стараются улизнуть. . .

Духовенство-хадзраты, которые имеют сотни тысяч, такие юристы богачи, как Гали-Мардан Тобчибашев, помещики как Исмагил-бек Гаспринский, мурзы, которые по ресторанам и кабакам растрачивают свои миллионы, скупятся грош внести в пользу большого общественного и национального дела. Они доходят до такого откровенного цинизма, что просят покрыть путевые издержки из партийной кассы „Иттифак".

В декабре месяце 1906 года, Исмагил-бек Гаспринский, Джантурин, Апанаев, Максудов и другие члены с'ехались на второй с'езд в Москву и ничего не сделав раз'ехались, за что каждый из них получил деньги из кассы „Иттифака". . .

(„Ислахат эсаслари". М. Бигаев, 174 стр.).

Некоторые по своему примитивно грубо поняли смысл „Иттифака".

„Таки-Заде Сафаров[1]), крупный коммерсант с Кавказа между прочим, говорит:

— . . . „Сколько лет я приезжаю на ярмарку в Нижний-Новгород, но никогда еще татары не покупали в моих магазинах. А вот в этом году я заключил с ними сделку на шесть тысяч рублей".

в) Второй с'езд „Иттифака".

Созыв второго с'езда был поручен Казанскому комитету „Иттифака".

После долгого предварительного обсуждения, из Казани были отправлены по всем направлениям телеграммы:

---

[1]) Один из участников с'езда партии «Иттифак».

Первый „с'езд" татарской буржуазной партии „Иттифак" на пароходе „Густав Струве"

(на реке Оке, август 1905 г.).

— „С'езд состоится в Петербурге 15 января".

Из разных сторон с'ехались в столицу делегаты. Но опять таки оказалось, что оффициального разрешения на с'езд не получено. По поводу этого среди „уважаемых" возникли неудовольствия, ссоры, подозрения.

В начале генерал Чингис строил козни Казакским (киргизским) делегатам, прибывшим на с'езд в числе 20 человек: он их отдѣлил от других представителей.

Подоспела донос-интрига правительству ахунда Баязида.

Генерал Чингис передает делегатам через старика Сейдаша:

— Если не пожалеют 1000 рублей, то я выхлопочу разрешение на с'езд.

Для переговоров посылают к Чингису Гаспринского и Тобчибашева. При входе их встречает мурза Селим-Гарей Джантурин:

— „Князю некогда, он не может принять вас" говорит он.

Такой неожиданный прием об'ясняется тем, что Чингис ожидал Сейдаша, а не Гаспринского и Тобчибашева. Надежды на получение разрешения рухнули.

С 17 января в разных местах начинается обсуждение вопросов, поставленных на повестку с'езда.

На с'езд прибыло около ста человек: дворян, помещиков, капиталистов-богачей и мулл. Раза три-четыре все они собрались за столом на званых обедах.

Партии было присвоено оффициальное наименование „Русия мусульманларнен иттифакэ", что значит в переводе на русский язык „Союз российских мусульман".

Почти на каждом собрании *Исмагил Гаспринский* или же его сторонники поднимали вопрос:

— Являются ли настоящие собрания с'ездом или нет?

22 января в 8 час. вечера на собрании, состоявшемся на квартире у *Хасана Хабибуллина* вновь был поднят вопрос:

— „Считать ли эти совещания с'ездом или же они являются обыкновенными собраниями"?

Исмагил-бек ответил:

— „Во всяком случае это не с'езд, а обыкновенное собрание".

Поднялись шум, ссора, разыгрался скандал. Некоторые кричали.

— „Если это не с'езд, а обыкновенное собрание, то мы покидаем его".

Изрядно погорячившись, большинством голосов постановили считать эти собрания за с'езд. Тогда *Исмагил-бек Гаспринский*, обиженный и злой покидает меджлис. После его ухода произносятся речи, полные укоров и неудовольствия. В этот момент раздается громкий стук палкой в дверь. Все приходят в ужас, полагая, что их накрыла полиция. Но опасения их не оправдались. В дверь стучал *Исмагил-бек Гаспринский.*

Раз'яренный, громко крича, он входит в комнату и, замахивась палкой на *Рашид-казыя,* ревет:

— *Рашид эфенди*, ты получишь должное, увидишь.

Ругаясь, он выходит из комнаты. Несмотря на скандал, меджлис продолжается.

Читается постановление первого с'езда и устав.

23 января опять устраивается собрание, на котором зачитывается программа. Программа принимается как „временная". В этот момент появляется *Исмагил-бек* и просит извинения за вчерашний скандал.

После обсуждения целого ряда крупных и мелких вопросов, собрания заканчиваются 23 января. Собраниям присваивается название „с'езда" и „делегаты" раз'езжаются.

Правительство не давало разрешения на устройство этого с'езда и поэтому с оффициальной точки зрения он должен считаться нелегальным, но полиция, зная о происходивших собраниях, ничего не предпринимала против них и не закрывала их, ибо было ясно, что эта организация не представляет из себя ровно никакой опасности для правительства.

г) Третий с'езд татарской буржуазии.

Третий с'езд, который происходил с 16—20 августа 1906 г. на Нижегородской ярмарке, скорее походил на с'езд, чем предшествующий. Как татарская буржуазия, так и печать обратили на него серьезное внимание. Но и он с начала и до конца лпротека в условиях скандала, ссор и ругани.

Наиболее выдающимися скандальными моментами этого с'езда были следующие:

Предыдущие с'езды устраивались без разрешения, происходили вследствие того в неудобных условиях и не могли дать более или менее положительных результатов.

Исходя из этих соображений, члены „Иттифака" постоянно проживавшие в Петербурге, как-то Рашид-Казы, Максудов и Исхаков, посоветовавшись между собою, решили испросить для III-го с'езда оффициальное разрешение. От имени Г. Максудова близко стоящего к агентам правительства, написали прошение о разрешении.

Рашид-Казы, следуя принципу—цель оправдываеть средства,—написал в прошении приблизительно следующее:

— „Мы, мол, не против правительства. Среди нас есть различные левые и красные течения, как-то социализм, анархизм, панисламизм и др. Мы хотим созвать с'езд для установления способов борьбы с этими течениями".

Либеральное крыло партии „Иттифака" сочло для себя большим позором участие в с'езде, созванном на основе такой черносотенной платформы. Казанские руководители „Иттифака" мурза Сеид-Гарей Алкин, Юсуф Акчурин, крымчанин Гаспринский, уфимский помещик мурза Хайдар Суртланов и многие другие придерживались такого взгляда.

Алкин открыто заявил:

— „Немыслимо участвовать в таком черносотенном с'езде. И если мы задержимся на день-другой на ярмарке, то отнюдь не для того, чтобы участвовать в с'езде, созываемом Рашид-Казым, а для отыскания путей к устройству другого с'езда".

Левое крыло „Иттифака" задумало возможно шире использовать этот скандал.

На предварительных меджлисах группа Фуада Туктарова[1]) подняла шум по этому поводу и повела в организационных комиссиях кампанию за срыв с'езда. Но добиться этого им не удалось. Либералы отступились. Они соглашались участвовать в работах с'езда, если Рашид-Казы перед с'ездом и в печати даст необходимое раз'яснение о своем прошении.

Для улажения этого конфликта избрали комиссию в составе Юсуфа Акчурина, Суртланова, Тобчибашева, Давидовича и Гаспринского, которая нашла пути для создания компромисса между черносотенным духом прошения и либерализмом руководителей „Иттифака".

Таким образом с'езд открылся 16 августа 1906 года.

Второй скандал на этом же с'езде поднялся вокруг вопроса о „партии" и ее программе.

---

[1]) *Фуад Тухтаров* один из вождей танговцев (татарских эс-эров).

Тотчас же после торжественного открытия с'езда, на первом же заседании вопрос этот выплывает наружу.

Дело обстояло так:

В полученном оффициально разрешении в порядок дня с'езда были поставлены четыре вопроса:

а) меры борьбы с противоисламскими течениями,

б) о реформах в мектебе и медресе,

в) реформа положений об имамах, мударрисах, учителях, а так же составление программы для экзаменов духовных лиц,

г) рассмотрение вопросов о денежных средствах для мактебе и медресе, о „вакуфах"[1]), сделанных в пользу просвещения и благотворительности.

Как видно из этого перечня, не было поставлено ни одного политического вопроса. Следовательно, с юридической точки зрения, не представлялось никакой возможности говорить об уставе, организации и программе партии.

По мнению же главных руководителей, все значение с'езда и заключалось толко в этом последнем вопросе о партии. Тогда начинаются потуги и всяческие ухищрения к расширению смысла вышеприведенных четырех пунктов, к разнообразному толкованию их и вложению в них смысла совершенно им чуждого.

Это трудное дело берет на себя *Юсуф Акчурин*, руководитель Казанской делегации. Плодом его чрезвычайных стараний было следующее хитроумное построение:

— „До сих пор христианство и миссионеры угнетали ислам. Правые партии России защищают это положение. Мы принуждены организоваться против них... Для этого нужна организация, нужна политическая партия, которая не может существовать без устава и программы. А потому на настоящем с'езде должны рассматриваться вопросы организации и программы партии „Иттифак".

На втором с'езде был рассмотрен и временно принят проект программы, предложенный *Тобчибашевым*. Сейчас эту программу нужно принять в целости".

Так говорил *Акчурин*.

---

1) Имущество оставленное по завещанию в пользу учебно-религиозных учреждений (перевод.).

Он останавливается также на организационной стороне вопроса и предлагает избрать центральный комитет в числе 15 человек, президиум которого, как постоянно действующий аппарат, будет находиться в Петербурге. Остальные члены его будут только присутствовать на заседаниях пленума.

Таким образом, это собрание от вопросов о мектебе, медресе, религии и культуре переходит к вопросу об организации политической партии.

С'езд соглашается с таким подходом.

Но компания *Ф. Туктарова* не намерена была терпеть такого поражения и по вопросу о программе с'езда подняла большой шум, заявив, что татарам нужна не политическая партия, а только религиозно-культурное общество.

Мы выше приводили уже статью из „Урала" об „Иттифаке". Организация, которая ставит себе целью вобрать в себя и об'единить на основе одной программы всех мусульман без исключения, считалась „Уралом" не только немыслимой по существу, но и обманной. Исходя из классовой основы, газета видит, что между нею и „Иттифаком" непроходимая, глубокая пропасть, через которую невозможно перекинуть мост.

Но група *Туктарова-Гайяза* в своих выступлениях придерживалась идеологической линии мелко-буржуазного социализма:

— „В политическом вопросе мы с вами расходимся: все мусульмане целиком не могут войти в одну партию, богач и бедняк, помещик и крестьянин, смотря по их классовому положению создадут себе каждый свою подходящую партию, но в вопросах религии и культуры мы готовы подать вам руку... Давайте, в области религии и культуры будем работать рука об руку, организуем совместные общества..." говорили они.

Гайяз Исхаков-Чингис[1]), принадлежащий к социалистам такого типа, говорит:

— „Если мы желаем организовать союз мусульман, то должны об'единиться не на политической платформе, а для распространения просвещения и для *сохранения религии*, мы должны создать общество".

---

[1]) *Гайяз Исхаков* – другой вождь танговцев.

По своей идеологии и положению своему в общественном движении эти люди не красные и не белые. Если бы они были красным и последовательными до конца, они с полной ясностью сознали бы, что пролетариат и буржуазия не могут сойтись и идти рука об руку ни в вопросах политики, ни в области религии и культуры.

Кроме того, они должны были бы понять, что называясь „социалистами", они не смеют навязываться в друзья к кадетам и приходить на партийный с'езд татарской буржуазии. Но они не могли понять этого.

А либеральный буржуа *Юсуф Акчурин,* в своем умело составленном докладе, а затем хорошо построенном заключительном слове, перед всем с'ездом парировал нападки „левых" их же собственными принципами. Он говорил им:

— „Партии создаются не только на основе классовых интересов. Разве вы никогда не видели таких „иттифаков", (союзов) которые всецело базируются на религиозных и национальных интересах.

Идея это—сила... религия—другая сила.

Под лозунгом „религия и нация" всегда можно организовать самый сильный „Иттифак"... Мы тоже работали над созданием политической партии под названием „Русия мусульманларе иттифаке", основанной на принципах ислама...."

Каждый марксист, без особого затруднения и в нескольких словах опровергнет идеалистические хитросплетения Акчурина. Он с отчетливой ясностью докажет, что разговоры о нации и религии как о чем то самодовлеющем—пустые фразы: национальная и религиозная идеологии, как и все идеологии вообще имеют классовые корни.

Но эс-эровская кампания Фуада и Гайяза не в состоянии была сделать этого. Она своим заявлением с особой четкостью подчеркнула, что им абсолютно чуждо последовательное проведение классово-материалистических принципов, которые только и могут рассеять туман идеалистических построений.

Сторонники Гайяза и Фуада, пожаловавшие на с'езд буржуазии незванными, а потому совершенно лишними гостями, предстали перед националистически настроенным буржуазным

обществом в чрезвычайно непривлекательном виде беспринципных говорунов и бездельников, склонных к скандальным выступлениям, тормозящих всякое серьезное дело.

Они об'являли себя „левыми" и выступали от имени молодежи и рабочих. А это было, конечно, крайне смешно и несуразно, потому, что сама молодежь и рабочие, от имени которых они говорили, распалась на разные группы. Совершенно очевидно не могло существовать такой партии, которая представляла бы интересы всей молодежи. Так, например, большинство рабоче-крестьянской молодежи шло под знамя социал-демократов большевиков, под знамя „Урал-челар".

Такой невыдержанностью и шаткостью позиции левых воспользовались либеральные буржуа, как *Акчурин*, и не постеснялись поднять на смех эту группу, поиздеваться над ней в свое удовольствие.

В начале с'езда к ним относились снисходительно и выслушивали их. Но после выступления Акчурина, их встречали криками „долой" и прогоняли с трибуны.

(Из протокола Бигеева, 56 стр.).

Итак, татарская буржуазия организовала для себя свою классовую партию и постановила назвать ее „Бетунь Руссия мусульманлар Иттифакэ".

Устами Рашид Казыя татарская буржуазия вкупе с помещиками провозгласила в конце заседаний с'езда следующее:

„Собрание наше, происходившее в течении пяти дней, можно назвать татарским парламентом".

Все недоразумения, которыми было ознаменовано начало с'езда, красочный эпизод с черносотенным прошением—все это было позабыто и весь состав с'езда голосовал как один человек.

Другие вопросы, стоящие в порядке дня этого с'езда, не представляют для нас особого интереса, а потому мы и не считаем нужным на них останавливаться.

На последнем заседании был избран центральный комитет партии „Иттифака" в составе 15 человек.

III.

Программа „Иттифака".

„Иттифак" на третьем с'езде окончательно принял и утвердил свою программу.

Что из себя представляла эта программа?

Если не углубиться в сущность ее, не продумать ее хорошенько, то программа эта может на некоторое время одурачить человека. Людей, мало подготовленных политически и плохо разбирающихся в вопросах классовой борьбы, она легко может сбить с верного пути: таким звонким и убедительным голосом напевает она свои либеральные мотивы.

В первом параграфе „об основных политических целях и задачах партии" говорится буквально следующее:

§ 1.

— „Партия ставит себе задачей об'единить в одной общей практической деятельности всех граждан мусульман России, единомышленных по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и других реформ, как отмечаемых настоящей программой, так и тех, кои могут быть вызваны и указаны самой жизнью".

(Программа мусульманской партии, принятая на III с'езде в 1906 г., стр. 1).

Второй параграф гласит еще характернее:

§ 2.

— „Стремясь к обновлению всего строя гражданской и политической жизни на началах свободы, правды и человечности, партия находит эту главную цель достижимой при наделении всех русских граждан, в том числе и граждан-мусульман, правами человека и гражданина, и при переустройстве формы правления Российской Империи на принципе государства конституционного, заключающегося в действительном участии народа, в лице представителей его, в отправлении всех функций государственной власти—законодательстве, управлении и суде".

Третий параграф, во второй главе о правах граждан:

§ 3.

— «Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания, расы и национальности равны перед законом".

Следующие параграфы вещают об известных политических свободах (слова, печати, союзов, религии и др.), которые включены во все либеральные и социалистические партийные программные минимумы всего мира.

«Все религии должны пользоваться одинаковыми правами перед правительственной властью",—провозглашается в программе „Иттифака".

Религиозные требования мусульман формулируются следующим образом:

§ 28.

— „Русским гражданам-мусульманам, в частности, предоставляется: а) право образования религиозных, коллегиальных и единоличных учреждений, б) право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами, в) право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и г) право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетям, учебным и богоугодным заведения и мусульманским святыням, которые (вакуфы и имущества) должны быть немедленно возвращены соответствующим мусульманским обществам".

(Книга та-же, стр. 6—7).

При проведении выборов необходимо соблюдать принцип пропорциональности. Формы и система выборов должны соответствовать обычаям мусульман, дабы и женщины-мусульманки могли участвовать в выборах.

Но наряду с этими либеральными мотивами, в программе встречаются пункты, которые четко и ясно выявляют классовую сущность этого документа, а вместе с тем и всего движения и партии „Иттифак".

Для примера возьмем три особенно важных пункта.

В 17-м пункте, третьей главы о государственном строе говорится:

— „Наиболее соответствующей формой государственного строя России при нынешних условиях, партия признает конституционную парламентскую монархию, в которой высшая государственная власть принадлежит монарху, ограниченному в своих правах конституцией, и народу, в лице его представителей, действующих на основании конституции, устанавливаемой государственной думой".

Этот пункт не требует особых комментариев, ибо тут все ясно: форма правления—монархия, во главе государства стоит монарх-царь, но он не самодержец, как это было раньше, права его должны быть ограничены конституцией; короче говоря пропагандируется—конституционная монархия.

7-й параграф второй главы гласит:

§ 7.

— „Собственность каждого неприкосновенна. Отчуждение частной и общественной собственности может иметь место лишь по соображениям общественного блага и при условиях предварительного справедливого вознаграждения".

В переводе на обыкновенный язык это значит: частная собственность священна, а потому нельзя отнимать и передавать в руки народа—земли помещиков, фабрики и заводы капиталистов, финансы банкиров.

Если государство будет вынуждено нарушить права собственности отдельного лица или группы частных лиц, то оно должно выдать владельцам имущества справедливое вознаграждение.

Кажется, что и этот пункт не требует особых раз'яснений. Если нужна контрастирующая конкретизация к нему, то не мешает вспомнить о принципах и практике Октября 1917 года по отношению к крупной собственности.

В 60 параграфе IX главы начинается „забота" о крестьянах, излагаемая в следующих словах:

§ 60.

— Для всего населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: для безземельных и малоземельных крестьян, а также других разрядов мелких хозяев—землевладельцев должна быть увеличена площадь землепользования за счет всех удельных, государственных и кабинетских земель, а также путем отчуждения для той же цели, за счет го-

сударства, в потребных размерах, частно-владельческих земель, с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке".

Формулировка мысли тут немного запутана; смысл этого пункта следующий: крестьянство бунтует, оно требует землю. Для удовлетворения этих требований нужно отнять и передать в руки крестьян в необходимом размере царские, кабинетские и удельные земли. Если же государство будет вынужено отчуждать для удовлетворения крестьянских нужд частновладельческие земли (помещиков и кулаков), то государственная казна должна владельцу уплатить за отчуждаемую землю по справедливой оценке.

Эти три пункта являются безусловно основными и вместе с тем характерными моментами программы. Партия „Иттифак" внесением этих трех пунктов в свою программу подчеркнула свою сущность, которая на поверку оказалась вполне тожественной с сущностью русской партии конституционалистов демократов.

На том, как разрешала программа этой партии рабочий вопрос мы не считаем нужным останавливаться особо. Тут мы встречаемся с обычными шаблонными рассуждениями либеральных партий. „Иттифак" не постеснялся и в без того уже куцых пунктах либеральной платформы сделать еще некоторые урезки. Например, общепринятый пункт о 8 часовом рабочем дне, в программе „Иттифака" отсутствует, а говорится здесь только о необходимости определить максимум времени рабочего дня. В чем должен заключаться этот максимум, будет ли он длиться 10 или 12 часов, об этом умалчивается.

Вот основные вехи программы „Иттифака".

При вдумчивом анализе безусловно и обязательно приходишь к одному выводу: программа составлена для защиты интересов буржуазии, заключившей компромиссный союз с остатками феодализма в лице помещиков. От платформы „Иттифака" так и веет духом либерально-буржуазного конституционализма, да и то в урезанной форме.

Когда мы говорим о партии „Иттифак" мы невольно вспоминаем, как большевистский „Урал" остроумно окрестил ее: татарский кадетизм в чалме и тюбетейке.

IV.

О тактике татарской буржуазии.

а) Вопрос о блоке.

Единство „Иттифака“ с кадетами обнаружилось не только в области програмных основ, но проявилось также в практическ ой работе, тактике и организационных связях.

Рассмотрим материалы, раскрывающие перед нами эту сторону дела.

Персональная связь „Иттифака“ с кадетами.

Некоторые виднейшие атаманы „Иттифака“, как например казанский адвокат Алкин Сеид-Герей, уфимский помещик-Джантурин, мурза Тифкилев Кутлукай и другие были действительными членами кадетской партии.

Вожак иттифакистов среди татар, идеолог татарского национально-буржуазного движения 1905—07 годов Юсуф Акчурин находился в очень близких отношениях с кадетами.

В 1906 году в марте месяце, когда Акчурин был заключен в тюрьму, он при допросе в жандармском управлении своей собственной рукой написал в протоколе дознания следующие ответы:

ПРОТОКОЛ №

1906 года марта 7 дня, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Пруженский на основании 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия допрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Юсуф Хасанович Акчурин;

от роду имею 30 лет;

звание мое и происхождение—потомственный почетный гражданин,

землевладелец и сотрудник татарской газеты, „Казанский Вестник“;

вероисповедание—магометанское;

постоянно проживаю в Казани, Поперечно Сенная улица, дом Мангушева, своя квартира.

На предложенные вопросы отвечаю:

Я не признаю себя принадлежащим к социал-демократической партии, а равно и в пропаганде идей этой пар-

тии; я принадлежу к партии кадетов и состою членом Казанского комитета партии кадетов и был на с'езде этой партии в Петербурге в качестве делегата и как сотрудник газеты „Казанский Вестник", направление которого приблизительно к конституционно-демократической партии; я пропагандировал идеи—во всяком случае не левее идей конституционно-демократической партии. Зачеркнуто „отнюдь" верно. *Акчурин.*

Отдельного корпуса жандармов ротмистр *Пруженский.*
(дело № 160—1906 г., лист 5).

На основании других материалов мы можем констатировать, что принципы, изложенные Акчуриным в протоколе, в виде некоторого теоретического построения применялись им в житейской практике.

Первая газета волжских татар „Казан-Мухбирэ" выходила под непосредственным руководством Акчурина. Когда познакомишься с направлением этой газеты и всем духом ее, то приходишь к неизбежному заключению, что в лице ее мы имеем дело с татарским органом кадетской партии: вместе с первыми же номерами газеты редакция распространяет в качестве приложения программу кадетов, в каждом номере отводит место статьям, характеризующим работу кадетской партии, регулярно помещает отчеты о собраниях и с'ездах этой партии и публикует все постановления их, ставит отдел постоянной информации о жизни кадетской партии. Таким путем она последовательно и основательно распространяла среди татар идеи кадетизма.

Для татарской буржуазии, помещиков и кулаков идеология конституционно-демократической партии была безусловно приемлема, потому что вполне соответствовала их классовым интересам. Вследствие этого, несмотря на несогласие представителей Кавказа и Крыма, при рассмотрении вопроса о заключении блока с другими партиями на время выборов, делегаты волжских татар, с Акчуриным во главе, стояли за блок с кадетской партией. Эту мысль они провели в резолюции второго с'езда, снабдив ее примечанием, что крымские и кавказские мусульмане могут не подчиняться этому постановлению.

В „Казан-Мухбире" (от 27 января 1906 г.) была помещена телеграмма, полученная от редактора этой газеты Сеид-Герей Алкина следующего содержания:

— „Хотя оффициального разрешения на проведение с'езда и не было дано, он всетаки состоялся и выработал программу мусульманской партии. Во время первых выборов в думу постановлено действовать совместно с конституционно-демократической партией".

Идеолог „Иттифака" Юсуф Акчурин так расшифровывает это постановление, переданное по телеграфу:

— „Каково должно быть политическое направление мусульман? Этот вопрос требует разрешения трех основных заданий, а именно:

1) составления программы для партии „Иттифака".

2) уточнения устава организации „Иттифака"

3) определения в точности, с какой из существующих партий может работать совместно партия „Иттифак".

В своей статье он детально разбирает эти три вопроса и, останавливаясь на последнем, говорит:

— „По этому поводу было много споров. Молодые интеллигенты старались доказать, что все мусульмане в совокупности не могут войти в состав одной общей для всех партии. Более пожилые наши интеллигенты и некоторые купцы задумались над вопросом, приемлемо ли для них об'единение с противоправительственными партиями? Большинство мусульман решило на предстоящих первых выборах усердно работать совместно с конституционно-демократической партией, ибо она более чем другие партии обещает действовать в интересах мусульман".

Из этой статьи видно, что при рассмотрении вопроса о блоке на 2-м с'езде „Иттифака" народились три направления, при чем большинство высказалось за блок с кадетской партией.

Это постановление, прошедшее на всероссийском с'езде „Иттифака" по начинанию Казани, было проведено и на местных собраниях.

В Оренбурге, например, группа Фатыха Каримова устроила большое собрание мусульман в городском театре, где после обсуждения программ различных партий, было постановлено блокироваться на выборах с кадетской партией.

И из других мест посыпались в редакции газет извещения об аналогичных постановлениях. (См. газеты „Юлдуз", „Вакт", „Мухбир" и др.).

И несомненно, что для татарской буржуазии этот путь был единственно правильным.

б) Татарская буржуазия на с'езде у кадетов.

Связь татарской буржуазии с кадетами, которая с первых же своих шагов была крепка и основательна, имеет свою двадцатилетнюю давность.

5 января 1906 г. в Петербурге открылся всероссийский партийный с'езд кадетов. На нем участвовала также и татарская буржуазия. Самая сильная из татарских делегаций была Казанская. В ее состав входил и Юсуф-эфенди *Акчурин*, один из главных руководителей „Иттифака".

В общем и целом на с'езде расхождений между татарскими и русскими представителями кадетизма не было, но по некоторым вопросам кадеты в тюбетейках проявили некоторую нервозность.

Приведем некоторые характерные выступления татарских представителей против своих единомышленников. Эти эпизоды в высшей степени показательны.

Известный адвокат и кадет *Родичев* критиковал в своем слове систему общинного землепользования в русских деревнях и, между прочим, обмолвился, что эта хозяйственная форма является тяжелым наследием от времен господства татарских орд, затем, когда он раз'яснял понятие: „деспотизм", то привел в качестве примера деспотического режима „Чингиз-хана".

Не успел *Родичев* закончить свою речь, как представитель Казани *Юсуф Акчурин* вскочил с места и на французском языке заявил протест[1]):

„Мы очень сожалеем, что на этом собрании, происходящем в свободной России, где мы присутствуем впервые, делаются такие неуместные ссылки из истории нашей нации".

Родичев тотчас же принес татарской делегации свое извинение.

Затем к *Акчурину* подходят подряд несколько делегатов и заявляют, что *Родичев*—человек свободно-мыслящий в области национального вопроса, стараясь всячески загладить нетактичность *Родичева* перед татарскими делегатами. По окончании заседания председатель с'езда князь *Долгоруков* обратился к *Акчурину* и сказал, что господин *Родичев* только по ошибке мог произнести такие слова.

---

[1]) Юсуф Акчурин воспитывался в Турции и Париже, и поэтому плохо владел русским языком. Материалы почерпнуты из газеты „Казань—Мухбирэ", 1906 г., 8 февраля № 31.

Причина такого обхаживания татарской делегации ясна: русская буржуазия во что-бы то ни стало хотела создать единый фронт с татарской буржуазией и поэтому не желала допускать даже малейших трений.

Второй эпизод разыгрался на почве вопроса о системе выборов. Мусульманские делегаты внесли следующее предложение:

„Избирательный закон должен предоставить все необходимые, с точки зрения мусульманского азата и шариата, условия, которые давали бы мусульманке полную возможность осуществления активного избирательного права".

Мы выше уже видели, что это самое предложение вошло отдельным примечанием к § 18 программы „Иттифака".

в) „Петиция" татарской буржуазии к кадетам.

На этом же с'езде представители татарской буржуазии внесли в кадетскую партию петицию.

Приведем отрывки из нее, цитируя их по газете „Казань Мухбире":

10-го января на вечернем заседании с'езда мусульманские делегаты из Казани внесли следующее заявление:

По нашему мнению, конституционно-демократическая партия не является специфически русской организацией, наоборот, она представляет из себя партию различных народностей. Доказательством этого может служить то обстоятельство, что на этом с'езде присутствуют представители различных народов. Хотя распространение идей к.-д. партии среди мусульман поставлено не особенно удовлетворительно, несмотря на это основные моменты этой программы имеют значительный успех среди мусульман. Если бы эти идеи распространялись более усиленно и если были бы внесены в программу к. д. изменения соответственно нуждам мусульман, тогда эта партия могла бы расчитывать на безусловный успех.

15 января этого года предстоит с'езд партии „Иттифак" и потому нужно внести необходимые изменения в программу к. д. на данном с'езде, так как на с'езде мусульман будет обсуждаться вопрос об их отношении к другим политическим партиям.

Мусульманские члены Казанской организации партии кадетов в своем заседании обсудили программу партии и постановили, что эта партия является для мусульман наиболее соответствующей.

Если бы из программы были из'яты некоторые неподходящие для мусульман пункты и сделаны некоторые дополнения, то тогда распространение идей кадетской партии безусловно имело бы успех и как отдельные мусульмане, так и партия „Иттифак" в целом без сомнения присоединились бы к конституционно-демократической партии.

Затем в этой петиции перечисляются дополнения и исправления, которые, по мнению мусульманских кадетов, должны быть сделаны в программе. Для понимания родственной близости между „Иттифаком" татарской буржуазии и его матерью „кадетизмом", приведем некоторые из этих дополнений:

1. „При составлении новых уголовных и гражданских законов необходимо принимать во внимание все те обычаи (адаты) каждой нации, которые основаны на религии".

2. „Мусульманскому духовенству, во главе с муфтием, должна быть предоставлена полная автономия".

3. „В первом пункте программы, где перечисляются в виде примеров отдельные нации, необходимо наряду с евреями и поляками упомянуть: татар, сартов[1]) и (киргиз)—казаков".

4. „В 12-м пункте программы, где говорится: „для всех областей и народов начальное образование, а также по возможности дальнейшее образование должно быть на родном языке", слово „по возможности" нужно из'ять".

Эту петицию прочитал на с'езде *Акчурин*, после чего один из главарей кадетов — *Гессен* (в настоящее время эмигрант) заявил:

— Требования мусульман вполне соответствуют духу программы партии и поэтому я предложил бы собранию принять эти дополнения и изменения.

После *Гессена* берут слово *Кокошкин и Милюков* и говорят, что тенденция к уделению сугубого внимания особенностям отдельных национальностей вошла в программу кадетов как основное правило, а потому нет надобности оговари-

[1]) Слово сарт должно быть из'ято из употребления, т. к. правильное название этого—народа узбеки. Мы употребили в данном случае это слово исключительно ради сохранения документальной точности.

вать все это особо и вносить дополнения и изменения в программу по указанным пунктам.

Профессор *Петражицкий* присоединился к мнению *Гессена*. Председатель с'езда ставит на голосование:

— „Находит ли с'езд, что поправки делегатов-мусульман соответствуют программе к.д.?"

С'езд единогласно признает их соответствие. Таким образом, представители буржуазии, говорящие на различных языках, в силу своей классовой природы приходят к одним и тем же выводам.

Акчурин об'явил об этом в своей газете в следующих словах:

— „В результате, вторым с'ездом конституционно-демократической партии были приняты почти все положения мусульман".

(Думаем, нет надобности об'яснять, что термин „мусульмане" в данном случае равнозначущ понятию „татарская буржуазия").

В итоге всего этого единодушия связь между татарской и русской буржуазией окрепла, а *Юсуф Акчурин* был избран членом в центральный комитет партии кадетов.

г) Тактика во фракциях государственной думы.

Когда мы расказывали о II-м с'езде партии „Иттифак", мы упоминали, что на нем было постановлено об'единенно действовать с кадетами во время выборов в думу. Это и было проведено на практике. „Иттифак" и кадеты всюду входили в блоки. В тех местах, где татары были распылены и составляли меньшинство и вследствие этого не могли выдвинуть своего представителя, там они голосовали за кадетов. Избранные татарские делегаты оказались по существу „кадетами в чалме или тюбетейке" и газета „Урал" права, если называет их филиалом партии кадетов.

Фуад Туктаров, который много вращался в думских кругах, написал книгу под названием „Мусульманские делегаты в думе". Здесь он между прочим говорит (стр. 39):

— „Мусульманские депутаты, как только вошли в думу, тотчас-же один за другим стали записываться в кадетскую партию. В начале мысль об организации отдельной фракции

была не особенно сильна... *Саид-Герей эфенди Алкин* (казанец) собрал вокруг себя некоторых депутатов и организовал нечто в роде фракции, которая не могла просуществовать долго... только... *Али-Мардан Тобчибашеву* (кавказец) удалось собрать всех мусульманских депутатов воедино и организовать фракцию..."

И во второй государственной думе была устроена мусульманская фракция, большинство которой, находясь в составе „Иттифака", шло в ногу с кадетами. Только шесть из них отделились (имена их приведены выше) и составив по примеру русских трудовиков фракцию „мусульман хезмат тайфасэ", начали издавать газету под названием „Дума". Эта последняя группировка представляла из себя одно из многочисленных ответвлений мелко-буржуазного социализма. О ней речь будет ниже.

Но так называемая „мусульманская фракция" во всех думах шла под руководством кадетов.

Газета „Урал", всегда правильно оценивающая положение дел, говорит по этому поводу следующее (18 март—1907 г. № 21):

— „Каждому известно, что мусульманские представители как к прошлой думе (первой), так и в настоящей (второй) организовали „мусульманскую фракцию", которая все время работает за одно с кадетами".

Туктаров в своей книге „Мусульманские депутаты" пишет:

— „На самом деле „мусульманская фракция" была только автономной группой партии кадетов" (стр. 57).

После анализа состава мусульманской группы с классовой точки зрения, мы увидим, что это и не могло быть иначе. Если, оставив в стороне представителей группы „мусульман хезмат тайфасэ", проанализировать представителей татар и башкир, выбранных „Иттифаком" и вошедших в I, II и III государственные думы, то их можно будет разбить на следующие категории:*)

1. Капиталисты: *Закир Рамеев*, либерал, издатель газеты „Вакт", представитель промышленного капитала, с Урала, из Оренбурга; *Сахибзаде Максудов*, представитель торгового капитала, Бирского уезда, Уфимской губ.

*) В данном случае рассматриваются члены «Иттифака» делегированные из внутренней России, а не с окраин.

2. Либеральные помещики-мурзы: *Сеид-Герей Алкин* (из Казани), *Гайса мурза Енекеев*, *Абуссугуд Ахтямов*, *С. Джантурин*, *Шах-Хейдар Суртланов*, *Кутулуг-Мухаммед Тафкилев*, *Акрам Беглов*, *Шакир Тукаев* (из Старлибаша), *Г. Суртланов* (все из Уфы).

3. Кулаки и богатые муллы: *М. Минлибаев* (Тетюши), *Гумер Мусин* (Казань), *Сафиулла Максудов* (Казань) *Джамалутдин Курамшин* (Белебей), *Сабир Хасанов* (Уфа), *Шарафутдин Кулбаков* (Златоуст), *Шамсутдин Хусаинов* (из Вятской губернии), *Шахмардан Матинов*, *Шахбал Сейфутдинов*, *Хайрулла Усманов* (Каргали).

4. Из средних слоев интеллигенции: *Садры Максудов* (Казань), учитель *Шараф Махмутов* (Стерлитамак), доктор *Байбурин* (Оренбург).

При перечислении этих имен бросается в глаза, что среди них сравнительно мало лиц, принадлежащих к истинным торгово-промышленникам, к подлинной буржуазии. Причина нам известна: татарская буржуазия не успела подготовить нужных для политической деятельности людей из своей среды. Это одно.

Затем, они считали слишком мало выгодным для себя бросать свои торгово-промышленные предприятия и дела ради участия в общественно-политической работе, представительства в думе и проч., а предпочитали эту работу поручать тем своим союзникам по партии или приспешникам, которые имели предварительную подготовку для этого дела.

Ядро самых солидных и образованным руководителей в этой области без сомнения выделила из себя группа дворян-мурз, которые во времена самодержавия имели возможность получить образование в русских учебных заведениях. Эти люди дали во время первой революции и затем в эпоху наступившей реакции для татарской националистической буржуазии из своей среды много политических и общественных работников и депутатов в думу.

Следующее место занимали муллы. Об'ясняется это тем, что татарский народ вследствие своей темноты привык питать к муллам особое доверие и во всем полагался на них. Они были их главными советчиками. При этом надо иметь в виду, что выбирались только прогрессивные муллы нового типа, ибо буржуазия, базис и основа всего движения, была более

или менее либерально настроена и не могла пользоваться услугами заведомо реакционных работников.

Из среды деревенских кулаков проходили те, которые были активистами, сочувствовали джадидовскому движению, читали газеты, т. е. имели некоторое общественно-политическое образование.

Среди депутатов мы встречаем ителлигентов, принадлежавших к мелкой буржуазии. Они относились к той интеллигентской группировке, которая всей своей работой, на практике доказала верность свою капитализму и враждебность всему истинно красному. *Садры Максудов,* например, говорит на третьем с'езде „Иттифака", когда разбирается вопрос о государственном строе следующее:

— „Не следует особенно опасаться системы двух палат. В Англии есть палата общин, над которой стоит палата лордов, во Франции есть парламент и сенат, и несмотря на это обе эти нации являются передовыми в мире".

Такими выступлениями и предшествующей практической работой *Садры Максудов* сумел завоевать себе симпатии буржуазии. *Байбурины и Махмутовы* уже давно и хорошо были знакомы татарской буржуазии, как люди свои.

К нашему удивлению в списке депутатов мы не встречаем таких крупных деятелей, как талантливого и серьезного политика *Юсуфа Акчурина,* видного либерала-литератора из Оренбурга *Фатыха Каримова,* которых мы по праву считаем истинными руководителями татарской буржуазии. Отсутствие этих лиц в рядах думских депутатов об'ясняется, конечно, предусмотрительной выборной политикой и тактикой самодержавия, которое загодя позаботилось о том, чтобы такие крупные фигуры не попали в думу. Мы знаем, что правительство для достижения своих целей не гнушалось даже такими приемами как временный арест соответствующих лиц. Так, например, *Юсуф Акчурин* перед выборами во вторую государственную думу просидел в тюрьме 40 дней.

Итак, разобрав думский состав партии „Иттифак" мы нашли в нем представителей буржуазии, помещиков, духовенства, кулаков и даже интеллигенции, но не усмотрели ни одного депутата, который в полном смысле слова в состоянии был бы защищать классовые интересы татарской рабоче-крестьянской массы.

Чем об'яснить это явление?

Целым рядом причин.

Во первых: самодержавие в течении трех столетий притесняло и угнетало татар на религиозной и национальной почве. А мы по Ленину знаем, что национальное и религиозное угнетение всгда заглушает и запутывает классовые противоречия среди угнетаемого народа, а это в свою очередь помогает верхам, привиллегированным классам данной нации обманывать массу. Они надевают на себя личину сочувствия и разыгрывают роль благодетелей всего народа.

Среди татар этот момент имел очень большое значение.

Кроме того, не нужно забывать, что татарская рабочая и крестьянская масса жила в чрезвычайной темноте, а поэтому и не могла выдвинуть подготовленных людей, которые могли бы защищать ее классовые интересы. Затем, рабочая масса была очень распылена и не могла, в достаточной степени, установить связи с деревней.

В XX веке и среди этой отсталой массы стали появляться политические работники, социалисты по своему миросозерцанию, но самодержавие не давало им возможности работать. Как мы видели выше, социал-демократы из среды татарского пролетариата и крестьянства или же связанных с ними интеллигентских одиночек, представителей других трудовых группировок могли работать только в подполье, жили нелегально, сидели в тюрьмах, находились в ссылке и конечно не могли руководить татарской рабоче-крестьянской массой во время выборов.

Арену предвыборной агитации и борьбы в полном об'еме захватили агенты буржуазии.

В этом отношении мы видим большую разницу между 1905—7 и 1917 годами.

д) Компромисс с религиозниками.

В петиции, зачитанной на кадетском с'езде в 1906 г. *Юсуфом Акчуриным,* либеральным руководителем татарской буржуазии, есть такое место:

— „Как для крестьянства аграрный вопрос является самым важным, так для мусульман-татар самый важный вопрос—религия".

Акчурин человек неглупый и трезвый политик. Сам он, без сомнения, не верил в истину приведенной выше сентенции, тем не менее он ярко формулирует ее и отстаивает горячо, потому что классовая идеология заставляет его преподносить этот вопрос именно в таком освещении и всячески поддерживать эту мысль повсюду.

Татарская буржуазия вынуждена была строить свою компромиссную тактику на самом тесном контакте с религией и исламизмом.

Рассмотрим подробнее эту сторону дела, имевшую особое значение в условиях татарской жизни.

Когда в 1904—05 годах была открыта знаменитая „кампания петиций", татарская буржуазия и духовенство положительно наводнили Петербург разного рода прошениями. Татарские делегаты беспрестанно обивали пороги особняка графа Витте.

Вероятно, чтобы остановить этот поток, граф Витте призвал к себе в марте 1905 г. муфтия *Султанова* и сказал ему:

— „Поезжайте в Уфу, соберите всех нужных имамов на общее совещание, составьте проект о ваших религиозных нуждах, потом передадите его мне[1])".

Султанов едет в Уфу и там рассылает муллам, присутствие которых на совещании считает необходимым, следующего содержания записки на русском языке:

— „Прошу Вас, Милостивый Государь, прибыть к 10-му апреля сего года в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание для об'яснения по делам службы".

В указанный день приезжают в Уфу по приглашению около тридцати человек из числа видных мулл, ахундов и мударрисов. Участвуют также несколько человек, которые являются на совещание без приглашения. Совет этот по вопросам религии длится пять дней (с 10 по 15 апреля). Заслушиваются различные мнения по разным религиозным вопросам и разрабатывается проект изменений и исправлений, касающихся муфтиата, казы, мечети, прихода, вакуфа, садака и пр. для подачи его графу Витте. На этом же собрании изыскиваются различные меры к удушению революции.

Для нас этот совет духовенства сам по себе не представляет особого интереса. Для нас важно, что в этом „Ку-

---

[1]) Эти материалы почерпнуты из книги М. Бигеева «Ислахат Эсаслари».

рултае", хотя и косвенно, участвовали короли и идеологи татарской буржуазии, стараясь перекинуть мост между собою и духовенством.

Они со своей стороны внесли нечто вроде проекта о религиозных реформах и из'явили желание в вопросах религии итти рука об руку с духовенством. Под этим проектом подписались капиталисты:

1) *Закир Рамеев* из Оренбурга, владелец золотых приисков, впоследствии издатель газеты „Вакт",

2) *Ибрагим Акчурин* крупный Симбирский фабрикант,

3) *Махмуд Хусаинов*, король татарских капиталистов, из Оренбурга,

4) *Юсуф Дибердеев*, фабрикант и

Либералы:

5) *Юсуф Акчурин*, член ЦК партии кадетов и будущего „Иттифака",

6) *Мурза Сеид-Герей Алкин*, помещик, мурза из Казани,

7) *Абуссугуд Ахтямов*, адвокат из Уфы.

Проект, внесенный ими известен в татарском мире под названием „проекта богачей". Он предлагает организацию подлинной строго проведенной иерархии, наподобие тех, которые существуют в других европейских капиталистических странах. Возглавлять ее должен был муфтий или „Шайхульислам". Особенности этого проекта заключаются в том, что он вносит некоторые моменты либерализма в религиозную структуру, намечает введение в духовные учреждения системы выборного начала и предлагает меры к еще более тесному сближению религии и народа, т. е. еще усиливает отравление массы ядом религии.

Приведем некоторые пункты из этого „проекта богачей":

— „... 5) Духовенство будет подразделяться на две степени—а) высшую: муфтий, ахунд, мухтасиб, мударрис, б) нисшее (приходское) духовенство: имам, хатыб, имам-мугаллим, муэдзин.

6) Муфтий—является религиозным патриархом мусульман, председателем собрания.

7) Муфтий должен избираться мусульманами пожизненно и утверждаться самим государем.

8) Духовное собрание подразделенное на три отдела: юридический, административный и просвещения управляется коллегией из семи лиц, во главе которой стоит муфтий.

Согласно данному проекту, состоящему из 46 пунктов, организуется для всей России один муфтиат, которому поручается управление не только религиозными делами, но и делами просвещения, вакуфами и благотворительностью; таким образом организация эта должна захватить своими щупальцами все стороны жизни. Глава этой организации муфтий или шейхульислам лицо выборное: оно утверждается монархом из числа намечаемых трех кандидатов. Само собой разумеется, что царь всегда утверждал бы муфтием того кандидата, который являлся бы самым приемлемым для престола.

Одним словом создается мощный институт в руках духовенства, который в свою очередь с головой выдается на произвол монархии.

Вот что задумала татарская буржуазия в своем проекте.

Летом того же года состоялся первый с'езд „Иттифака", на котором татарская буржуазия обратила самое серьезное внимание на участие в нем татарского духовенства.

На III-м с'езде, состоявшемся в августе 1906 года на Нижегородской ярмарке как духовенство само, так и религиозные вопросы занимали одно из самых видных мест.

Первым вопросом, стоявшим на повестке с'езда был: „Меры борьбы с течениями, идущими против ислама".

На этом с'езде была выбрана комиссия в составе 15 человек для рассмотрения вопроса о религиозных реформах. Были приняты очень важные постановления. Муфтиаты Кавказа и Крыма прислали поздравительные телеграммы. Такие видные муллы как *Галимджан Баруды и Абдулла Апанаев* были включены в состав президиума с'езда и в конце концов были избраны в центральный комитет партии „Иттифака".

Итак, III й с'езд, тот самый, который принял в полном об'еме для дальнейшей деятельности своей подлинную либерально-буржуазную программу, во всех вопросах был в теснейшем контакте и неразрывном блоке с духовенством.

Но не только на с'ездах и в деле создания политической программы, но и в прессе своей либеральные буржуа шли теми же путями. Так например либеральная газета „Казан Мухбире", главный орган партии „Иттифака", в составе своих сотрудников об'явила ряд крупных представителей татарского

духовенства и в первом же номере в статье, посвященной характеристике направления газеты писала:

— „Одной из самых дорогих свобод является свобода совести, т. е. свобода каждого человека иметь свои убеждения и свою религию.

„Казан-Мухбирэ"—по своему сознанию и убеждению „татарин и мусульманин" и потому газета „Казан Мухбирэ" считает своим священным долгом защищать от всяких нападений мусульманскую религию".

(1906 г. октябрь 29, № 1).

Если мы, оставив область общественно-политических организаций и печати, уйдем в мир педагогики, мектебе и медресе, то тотчас же убедимся, что татарская буржуазия и здесь работала в тесном содружестве с религией и ее представителями.

Во всех учебных планах и программах мектебе и медресе, изданных в то время, религиозные предметы занимают большое место. В годы, когда волнение первой революции улеглось, *Юсуф Акчурин* в газете „Альислах" (21 января 1908 г. № 16) пишет об этом так:

— „Наш лозунг: одна мечеть—один мектеб..." и раз'ясняет:

— „Будем стремиться, чтобы при каждой мечети... был один мектеб и чтобы приходский имам обучал в нем..."

Таким образом отходя от либерализма, он упирается в черный клерикализм.

Если мы углубимся в изучение дальнейшего развития взаимоотношений между татарским буржуазным либерализмом и религией, то увидим, что эта связь между ними непрерывно крепла и в 1917 году татарская буржуазия прячется со своим культурно-национальным направлением всецело под крылышко духовного собрания.

В чем кроется причина этого? Почему либерализм татарской буржуазии был таким половинчатым?

Мы знаем, что европейская буржуазия в своей культурно-социальной борьбе выступала очень решительно и революционно против таких остатков и оплотов феодализма, как религия, ее представителей и учреждений, во имя раскрепощения жизни, мысли и науки.

Но почему же татарская буржуазия так отстала от своего собрата, по классу в Европе!?

Причин несколько.

Татарская буржуазия как социально-экономическая сила не чувствовала себя настолько окрепшей, чтобы окончательно и бесповоротно оторваться от остатков феодализма и начать жить обособленной самостоятельной жизнью. Поэтому собственные ее классовые тенденции не могли достаточно развиться и упрочиться. А потому и идеологическое ее движение—реформация, джадидизм—превратилось в конечном итоге как бы в отшлифованный „кадым" феодализма. Реформистское движение среди татар не могло принять форм культурно-идеологической революции, как это было у европейской буржуазии.

Кроме того самодержавие Романовых угнетало и давило татарскую буржуазию.

С другой стороны, рост татарского пролетариата, который с XX-го столетия начал особенно сильно развиваться, заставлял ее испытывать состояние постоянной тревоги.

И вот, для того, чтобы упрочить свое положенне в борьбе с этими двумя врагами, татарская буржуазия вынуждена была крепко держать в руках старый испытанный щит, на котором значился заманчивый для многих лозунг „за нацию и религию". Таким образом буржуазия, укрепляя свои позиции, маскировала истинные свои намерения и не обнажала подлинные свои классовые интересы.

Немаловажную роль в установлении такой линии поведения сыграла и традиционная торговая политика татарской буржуазии, сложившаяся в процессе борьбы с русским и европейским торговым капиталом. Татарский торговый капитал отлично понимал, что в усиленном темпе его роста за последние 150 лет серьезнейшее значение имел Туркестан.

На этом рынке благодаря религиозному родству татарская буржуазия была монополистом. Этим своим положением она, конечно, очень дорожила и ссориться ради каких-то идеологическим целей с религией и духовенством, которые упрочивали это положение, было невыгодно.

Теперь становится для нас ясным почему даже такие политические деятели, как *Юсуф Акчурин*, будучи сами несомненно атеистами и последовательно либерально настроенными людьми, отравляли татар ядом религии, выставляли в вопросе политической организации религию как фактор круп-

ного значения и старались на этом фундаменте строить партию „Иттифак".

Вот причины, которые в эпоху первой революции заставили татарскую буржуазию работать в контакте с духовенством и, разрушая основы либерального миросозерцания, входить с ними в различные компромиссы. Татарская буржуазия не в состоянии была окончательно изжить темного и тяжелого наследия феодализма.

Историческую роль избавителя от этого наследства суждено было сыграть татарскому пролетариату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Группы мелко-буржуазного социализма.

Молодой татарский пролетариат, в особенности его передовые элементы, в революции 1905-07 годов боролся под руководством социал-демократов большевиков. Мы это видели выше.

Мы исследовали половинчатый либерализм татарской буржуазии и ее союзников: помещиков, кулаков и части духовенства, об'единившихся в буржуазную партию „Иттифак".

В лице этих двух группировок столкнулись два непримиримых лагеря. У каждого из них были свои, ясно и определенно предначертанные пути, громкие лозунги, яркие знамена. Отношения между этими двумя станами могли быть только отношениями вражды и борьбы.

А между этими двумя основными потоками находилась целая сеть речек и ручейков мелко-буржуазного социализма.

Элементы, которые по своему социальному положению и идеологии не могли присоединиться ни к пролетариату, ни к буржуазии—все они нашли себе место в гуще мелко-буржуазных социалистических группировок.

Эти люди называли себя „социалистами" и кичились этим названием, но на самом деле, как было уже нами однажды сказано выше, они были ничем иным, как самым радикальным левым крылом буржуазного движения.

Как только наступила реакция, они возвратились в лоно своей сущности и физиономия их открылась перед всеми.

Но в те времена, когда пламя революции разгоралось все сильнее и сильнее, пролетарское движение росло и крепло, огонь революционных бурь отразился и на их лице, бросая на него красные блики. Многим со стороны казалось, что эта

окраска действительная, подлинная, отражающая их внутреннее существо. Это была ошибка.

Среди этих направлений мы отмечаем следующие группы:

1) шакирды-ислахисты (реформаторы);

2) приказчики;

3) „Тангчелар" (эс-эры).

4) „Думачелар" (трудовики).

5) „Азадхалукчелар".

Основной смысл движения первой группы сводится к культурным целям. У приказчиков мы видим во главе угла профессиональные задачи, тесно связаннын с политическими целями. Остальные группы представляют из себя татарскую разновидность русского народничества и как таковые имели конечно определенную социально-политическую окраску.

I.

Движение шакирдов Ислахистов.

а) Положение шакирдов.

Газета „Урал" пишет по этому поводу следующее:

— „Положение и жизнь шакирдов тяжелы и жалки... В маленьких, темных, вонючих медресе живут по несколько сот шакирдов. Здесь нет воздуха, нет чистоты. А о пище и об одежде шакирдов и говорить не приходится.

Кто в неделю только один раз ест горячее, а в течении всего остального времени грызет черствый хлеб, запивая его водой?—шакирды... Кто ходит в старых истрепанных ичигах, в изодранных башмаках?—шакирды...

Все что получают от своего учения шакирды, это—религия, религия и религия. Шакирды продолжают изучать и без конца повторять тоже самое, о чем 1000 лет тому назад писалось и говорилось.

Несчастные, шакирды забивают свою голову всяким ненужным хламом и на это тратят умственные силы, проводя самую дорогую пору жизни—молодость в вонючих медрессе...

Эти несчастные, потеряв в таких медресе десять, пятнадцать лучших лет своей жизни, выходят из них по преимуществу муллами и муэдзинами, существующими на подаяния своих

прихожан, или же в лучшем случае становятся мугаллимами (учителями), живущими впроголодь на мизерное жалованье. И более они ни на что не годятся.

Ставши муллой и не научившись никакой другой профессии, кроме чтения „корана“ шакирд попадает в зависимость от богачей прихожан, подачками которых они принуждены прокармливаться.

Установился взгляд на шакирда как на человека, поджидающего смерти ближнего, дабы получить возможность сорвать „садака“ с его родных за чтение корана над его трупом.

Чем же об'яснить такое жалкое, тяжелое и приниженное положение шакирдов? В первую очередь, конечно, тем, что большинство шакирдов происходит из городских и крестьянских бедняцких семей, а во вторых тем, что в медресе преподносились не науки, не подлинные знания, при помощи которых можно было бы завоевать жизнь, а разный хлам, вследствие чего шакирды выходили оттуда неприспособленными к жизненной борьбе.

Есть еще одна важная причина тяжелого положения шакирдов в медресе. А именно—современный самодержавно-бюрократический строй.

Самодержавие для отвода глаз спряталось под личину христианской религии; оно открыло для русских гимназии, а на татарские медресе не уделяет ни гроша денег...

Только волны революции подняли татарских шакирдов, не видевших до сих пор ни света, ни жизни на гребень и вынесли их из вонючих медресе на площади и улицы городов. Революция втянула их в свою армию под красный флаг. И шакирды пошли за ним, возглашая: долой притеснения, да здравствует свобода...

Шакирды, которые твердили до сих пор:

— религия, религия, религия,

сейчас кричат

— Наука, наука, наука.

Теперь шакирды не хотят уже больше заниматься только религией и принимать подаяния — „садака“, они хотят изучать науки, профессию и стать людьми.

Постигнув все это, шакирды стали просить у своих преподавателей, чтобы они учили их наукам. Но так как преподаватели сами ничего не знали кроме религии, то они ответили им:

— вы безбожники, вы испортились, и прогнали их из медресе. Тогда шакирды с песнью-призывом:

„Проснись, шакирд....“

и со словами:

— Мы сюда больше никогда не вернемся. Покинули медресе.

Более состоятельные шакирды стали учиться по русски, а бедные превратились в рабочих, ищущих заработка и некоторые пошли на фабрики и заводы.....“

(„Урал“ № 15, 1907 г. 24 февраль).

б) „Масса и авангард“.

В первой революции движение шакирдов заняло видное место. Началось оно в Казани в медресе „Мухаммедье“, а потом перекинулось в Оренбург в медресе „Хусаиния“, в Уфу в „Усмания“ и „Галия“, в Троицк в „Расулия“ и медресе нового типа других татарских центров.

Эти медресе были в авангарде движения. Под их влиянием проснулась остальная масса, к джадидам присоединились и кадыми, и деревенские медресе глухих мест, которые далеко отстояли от центров жизни.

Движение распространилось на Мачкаринские, Тунтарские, Каргалинские, Старлибашевские, Орские медресе и в конце концов затронуло даже медресе такого кадыма, как муллы Валия, издателя „Динь Магишат'а“ [1]).

Слова „авангард“ и „масса“, которыми мы озаглавили этот отрывок нашей книги, нужно понимать только условно, в смысле противопоставления новых и старых медресе.

Мы видели в прошлом, что мысли о реформах, об уничтожении медресе старого типа с их схоластикой и о создании других с новой программой и новыми методами обучения, похожими на те, которыми руководствовались в школах русских и турецких, зародились уже в 60-х года XIX века, во времена Файзхановых, Насыри и Марджани, которые агитировали в этом духе и предприняли кое какие практические шаги в этом направлении.

Начиная с 70 и 80 годов эго реформационное движение преобразилось в джадидовское движение.

---

[1]) «Динь-Магишат» журнал татарских черносотенцев и религиозников старого типа.

В 90-е годы татарская буржуазия открыла небольшое число медресе нового типа и стала обновлять ранее открытые. Оренбургское медресе „Хусаиния“, Казанское „Мухаммедье“ и некоторые другие принадлежали к числу этих „оджадидовшихся“ новометодных медресе.

В них уже гораздо меньше схоластики; по новому методу изучаются „тафсыры корана“, хадисы; сверх арабского языка преподаются, хотя и в очень незначительном об'еме, история, география, естествознание, математика; а во многих из них начали изучать и русский язык.

По постановке дела эти медресе далеко ушли вперед по сравнению с типичными кадымовскими. Вследствие этого шакирды в реформированных медресе проснулись ранее для борьбы, чем в кадымовских, ибо вследствие обновления программы и всего обучения в них создавались благоприятные условия для развития сознательности шакирдов. Первые кружки, первые организации возникали у них, первые „забастовки“ были об'явлены тоже у них и шакирды этих новометодных медресе сыграли роль зачинателей движения, развернувшегося в 1905 году.

В схоластических медресе кадымовского пошиба, в особенности в деревенских, развитие движения запоздало и стало обнаруживаться в 1906, 1907 и 1908 г.г.

Об'ясняется это конечно, тем, что эти медресе были окутаны густой пеленой невежества, отрезаны от живого мира высокой стеной схоластики, почему и сознание среди шакирдов там развивалось медленно.

в) Организационный вопрос.

Вступив в революционное движение как активные участники, шакирды организационные формы и приемы борьбы заимствовали у революционно более зрелых групп. Так например, если пролетариат устраивал забастовки и бросал работу, то шакирды бросали свои медресе, т. е. устраивали тоже нечто вроде забастовки.

Первые проблески движения обнаружились среди шакирдов в начале XX века.

Начальные формы его выразились в организации маленьких кружков шакирдов - единомышленников, где они за чаем

проводили долгие ночи в беседах о своей тяжелой жизни и о нуждах всего татарского народа. Со временем эти затрапезные беседы были перенесены в упоминаемые выше номера „Сарай“ и др.

Когда же в их среду проникли такие люди, как Ямашевы и ознакомили с настоящими методами политической борьбы, то шакирды от примитивных форм постепенно перешли к организации подпольных кружков и изданию нелегальной литературы.

Самые передовые шакирды при посредстве студентов, у которых они обучались русскому языку, примыкали к революционному движению, становясь его участниками.

Шакирдовское движение приобрело форму отдельной самостоятельной организации только в четвертом и пятом годах XX века.

Мы не будем задаваться целью перечислить все те отдельные кружки и ячейки, которые народились в каждом медресе, а остановимся только на тех, которые созданы были с целью обслужить все татарские медресе вообще. Среди них наиболее широко развернули работу следующие организации:

1) В Казани—комитет „*Эльислах*“, который старался идти рука об руку с татарскими с.-д.

2) „*Брэк*“, который был основан „танговцами“ (эс-эрами) *Фуадом и Гайязом* с целью борьбы с „Эльислахом“, открылся в 1906 году, но был недолговечен и не мог сыграть особой роли в движении.

3) Общество „*Иттихад*“, представлявшее из себя правое крыло шакирдовского движения, было создано с целью об'единения всех татарских шакирдов под лозунгом пантуркизма и мусульманства. Центр его находился в Бобинском районе. В 1907 году в Боби состоялось совещание этого общества, но оно не нашло выхода на широкий путь шакирдовского движения и скоро распалось.

Самым долговечным и самым шумным среди этих трех, вне всякого сомнения, был комитет „Эльислах“, который, между прочим, издавал нелегальную гектографированную газету под тем же названием.

В № 15-м этой подпольной газеты, вышедшем в 1906 году есть статья, посвященная истории газеты и самой организации под названием „Годовая работа Эльислаха“, в которой мы можем найти кое какие, довольно скудные материалы. Вот они:

Газета „Эльислах“ начинает выходить 29 ноября 1905 г. под лозунгом „Все татарские шакирды об'единяйтесь“. По собственному выражению участников Эльислаха „голос их был услышан не только в самых отдаленных уголках России, но даже заграницей, в Египте и Стамбуле“.

В Казани организовался центральный комитет „Эльислаха“, а в других городах, где имелись более или менее крупные медресе, открылись его отделения. Самая тесная связь устанавливается с шакирдами Оренбурского медресе „Хусаиния“, но входят также в постоянные сношения с уфимскими, чистопольскими, касымовскими и другими медресе.

Картина взаимоотношений между отдельными медресе резко меняется. Раньше между отдельными медресе шла непрекращающаяся мелкая вражда. Теперь же, благодаря шакирдовскому движению, дело принимает совсем иной оборот: обостренные отношения сглаживаются, устанавливается дружба и от имени всех медресе г. Казани шакирды составляют „требования“, которые и пред'являют всей татарской нации.

Для иллюстрации степени влияния этого подпольного комитета среди шакирдов, приводится как пример, следующее событие:

В феврале 1906 г. в медресе „Мухаммедье“, считавшемся одним из передовых между шакирдами и правлением медресе возникают несогласия. В результате этого столкновения в здание школы вводится полиция для того, чтобы оказать помощь администрации в изгнании из медресе четырех шакирдов.

Возникает вопрос: что делать? Уходить из медресе или оставаться?

Вопрос этот рассматривается в главном комитете татарских шакирдов, в „Эльислахе“, и по его постановлению из медресе „Мухаммедье“ уходят 82 шакирда (газета „Казан-Мухбирэ № 42).

В мае 1906 г. организация устроила нечто вроде с'езда, о котором имеются некоторые сведения в том же нелегальном шакирдовском органе и в газете „Казан-Мухбире“ (№№ 87, 88, 89).

На с'езд, который состоялся с 10—15 мая в Казани, прибыло свыше двадцати представителей из Оренбурга, Троицка, Самары, Чистополя, Сатыша, Тэлэнчи-Тамак, Биклана, Буинска, Боби и др. местностей.

Официального разрешения на с'езд получено не было и поэтому, в целях конспирации, фамилии делегатов нигде не упоминаются.

Рассмотрены на этом с'езде были следующие вопросы:

а) о реформах в медресе;

б) о положении шакирдов и

в) о формах и приемах шакирдовского движения.

Вот основные моменты принятые резолюцей:

Начальные школы должны отделиться от медресе (духовных учебных заведений); если в одном городе существуют несколько медресе, то они должны быть об'единены в одно; одни медресе должны представлять среднюю, другие высшую ступень школы; нужно уничтожить беспорядочность в методах преподавания; нужно создать единую программу, в программы должны быть включены новые науки; русский и арабский языки и философия религии должны изучаться в совершенстве; необходимо обратить внимание на обеспечение гигиенических условий жизни в медресе; медресе не должны называться именами мударрисов (профессоров-преподавателей), как напр. „Гусманмя", „Касымия", „Расулия" и др., они должны быть медресе нации; для составления программы и контроля над деятельностью правлений медресе должна быть организована „общая просветительная коллегия"; быт и нравы, жизненные условия шакирдов должны быть аналогичны жизни русских учеников; внутреннее управление медресе должно быть сосредоточено в руках коллегии, составленной из представителей от шакирдов и преподавателей.

На докладе и резолюции к нему подписались 22 делегата.

Есть резолюции о формах шакирдовского движения и о его организации, в которых говорится:

1) До организации легального органа, подпольное общество „Эль-Ислах" будет главной, руководящей организацией движения татарских шакирдов.

2) Везде, где это только окажется возможным, должны быть открыты отделения (филиалы) этой организации. В сентябре сего года отделения откроются в десяти местах и приступят к работе.

3) Задачи организации следующие: путем устройства собраний, распространения прокламаций и командирования в некоторые места агитаторов-организаторов, распространять среди

татарских шакирдов мысль о необходимости реформ в медресе; руководить всеми выступлениями, стоять во главе движения и пр. и пр.

4) Средства для осуществления этих задач намечаются следующие: а) в нужных моментах обращение к массе; в случае если требования шакирдов, при наличии возможности их удовлетворения, не будут удовлетворяться, то не отступать ни перед чем: покидать классы и уходить совместно из медресе; б) окончательное дискредитирование посредством печатного слова противников реформ; если нужно даже об'явление им бойкота; в)... этот пункт пока не об'являть и не действовать по нему от имени организации. Если во время шакирдовского движения со стороны клерикалов или правления будут репрессии, то не останавливаться ни перед какими мерами.

Одно из постановлений с'езда говорило о необходимости издания отдельной, исключительно шакирдовской газеты. Решено было приступить к мерам изыскания средств и работников для данной газеты.

Газета „Эль-Ислах", начавшая выходить легально в Казани 7 октября 1907 г. и была этой шакирдовской газетой.

г) Ход и форма движения.

Припомним некоторые факты:

Газета „Казан Мухбирэ", пытавшаяся освещать вопросы по возможности „нейтрально", описывает первое шакирдовское движение в татарском мире так: (28 февраля 1906 г. № 42).

— „40 шакирдов, оказавшиеся в тот день на пороге изгнания из медресе „Мухаммедья" в конце концов не были изгнаны. Но рана, залеченная в одном месте поверхностно, вскрывалась в другом месте в гораздо более опасной форме.

Правление медресе постановило изгнать четырех шакирдов из 1-го и 2-го классов „игдадия" (средней ступени). Для об'явления шакирдам этого решения пришли директор и некоторые приходские богачи, мнящие себя хозяевами медресе.

Все шакирды 1-го и 2-го класса „Игдадия" и 20 учеников 4-го класса „Рушдия" об'явили в революционном задоре, что они не могут допустить изгнания этих четырех товарищей и в случяе их изгнания все они тоже покинут медресе.

Приходские богачи предполагая, что и шакирды испугаются тех медных пуговиц, при виде которых у них самих душа уходила в пятки, об'явили:

— „Мы позовем полицию".

Шакирды не испугались этой угрозы. А у богачей заиграла кровь, они набрались храбрости и пригласили пристава с десятком городовых и напустили их на шакирдов.

Полиция пыталась их на разные лады уговорить, чтобы они ушли из мердесе, но вплоть до 4-х часов (до получения определенных директив от комитета „Эль-Ислах") шакирды не покидали медресе. После получения указаний ушли сперва 4 шакирда, изгоняемые по постановлению правления, а за ними поднялись остальные шакирды и разбивая по пути окна, лампы и превращая медресе в развалины, распевая песни „Брэнче Сада", „Икэнче Сада" покинули медресе. Их было всего 82 человека".

Так произошла первая „забастовка" шакирдов.

В 1906-м году это движение все более и более разрасталось. Спустя некоторое время к „Мухаммедье" присоединилось и Оренбургское „Хусаиния", считавшееся одним из лучших реформированных медресе.

Около 40 человек шакирдов из этого учебного заведения, когда не были удовлетворены их программные требования, присоединились к „забастовке" и ушли из медресе.

Медресе других городов, в том или ином виде, примкнули также к шакирдовскому движению.

Нелегальная газета „Эль-Ислах" дает нам следующую схему развития этого движения (1906 г. № 15):

— В Казани, от имени всех шакирдов было составлено определенное требование и пред'явлено всей татарской нации... Ввиду того, что шакирды оренбургских, уфимских, чистопольских, касимовских, крымских и других медресе были в постоянной связи между собою, то и они по примеру казанцев выработали свои требования и пред'явили их начальству медресе.

Эта солидарность как бы показывала, что они будут действовать совместно со своими казанскими товарищами...

Некоторые мударрисы внешне как бы шли на уступки по некоторым пунктам, а в некоторых случаях они

просто отмалчивались и не давали никакого ответа шакирдам. Но шакирды, пылавшие жаждой реформ не поддавались ни тем, ни другим и медресе „Хусаиния", где недовольство программой и правлением назрели давно, об'явило забастовку.

В Казани, где об'единение шакирдов достигло высшей степени развития, 27 февраля была об'явлена всеобщая забастовка, к которой присоединилось девять медресе Казани.

Вне движения осталось только одно медресе „Хайбуш", которое по своей отсталости считалось гнездом невежества и мракобесия. Главное занятие шакирдов этого медресе было не учение, а собирание подаяний у богачей на панихидах, похоронах, поминках.

Вслед за Казанью и Оренбургом, шакирды уфимского медресе „Усмания", тоже присоединились к всеобщей забастовке. Чистопольцы пред'явив свои требования правлению медресе, телеграфировали в Казань о полной готовности поддержать движение...

Затем движение перекинулось в Крым, где шакирды медресе „Зенджерлы" об'явили тоже забастовку.

Забастовочное движение среди шакирдов перебросилось даже в деревенские медресе.

Это брожение затянулось на несколько лет.

Газета „Урал" сообщает нам, что 22 февраля 1907 года в медресе Вали муллы [1])—принадлежащем к типу самых отсталых и темных, 25 шакирдов об'явили забастовку и потом совсем ушли из медресе.

Через несколько лет после этого события из умиского медресе „Галея" ушло ококо 70 шакирдов. Со временем шакирды даже деревенских медресе начали покидать ненавистную школу. Не избежало этой участи самое отсталое из всех существующих медресе—медресе *Ишми-Ишана.*

Муллы, хадзраты и богачи всячески боролись с шакирдовским движением, не стесняясь прибегать в этой борьбе своей к помощи полиции. Но интеллигенция и прогресивная мелкая буржуазия, наоборот, всеми силами поддерживала „смуту" шакирдов и на собраниях и в печати восхваляли их

[1]) Вали-мулла в первую революцию издавал реакционный журнал «Динь ва магишат» (Религия и жизнь).

как героев нации, открывали подписку в пользу них и старались обеспечить их квартирой и столом.

Левые группы, социалисты в особенности, придавали этому брожению большое значение. Так, газета „Урал" посвятила 25 шакирдам, ушедшим из медресе Вали-муллы ряд статей и информаций.

В одной из них (от 24 февраля 1907 г. в № 15) газета призывает на помощь шакирдам весь татарский народ:

Нужна помощь

Шакирды, изгнанные 22 февраля из медресе Вали-муллы, не имеют ни копейки денег для своего пропитания. Эти несчастные голодают и холодают. Им нужно есть и пить, нужна квартира. Они хотят продолжать свое учение. Мусульмане! На все это нужны деньги, деньги и деньги. Если вы считаете этих шакирдов за людей, если вы хотите, чтобы они впредь посвятили силы свои науке и просвещению,—то помогите им.

Мусульмане! Редакция газеты „Урал" будет принимать с благодарностью все ваши пожертвования в пользу покинувших медресе шакирдов".

Другие газеты, а также отдельные лица смотрели на дело помощи шакирдам не как на подаяние нищим, а как на серьезную общественную обязанность, как на прямой свой долг по отношению к движению, являвшемуся одним из этапов раскрепощения мысли татарского народа.

д) Смысл движения.

Каков же был социальный смысл, каковы формы и результаты выступлений шакирдов—реформистов?

В самом начале революции, панисламист *Рашид-казы Ибрагимов* предстал перед татарскими шакирдами как смелый революционер. Его газета „Ульфат", статьи которой были написаны на невозможно тяжелом языке, тем не менее в первые месяцы издания расходилась в некоторых медресе в количестве ста и более экземпляров. Каждый сознательный шакирд хотел иметь у себя эту газету, ибо в ней привлекали его протест против самодержавия и доброжелательное отношение к молодежи и реформам в медресе.

Но эта ступень увлечения „Ульфатом“ была пройдена очень быстро.

В процессе созревания революции росло и углублялось ее содержание, все с большей и большей четкостью выявлялись классовые противоречия. Богачи и бедняки, хозяева и рабочие с каждым днем все более и более уясняют себе непримиримость своих классовых позиций. Изменяется постепенно и физиономия авангарда татарских шакирдов—реформистов.

Уход шакирдов из медресе, участие их на митингах, в демонстрациях, подпольных и легальных кружках—все это со дня на день революционизировало психику шакирдов.

Шакирд становится открытым врагом самодержавия и всего старого уклада жизни. Изменение миросозерцания его отразилось даже на его внешности: в одежде и манерах он начинает подражать революционерам. Он отпускает волосы и одевается в красную рубаху, подпоясанную широким ремнем—форму социалиста тех времен.

Если раньше они пели только „Уян шакирд“ (проснись шакирд), то сейчас напевают „Марсельезу“, и „Вы жертвою пали в борьбе роковой...“

Борьба за культурные реформы об'единилась с борьбой за политическую свободу.

Почти все шакирды-реформисты являлись безусловными врагами партии „Иттифак“. На людей защищающих эту политическую организацию, они смотрели с сожалением, как на отсталых,

Передовые шакирды слово „националист“—ощущали как ругательство и оскорбление.

Несмотря на то, что среди них было еще очень мало политически развитых и определившихся людей, знакомых с партийными вопросами, политической и социальной борьбой, тем не менее благодаря революционной атмосфере все они были в душе врагами буржуазии и капитализма. Ради революции и ради социализма они готовы были идти на всякие жертвы. В силу своей близости к массам все они были постоянными агитаторами революционных идей. Они были мелкими, подчас очень мало заметными, но живыми элементами, распространявшими идеи революции в широких массах.

Но вся темнота прошлой жизни, недостаточная интеллектуальная подготовка и извращенное воспитание связывало их

по рукам и ногам и делала их неспособными к непосредственной практической революционной деятельности. Как бы ни желал того шакирд, он не в состоянии был целесообрзно приложить, использовать свой пыл, энергию и энтузиазм к настоящему подлинному делу.

Когда ему ничего не остается делать, он уходит в мечты уничтожения, терроризма всех врагов новизны и революции, в татарском мире, для этого он хочет идти на самопожертвования.

Когда мы выше разбирали постановления казанского с'езда шакирдов, то столкнулись с одним пунктом, о котором было сказано, что он „пока не будет оглашен". Можно предположить, что этот пункт и был посвящен такого рода деятельности.

Наблюдения над действительностью того времени подтверждают наши предположения.

Мысли об убийстве в Казани муллы *Галимджана Баруды* и других реакционеров, в Тунтари *Ишми-Ишана,* в Челяби *хромого Губая,* в Оренбурге муллу *Валия,* в Уфе ахунда *Усманова* или муллу *Сабира,* муфтия *Султанова,* были постоянными грезами шакирдов. О выполнении этих террористических актов выносились постановления, намечались люди для их осуществления, но ни одно из покушений не было проведено в жизнь.

Мечтания их об экспроприациях были еще грандиознее.

Все это считалось необходимыми, неизбежными этапами по пути разрушения старого строя жизни и созидания новых, светлых форм будущего социализма.

Если вместо осуществления всех этих грандиозных замыслов какими либо судьбами удавалось наладить связь с партийными работниками, организовать политический кружок, помочь в гектографировании прокламаций и принять участие в ряде других повседневных, будничных революционных дел, то это бывало всегда большим счастьем. И на самом деле, гектографирование прокламаций на татарском языке, распространение и хранение их производилось в татарском мире, главным образом, силами этих шакирдов. В этом отношении шакирд сыграл большую роль.

Они приходили к сознанию, что все это делалось ими как необходимая работа на пути к социализму. А эта вера давала им энергию, терпение и готовность к самопожертвованию.

В основе своей шакирдовское движение конечно не было социализмом, а являлось лишь борьбой против остатков древнего феодализма и за свободы в буржуазном понимании этого слова.

В дни под'ема революционного настроения шакирдовское движение приближалось к пролетариату, к его методам и формам борьбы и получало социалистическую окраску.

Когда же революция была разгромлена, то раскрылась сущность всех этих движений. Все возвратилось вспять к своей основе.

Движение шакирдов по основному смыслу своему было конечно типичной культурной борьбой, элементы политики и социализма в нем были наносные.

Учеба в мектебе и медресе поставлена была по старому. Шакирды от этого учения не получали ничего жизненно-необходимого. Оттуда выходили муллы. А шакирды, как и интеллигенты других национальностей, возымели желание жить по-человечески. В семейном быту, в сфере научной и просветительной деятельности, во всех внешних проявлениях жизни своей шакирд хочет жить по культурному, как живет русская и европейская буржуазия.

Все это было безусловно необходимо. Стремление к переходу от древне-восточного нищенства и невежества к европейской, буржуазной культуре — было, конечно, крупным шагом вперед.

Но социализма здесь не было и в помине.

Шакирдовское движение было особенно ярко и революционно выраженной формой реформационного, новаторского движения татарской буржуазии, начавшегося еще во второй половине XX столетия. Шакирды стали самой революционной и радикальной фракцией татарского либерализма, проявившегося в форме мелко-буржуазного социализма.

Когда революция затихла, это выяснилось отчетливо. Все движение по своему историческому значению свелось к стремлению разрушить фундамент, на котором была построена татарская образованность и заменить его основами, на которых выросла европейская культура. Превращение татарского шакирда в европейца интеллигента—вот основной смысл движения.

Мелко-буржуазный характер этого направления в полной мере обнаружился в легальной газете, начавшей выходить в Казани 3 октября 1907 года.

В передовице первого номера есть такие выражения и формулировки в духе мелко-буржуазного социализма, как напр. „всеобщее счастье". Газета постепенно превращается в типичный орган либеральничающих шакирдов, программа которых заключается в стремлении разрушить в области культуры и учебы все напоминающее старого феодально-схоластического кадыма и создать новую педагогику на основе буржуазно-европейской культуры.

Газета выходила больше года. От социализма в ней к концу ее жизни ровно ничего не осталось.

II.

Движение среди приказчиков-татар.

а) Один из эпизодов борьбы.

Бойкот Абрару Бахтееву.

Ввиду того, что *Абрар Бахтеев* не разрешил своим приказчикам прекращать торговлю и закрывать магазин в 8 часов вечера и не согласился увеличить мясную порцию до ½ фунта на каждого служащего, продолжая выдавать по прежнему на 16 человек приказчиков 3 фунта, союз приказчиков

об'являет ему бойкот.

Выше упомянутый *Абрар Бахтеев* не удовлетворил такие незначительные требования приказчиков и выбросил их на улицу.

А поэтому союз приказчиков обращается ко всем товарищам-приказчикам города Казани, ко всему трудящемуся населению, ко всем союзам и организациям, а также ко всему населению города Казани с просьбой поддержать бойкот и не покупать товаров в магазинах *Абрара Бахтеева.*

Союз приказчиков просит также приказчиков города Казани не поступать на место уволенных товарищей.

Магазины *Абрара Бахтеева* находятся на Большой Проломной улице в домах Красникова и Волкова. Союз извещает всех товарищей-приказчиков и Казанских жителей о вышеизложенном.

Этот призыв к бойкоту был напечатан на первой странице газеты „Танг“ (от 29 мая 1905 года № 4).

Та же газета в № 2 от 22 мая дает следующие более детальные сведения об этом бойкоте.

Для того, чтобы показать, как освещались подобные факты мелко-буржуазных выступлений эпохи 1905 года в определенных органах печати того времени приведем отрывок из статьи, напечатанной в „Танге“:

— „На днях в разных газетах сообщалось, что пресловутый торговец *Абрар Бахтеев* по ничтожному поводу выбросил на улицу приказчиков, проработавших у него по десяти лет и более.

Главной причиной к таковой расправе послужило заявление недовольства, выраженное приказчиками хозяину по поводу того, что торговля продолжается и после 8 часов. На другой день после подачи протеста у *Абрара Бахтеева* взыграла хозяйская кровь и он не допустил некоторых приказчиков, участвовавших в протесте, к работе.

Остальные приказчики не могли согласиться с тем, что их товарищи выброшены на улицу одни, и из чувства солидарности бросили работу. Таким образом из двух магазинов *Абрара Бахтеева* ушло 12 человек.

В момент ухода они пред'явили *Абрару Бахтееву* следующие требования:

1) магазины должны закрываться в 8 час. вечера,

2) утром в магазине приказчикам должен подаваться чай,

3) норма мясной пищи на каждого человека на обед должна быть повышена до ½ фунта.

Они заявили при этом, что встанут на работу только в том случае, если их требования будут удовлетворены. Господин хозяин не согласился с их требованиями и предоставил приказчикам уйти...“

Событие это рассматривалось на экстренном заседани союза приказчиков, которое нашло, что требование 12 уволенных вполне справедливо.

Хотя мысль о бойкоте зародилась тотчас же, союз всетаки послал от своего имени делегатов (двух русских и одного татарина), которым поручалось разобрать сущность дела, переговорить с хозяином относительно удовлетворения требований приказчиков и предложить ему принять их обратно на службу.

Но богач стойко держался своей позиции, заявляя, что обратно принять на службу он может только некоторых.

После такого ответа союз окончательно порывает связь с *Бахтеевым* и вопрос переходит на рассмотрение совета союза:

—„и в пятницу 19-го мая было постановлено созвать экстренное общее собрание и обсудить на нем вопрос об об'явлении бойкота магазинам *Абрара Бахтеева*. На этом собрании и был решен вопрос о бойкоте.

Это событие, нашумевшее в свое время в татарском мире, раскрывает перед нами некоторые моменты приказчичьего движения: оно знакомит нас с жизнью и положением приказчиков-татар, а также с их организацией.

Кроме того оно проливает свет на одно явление общественно-профессиональной жизни, известное под наименованием „желтые идеи". О нем ниже.

б) Положение приказчиков-татар.

Первая революция совпала с периодом особенно сильного роста татарского торгового капитала, центром которого была Казань. Такие города, как Оренбург, Челябинск, Стерлитамак, Троицк, Орск, Актюбинск, Кустанай, Тузтуба (Илецкая защита), Екатеринбург, Уфа, Чистополь, Пермь были как бы его колониями.

Левые газеты 1905-07-х годов: „Урал", „Азад-Халук", „Танг" были в значительной мере заполнены статьями, открытыми письмами и мелкими сообщениями о движении среди приказчиков-татар этих городов. Газеты эти призывали приказчичью массу к борьбе.

Так как этот вопрос серьезно занимал умы того времени, то ему была посвящена даже отдельная книга, о которой речь будет ниже.

Сохранилось об этом движении много вспоминаний отдельных товарищей. Все эти материалы, рассказы и документы свидетельствуют о том, что жизнь приказчиков татар до революции 1905 года была исключительно тяжелая.

Исмагил Субаев из Уфы (активист социал-демократ, участник первой революции) пишет следующее:

— „Это было в то время, когда я проработав в Казани в магазине одного богача... на Проломной улице долгое время чернорабочим малайкой, повысился наконец

до степени приказчика (1904-й год). Мне было тогда 17 лет. В сутки работали от 15—16 часов... В магазин выходили в 7 часов утра, а возвращались домой в 10—11 часов ночи... Как только приказчики приходили домой, то ворота тотчас же запирались... выходить на улицу не разрешалось..."

Вышедшая в 1907-м году книга на татарском языке „Жизнь торговых служащих и их будущность" подтверждает все рассказанное выше.

О подростках, называемых „малайками" эта книга повествует следующее:

— „Эти дети вследствие бедности своей с малых лет идут на службу и с детства начинают бороться за свое существование. Их жизнь так жалка, что перо отказывается изображать ее, а читатель читать... Их работа гораздо тяжелее, чем работа приказчиков и конторщиков. Их заставляют работать и хозяин, и приказчик, и конторщик, и даже малайки, которые старше их по возрасту... С пяти часов утра до двенадцати часов ночи они беспрерывно на ногах. Они подметают и моют полы, смахивают пыль с высоких полок магазина, беспрерывно открывают и закрывают большие, тяжелые двери, по несколько раз в день ставят и таскают тяжелые самовары, каждый день носят дрова и топят печи, поднимают и ворочают ящики с товарами весом в три, пять и больше пудов,—вот их тяжелый, непосильный труд... Если же дети не выполняют в точности и аккуратно все эти обязанности, то хозяин их учит кулаками или палкой... Сверх того и доверенные лица и приказчики частенько награждают их пощечинами...

И вот наконец после долгих лет такой адской работы хозяин возводит их в степень приказчика или конторщика. Но положение их не становится от этого блестящим".

Автор книги, сам переживший все это, дает нам следующее описание их экономического положения и социального быта:

— „...Жалованья приказчиков еле-еле хватает на еду, на одежду ничего не остается...

Ежедневно с шести часов утра и до десяти—одиннадцати вечера он, не зная ни отдыха, ни праздников должен служить богачу-хозяину.

Приказчикам, которые живут в общежитии богачей дают ежедневно на каждого по 1/8 или по 1/4 фунта пло-

хого дешевого мяса (обрезков), один или два раза в день чай (самого плохого сорта) с кусочком сахара и черным черствым хлебом; в дни после праздников им иногда дают оставшееся от прошедшего праздника кушанье. Чаепитие в магазинах особенно поучительно и интересно. Мне самому не раз приходилось видеть, как на ящиках с мылом, на мешках с сахаром или мукой, где попало, ежась и дрожа от холода, торопясь и обжигаясь выпивали приказчики свой стакан чаю.

Для жилья приказчикам отводят узкую, затхлую комнату, где в пору было бы держать разве только теленка, и здесь приказчики спят подряд в повалку на полу.

Каждый день скандалы и ругань... и многое другое, чего даже нельзя перечислить... Если же на день, другой захвораешь или же с разрешения хозяина отлучишься куда нибудь, то за эти дни производят вычет из жалованья... Но и этого еще недостаточно: если приказчик женат, имеет детей, то постоянно и неуклонно за ним шпионят: когда он возвращается домой, где бывает, с кем знаком. Подчас не ограничиваются тем, что шпионят за самим приказчиком, а начинают распоряжаться его женой и детьми. О тех приказчиках, которые живут у хозяев и говорить нечего. Эти несчастные все равно, что каторжники, арестанты, которые сосланы на каторжные работы: они и душой, и телом принадлежат своему хозяину...

Судьба молодых людей, работающих конторщиками, не лучше чем жизнь приказчиков..."

Вот яркие картинки из жизни служащих татарского торгового капитала в Казани.

Жизнь приказчиков-татар в других городах, за редкими исключениями, протекала в таких же условиях.

в) Организация приказчиков и формы их движения.

Мы узнаем из газет того времени, что служащие татарского торгового капитала во всех городах находились в таком же состоянии брожения, как и их русские товарищи.

Охранка винила в сеянии этой „смуты", главным образом, социал-демократов.

Галимджан Сейфутдинов, *Ямашев*, *Зариф Садыков* активно участвовали в борьбе казанских, оренбургских, астраханских и уфимских приказчиков против капитала и самодержавия и в значительной степени руководили этой борьбой.

Когда в 1903—4 годах *Хусаин Ямашев* по приезде своем в Уфу вступает в частые и близкие сношения с рабочими *Каримовых,* то казанцы посылают *Каримову* такого рода предупреждение:

— „Будь осторожен. Не разрешай своим приказчикам с ним долго разговаривать, не допускай сближения с ним".

В кружках приказчиков социал-демократы вели также основательную и серьезную работу. Среди них встречались такие сильные люди, как *Шах-Ахмет Валиев* (впоследствии, к сожалению, провокатор).

Уфимские приказчики тоже присоединились к движению. Среди них выдвинулись такие деятели, как *Абуталипов,* который стоял во главе уфимцев, был впоследствии судим царским правительством и умер от чахотки на каторге.

Пермские приказчики также не оставались в стороне от общего движения.

Но самую выдающуюся роль во всем этом движении, несомненно, играла Казань, которая в своей борьбе показала такие образцы резкой тактики как выступление 12, о котором речь была выше.

Упомянутая нами книга „Жизнь торговых служащих" дает нам следующие интересные сведения;

„Движение среди приказчиков в Казани началось еще до октябрьских дней. В начале 1905 года оно проявило себя в довольно сильной форме, вследствие чего по предложению городской думы русские и мусульманские купцы решили в соответствующие праздники не открывать магазинов.

...Потом, когда наступили октябрьские дни и у приказчиков поднялось революционное настроение, то из их среды первыми на арену борьбы вышли мусульманские приказчики. Снимая отдельные комнаты, они несколько раз устраивали тайные собрания. После к ним примкнули и русские. Совместно они решили организовать профессиональный союз и после нескольких собраний в старом „обществе приказчиков" выработали проект устава и временно приняли его.

Таким образом союз приказчиков в нелегальной форме начал существовать с конца ноября 1905 года...“

Потом устав этого нелегального союза проводится через общее собрание и посылается на утверждение губернатору.

После обычной долгой волокиты, проэкт утверждается 18 ноября 1906 года и с этого момента союз начинает открыто работать под названием „общество торговых служащих“.

Вышеописанный эпизод с 12 приказчиками *Бахтеева*, в частности, об'явленный ему бойкот были проведены исключительно благодаря поддержки этого общества-союза.

Несмотря на свою бедность, союз помогал прогнанным приказчикам, выдавал им пособия в размере десяти—двенадцати рублей, а затем устроил их на службу в другие места.

Безусловно можно констатировать, что бойкот обошелся *Бахтееву* довольно дорого.

г) Желтые идеи.

Описанные выше движения, организации, применение таких методов борьбы, как бойкот и т. п.,—были, без сомнения, великим достижением и началом правильного подхода к делу среди приказчиков - татар, прозябавших в мелко буржуазном болоте.

Но книга, из которой мы цитировали выше, показывает нам, что и среди приказчиков были различные расслоения. Автор приведенного сочинения — *Ахмет Ишмухамедов*, издатель—капиталист *Касым Долгов*.

Соглашательство, проявившееся в самом издании книги, особенно ярко выразилось в главе, в которой автор делает выводы из вышеприведенных событий.

Особенно важны следующие моменты.

По теории большевизма профсоюзы должны находиться под руководством партии. Меньшевизм выдвигает в противовес теорию нейтральности профсоюзов. Наш автор стоит всецело на стороне последних. Когда он говорит о слабой деятельности профессионального союза и изыскивает меры к ее оживлению, то он заявляет:

— „Конечно, первой причиной этого явления было то обстоятельство, что члены общества принадлежали к различным партиям и на каждом шагу выдвигали свои партийные идеи, обращая больше внимания на свои партийные дела, чем на дела общества.

За-двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Или работай в обществе, или же уходи из общества и работай в партии. По моему мнению профессиональные союзы должны быть вне партий. Они должны служить для проведения в жизнь исключительно экономических требований (17 и 18 стр.).

Потом автор рассказывает, что большинство приказчиков-татар живет у своих хозяев-богачей и поэтому по вечерам не может посещать собрания. Если же назначать собрания в воскресенье, то не могут приходить татары, в пятницу не могут являться русские. На общих собраниях, где все разговоры ведутся на русском языке, татары не знают в чем дело, ибо не понимают русского языка, если же и понимают его, то не в состоянии говорить на нем. В союзе всего 4—5 человек татар, которые знают русский и татарский языки; такие работают усердно.

Дальше он переходит к характеристике приемов, которыми нужно было бы руководствоватья в вопросе организации приказчиков-татар и указывает на три возможных пути:

1) организовать общий союз без различия религии и нации,

2) обновить старое „общество приказчиков“,

3) организовать отдельное „общество торговых служащих-мусульман“ и в нем собрать всех приказчиков-татар.

Без труда можно догадаться, что автор, ведущий соглашательскую линию с капиталом, будет защищать последнюю форму организации.

— Старое общество нельзя обновить. Слова же „без различия религии и наций“—временный лозунг: он впоследствии забудется, все равно начнется национальная борьба, а потому, говорит он:

— „Я со своей стороны нахожу самым подходящим для торговых служащих исламского мира третий путь“.

В конце книги открываются еще более широкие перспективы: автор признается, что он пожалуй ничего не имеет против партии „мусульман иттифакэ“.

Короче говоря, часть книги, посвященная выводам, насквозь соглашательская, с определенным уклоном в сторону желтых идей о профсоюзах.

Но автору приходится сознаться самому, что его мысли большинством не приемлются:

— „За эти последние годы и наши приказчики заразились болезнью „социализма“ и перестали разбираться в том, что им выгодно, что вредно“,—говорит он (стр. 21).

Нет надобности доказывать, что тот социализм, которого испугался автор книги, и по существу то был мелко-буржуазным социализмом.

III.

„Тангчелар“, „Думачелар“, „Азадхалукчелар“.

Мелко-буржуазные группировки шакирдов-ислахистов и приказчиков в своей деятельности не ставили себе в первую очередь социально-политических задач: движение шакирдов, как мы видели, было по преимуществу *культурным*, а приказчиков—*профессиональным* с некоторым политическим налетом.

Действительные настоящие социально-политические „течения“ мелкой буржуазии на поприще революционной борьбы вылились в следующие группировки:

1) „Тангчелар“,
2) „Думачелар“,
3) „Азадхалукчелар“,

Прозвища эти группы получили от названия своих печатных органов: „Танг“, „Дума“ и „Азад-халук“.

Представители всех этих направлений считали себя социалистами, но по существу своему они были только крайним радикальным крылом буржуазии, которое в борьбе против феодализма придерживалось довольно таки резкой тактики.

Вся атмосфера была насыщена в то время революционными и социалистическими лозунгами. Этим в значительной степени об'ясняется, что самый передовой слой мелкой буржуазии, увлеченный бурным течением революции, возомнил о себе как о носителе социалистических идеалов и борце против капитализма. Но этот мираж быстро рассеялся.

Для того, чтобы создать себе ясное о них представление, рассмотрим их в отдельности.

д) Группа „Тангчелар“.

Фуад Туктаров и Гайяз Исхаков, которые сейчас вместе с белыми благоденствуют за границей в эмиграции, в первую

революцию считались вместе со своими единомышленниками „красными“. 18 мая 1906 года они начали издавать в Казани газету под названием „Танг“.

Большую долю средств, необходимых для издания, газета получила от *Абдурахмана Давлетшина,* сына известного капиталиста *Ахмед-бая Хусаинова* и от бугульминского *Шакира Хакимова,* который был купцом средней руки.

Выходила она 2—3 раза в неделю; выпущено было всего 64 номера. После этой газеты были изданы: „Сборник Танга“ и „Тауш“. Последний номер „Танга“ вышел 14 ноября 1906 года.

Работать и выступать под теми или иными кличками в целях конспирации, чтобы скрыть от полиции свое настоящее имя, было проверенным обычаем среди революционеров. Одно время маскировка имен вошла в моду. „Тангчелар“ питали особую любовь к псевдонимам.

По случаю ухода официального редактора „Танга“, *Гали Путилякова* в № 10 газеты от 19 июня 1906 г. была напечатана „тагзия“ (выражение сожаления и прощание), под которой мы видим следующие подписи:

— „Сотрудники: *Чингиз, Усал* (злой), *Минь* (я), *Кигаунь* ( ), *Сагид Рамеев, Мамли, Узун-Сырак* (длинные ноги), *Юмры* (круглый), *Аул Кшисе* (деревенский), Приказчик, *Бикчурин, Кюк* (синий), *Кзыл* (красный)“.

Они сами же впоследствии при удобных случаях раскрывали свои клички и через печать об'являли, что „Чингис“—это *Гайяз Исхаков*, а „Усал“—*Фуад Туктаров*. Оказалось, что под именем „Мамли“ скрывался *Тухфат Мамлеев*, под именем „Бикчурин“—покойный *Исхак Бикчурин*; *Сагид Рамеев*—известный татарский поэт.

Эти люди, об'единившиеся вокруг упомянутой газеты, стали называть себя „Тангчэ“, „Тангэелар“ и утверждали, что они представляют собой особое направление. Название „Тангчелар“ крепко привязалось к ним и другие стали их кликать тем же именем.

Кто же были эти люди? Какова их социальная природа? Каковы их общественная идеология и психика?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо ознакомиться с их программой, организацией и методами борьбы, что мы и сделаем на основании их же собственных сочинений.

а) Программа и организация.

В № 5 газеты „Танг“ есть статья под названием „Наша партия“. Она без подписи—следовательно является программной статьей редакции. В ней говорится следующее:

— „... Так как мы везде отстаиваем интересы трудящегося народа и направляем все стремления свои к улучшению его положения, то мы подходим к идеалу социализма, который постепенно обеспечит хорошую жизнь для всего народа. Поэтому „наша партия“ всегда была и всегда будет партией социалистов“.

Раз'ясняя свою платформу они об'являют, что всю землю тотчас же нужно отдать в руки трудящегося народа и, где это возможно, передать рабочим заводы и фабрики.

Все содержание их газеты, а также все их книги и брошюры (в особенности брошюра под тем же названием „Наша партия“), ясно доказывают нам, что группа „Тангчелар“ была ни чем иным как татарским ответвлением партии эс-эров.

Это их официальное положение.

Ленин и Плеханов доказали нам, что эс-эровская партия в сущности не социалистическая, а только левая фракция буржуазного течения. На примере эс-эров в татарском мире мы ясно убедимся в правильности этого воззрения.

Какими бы социалистами не выставляли себя татарские эс-эры „Тангчелар“ на словах, на практике они не смогли отделиться от буржуазии. Факты особенно ярко показали это и разоблачили истинную природу „Танговцев“.

„Тангчелар“ утверждали, что они отдельная самостоятельная партия, трубили о том, что они защищают рабочих и крестьян от буржуазии и помещиков, что они борются за социализм и уничтожение капитализма.

Если верить их словам, то кроме враждебных чувств они ничего другого не питали к буржуазии, но если обратиться к фактам, то усматриваешь совсем иное. Так уже в отношении организационном они не смогли отмежеваться от татарской буржуазии.

Об этом красноречиво свидетельствует эпизод с так называемой „чистопольской свадьбой“ [1]).

---

[1]) Это было в мае месяце 1905-го года.

Трусливая татарская буржуазия проводила свои политические совещания под видом званых обедов. Некоторые представители ее задумали использовать в этом смысле бракосочетание *М. Бигеева* с дочерью *Закир-Ишана*.

Рашид-казы на этом меджлисе несомненно сидел в красном углу.

В то время правые меньшевики, как-то *Ибниамин Ахтямов*, эс-эры „тангчелар" и их сторонники тужились выносить революционные постановления за жирным мясом, пирогами и казлыком [1]) буржуазии. Но и этого им было недостаточно, а потому *Гаяз Исхаков* избирается в состав делегации, которую предполагают отправить к графу *Витте* для изложения религиозных нужд мусульман.

Но это было еще сравнительно незначительным эпизодом. Более ярко и красочно линия танговцев выявилась в их сношениях с „Иттифаком".

Если „Иттифак" с одной стороны является буржуазной партией, если „танговцы" в свою очередь действительные, подлинные социалисты, то возможно ли, чтобы эти две диаметрально противоположные друг другу группы собирались на один с'езд.

А в действительности, как мы знаем, это было так.

Сами же они кричали о том, что „Иттифак" партия татарской буржуазии и сами же первые пошли против своих заявлений.

На первый с'езд „Иттифака" (в августе 1905 г.) буржуазия не пожелала допустить этих „левых" и для того, чтобы они не попали на него, пароход „Густав Струве", на котором происходил с'езд, отвалил от пристани на 10 минут раньше условленного времени.

Со стороны буржуазии такое отношение было конечно вполне естественным, ибо она не могла хотеть, чтобы на этом меджлисе, устроенном для разговоров о буржуазных интересах, присутствовали представители другой партии.

Но „танговцы" не были щепетильны. Они наняли маленький баркас, догнали плывущую на пароходе „Густав Струве" буржуазию и с обещаниями сидеть молча, не раскрывая рта, втерлись на этот с'езд буржуазии как незванные и нежеланные гости.

---

[1]) Казлык—колбаса из конины (от переводч.)

На III-ем с'езде партии „Иттифака" „тангчелар" участвовали уже совсем как фракция. „Социалист" *Фуад Туктаров* исполнял даже обязанности секретаря комиссии по открытию этого буржуазного с'езда.

Татарская буржуазия, привыкшая раздавать милостыни, не прочь была разыграть роль благодетеля и по отношению к этим социалистам и предоставила им в программной комиссии одно место. Но танговцы не удовлетворились этим; такое представительство им показалось недостаточным и они, обидевшись, отказались.

Но всетаки с'езд эти „социалисты" не покинули. Они участвовали в решении всех вопросов, выступали с речами, вносили свои резолюции и сыграли на с'езде роль незванных, назойливых гостей, до конца с'езда мешавших буржуазии спокойно обсуждать домашние буржуазные дела.

Возьмем для контраста поведение „Уральцев" в этом же вопросе.

Ямашев, *Сейфутдинов*, *Ибрагим Муратов* и другие большевики боролись так: они об'явили, что „Иттифак" буржуазно-помещичья партия. Для того, чтобы идеи „Иттифака" не распространялись среди массы, они раскрыли в газете его истинную физиономию. Принимать же участие в с'ездах „Иттифака" —партии националистической татарской буржуазии, филиала партии кадетов, они считали и излишним, и беспринципным.

Как группа „тангчелар" не в состоянии была в организационном отношении окончательно оторваться от буржуазии, так и в вопросах программы она не могла твердо, решительно и четко отмежеваться от буржуазных формулировок в области религии и национальности.

Мы выше приводили выдержку из газеты „Танг", в которой было об'явлено, что направление и цель группы „тангчелар"—социализм. Но это было только громким словом, в действительности же группа шла против социализма.

На III-ем с'езде того же „Иттифака" перед обсуждением религиозного вопроса *Гайяз Исхаков* сказал:

— В зале угар и вопрос, стоящий на очереди, тоже в своем роде угар. Если эти два угара соединятся воедино, то заболит голова".

Как только он произнес эти слова, с места поднимается фанатик *Галимджан Баруды* и заявляет:

— *Гайяз* эфенди оскорбил религию, пусть он попросит извинения.

Среди присутствующих поднимается шум. *Исхаков* немедленно берет свои слова обратно и просит прощения.

Если этот эпизод обнаруживает с одной стороны ироническое отношение *Гайяза* к вопросам религии, то с другой стороны он показывает нам самого *Гайяза*, как „героя" быстро и беспрекословно пасующего перед религиозным фанатиком и муллой *Галимджаном Баруды*.

На этом с'езде группа „тангчелар" открыто заявила татарской буржуазии, что в вопросах религии и идеологии она пойдет с ней рука об руку, что в пунктах программы, относящихся к этим вопросам, между ними никаких разногласий нет.

Это подтвердилось в целом ряде выступлений.

Когда, например, рассматривался вопрос о программе, *Гайяз Исхаков* сказал, что партия под названием „мусульман иттифакэ" совершенно немыслима. Среди мусульман есть помещики и капиталисты, есть крестьяне и рабочие. Экономические интересы этих групп людей противоположны друг другу. А поэтому совершенно невозможно, чтобы все они могли совместно работать в одной организации...

Закончил свою речь он буквально так:

— „Пусть наш союз не будет политической партией, а издательско-просветительным и охраняющим религию обществом".

Иначе говоря, он находит нужным об'единение всех мусульман с целью распространения общей национальной культуры и для охранения религии.

Эту мысль поддерживает и *Фуад Туктаров*.

Выше мы упоминали о том, как „тангчелар" старались расколоть в думе мусульманскую фракцию.

Мы рассказывали также о том, что после организации группы „Мусульман хезмят тайфасэ" (мусульманская трудовая группа) *Фуад Туктаров* выступил в печати с хвалебной статьей о ней, в которой между прочим имеется также несколько слов о вопросах программных.

В 1907-м году, когда он описывает процесс распадения мусульманской фракции во второй думе, он говорит следующее:

— „В этом году, как и в прошлом, несколько богатых мурз хотели обманным способом провести депутатов мусульман в кадетскую партию.

Но на первых же собраниях призывы этих мурз не нашли себе отклика. Депутаты, приехавшие из деревень, сказали:

— Посмотрим эту вашу программу. Если она не противоречит интересам религии, нации и народа, мы тогда ее с удовольствием примем. Если же она будет противоречить им, то мы ее не примем и составим свою собственную программу.

По рассмотрении же программы оказалось, что мурзы поставили себе целью добиться от правительства весьма мало существенных выгод для религии и нации.

Поэтому... эти депутаты постановили составить такую программу, которая вполне отвечала бы всем запросам религии, нации и народа организовать новую партию под названием „мусульман хезмят тайфасэ“...

Эта статья, в которой *Фуад Туктаров* то и дело повторяет слово—религия является между прочим как бы продолжением и более отчетливой формулировкой тех мыслей *Гайяза Исхакова*, которые были высказаны им на с'езде буржуазии в Нижнем-Новгороде.

Газета „Урал“ напечатала статью *Туктарова*, при чем определенно заявила, что редакция не согласна с мнением автора.

На почве разрешения религиозного и культурного вопросов мы видим в татарском обществе, так же как и в других, полное расхождение пролетарского социализма, основанного на марксизме с мелко-буржуазным социализмом.

Обе группы как „уралчелар“, так и „тангчелар“ кажутся на первый взгляд чисто социалистическими, но после некоторого, даже поверхностного анализа приходишь к заключению, что между ними была глубокая и принципиальная разница.

Как было выяснено выше, „тангчелар“ в вопросах религии, культуры, идеологии дружественно протягивали руку буржуазии. „В этом отношении между нами нет никакой разницы, давайте об'единимся и организуем для разрешения этих задач один общий „иттифак“ (союз), говорят они.

Итак, „тангчелар“ доказали, это они, как и эс-эры, социалисты только на словах, на деле же они левое радикальное крыло буржуазии.

б) Методы борьбы.

Шум, крикливость, скандал и аналогичные явления всегда занимали значительное место в борьбе мелко-буржуазных „социалистов". Группа „тангчелар" в этом отношении выделялась особенно. Их способы борьбы можно было бы характеризовать кратко двумя словами: брань и самовосхваление.

Если мы перелистаем все 64 номера газеты „Танг", „Сборник Танга" и номер „Тауша", то мы найдем полное подтверждение этого.

Ямашевы, *Сейфутдиновы*, *Муратовы* были также принципиальными противниками татарской буржуазии. Они были непримиримыми врагами „Иттифака". Эти большевики в своей газете „Урал" резко критиковали позицию, принципы и методы буржуазии, но они никогда не опускались до личной перебранки и беззастенчивого самохвальства.

Что же касается танговцев, то они бранью и самохвальством заполнили всю свою газету, создавая из этого для себя нечто вроде профессии.

Для уразумения направления и морального лица этой группы приведем ряд примеров их полемики.

В первом номере газеты „Танг" они тиснули об *Исмагиле мурзе Гаспринском*, начавшем издавать в 1883 году первую газету на тюркском языке, прогрессивную „Тарджиман", следующее:

— „Крымский хулиган, обманывая наш татарский народ от имени религии и нации, служил как раб самодержавию в течении более 20 лет. Это было преступление против нации".

В этом же номере перечисляются все буржуазные татарские газеты, на которые они обрушиваются с особым остервенением, не жалея для этой полезной деятельности затрачивать целые страницы своего „Танга".

Во втором номере „социалист" *Чингис* эфенди читает едкие наставления *Ахтямову*, *Суртланову*, *Джантурину*, *Закир Рамееву*, *ахунду Матинову*, *Миндубаеву*, *Гарифу Бадамшину*, выбранным депутатами в государственную думу. Обращаясь к этим депутатам кулакам, капиталистам и помещикам он страстно ругает их, а в конце концов, как нищий, просит этих же самых помещиков, капиталистов и кулаков, чтобы они давали в

его „социалистическую“ газету информации, причем предупреждает:

— „Если вы не будете посылать информаций, то наша газета сочтет вас мертвецами и призовет всех своих читателей для отслужения панихиды за упокой вашей души“.

И в этом номере продолжается обычная ругань по отношению к газетам. Помещается бранная статья „Кигауна“ под заглавием „Андан, мундан“ (отовсюду).

Здесь он поносит и газету „Баян-уль-хак“, и журнал *Галимджана Баруды*, выходивший под названием „Эддинь-вэль-эдеб“, перефразируя его в „Аль-дженун фянунун, мяджаллэи хиялия“, что по русски значит: „фантастический журнал под названием—сумасшествие есть наука“.

Посвящая изобличению таких очевидных нелепостей целые страницы газеты, он говорит:

— „Подожди, не спеши перо. Сначала кончим про хадзрата *Галимджана*, а потом доберемся и до Акчура оглы (*Юсуф Акчурин*), и до „Казань-мухбирэ“, и до „Азада“, и до „Юлдуза“ (название татарских газет).

И действительно, перо не спешит целыми неделями, беспрестанно курят они „фимиам ругани“ перед теми же лицами, газетами и организациями.

Мишенью для своих острот они избирают, между прочим, в качестве центральных фигур четырех известных националистов, иттифакистов писателей и общественных работников буржуазии: *Акчурина Юсуфа*, *Рашида Ибрагимова*, *Садры Максудова и Фатыха Каримова.*

Проявление этих словесных драк бывало очень разнообразно.

Иногда просто писали ругательную статью и открыто подписывали ее „Усал“ или „Чингис“, иногда же, когда не хватало смелости взять на себя ответственность за какую нибудь грязную статейку, ставили под ней такие вымышленные подписи, как „30 приказчиков из Илецкой защиты“, или же „30 башмачников из Казани“.

Иногда применялась литературная форма пасквиля (ведь среди них были беллетристы).

В третьем номере, например, напечатан рассказ „Курсак“ (утроба).

В этом фельетоне выводится татарский писатель—продажная душа, блюдолиз, организатор белой капиталистической газеты, изменник и предатель интересов рабочих и крестьян.

А в заключении рассказа ясно и определенно говорится, что герой рассказа—*Фатых Каримов*, редактор газеты „Вакт".

После позорного возвращения танговцев с III-го с'езда „иттифака", где им пришлось играть такую незавидную роль, они принялись с особым остервенением ругать панисламиста *Рашид-Казыя*. Ему посвящались и передовицы, и статьи, и фельетоны.

Рашид Ибрагимов в 1895 г. написал в Константинополе книгу под названием „Чупан Юлдузы", в которой поносил русское правительство за его руссификаторскую политику, утверждая, что такая политика—уничтожение ислама. По этой причине он был заточен в тюрьму как только ступил ногой в пределы Российской империи. Такого рода эпизоды поднимали авторитет этого беспринципного старика.

Танговцы подхватили этот случай и написали в своей газете:

— „Когда он возвращался из Стамбула, то в таможне в его чемодане нашли янтарь и духи. Вот почему его арестовали и заключили в тюрьму, а вовсе не по политической причине".

Откуда то извлекли на свет сплетню о трех вагонах масла.

Между тем, злые языки в свою очередь поговаривали, что в переходе *Гайяза Исхакова* на нелегальное положение и укрывательстве его от полиции политика не играла особой роли. Причиной этому послужило то обстоятельство, что в харчевне, которую он содержал под названием „Караван-Сарай" *) нашли труп убитого человека. Но, конечно, это тоже было ложным слухом.

Через несколько номеров мы опять наталкиваемся на имя *Рашид-Казыя*; ему возносят теперь такие „хвалебные" слова:

— *Рашид* беспринципный, *Рашид* непостоянный, *Рашид* продажный, *Рашид—Меншиков.*

В то время только что появился на татарском горизонте *Садры Максудов*. Наши тангчелар сначала никак не могли придумать с какой стороны приступиться к новому человеку, как ругнуть его.

*) Он некоторое время содержал харчевню под этим названием.

Голько когда *Садры Максудов* был избран в государственную думу, они собрали достаточные материалы об этом представителе татарской буржуазии, чтобы вволю надругаться над ним.

В газете „Таүш“ об'явили *Садры Максудову* „бойкот“, под которым вместо подлинных подписей стояло многозначительное мистическое „60 подписей“. Причиной для этого бойкота послужило то обстоятельство, что *Садры Максудов* голосовал в думе не в пользу туркестанских мусульман.

Танговцы не удовлетворились тем, что обругали его в своей газете: скандал относительно этого депутата перенесли также в газету „Дума“.

Во втором номере газеты „Дума“ (май 1907 г.) *Фуад Туктаров* написал „открытое письмо *Садрутдину Максудову*“, в котором он рассказывает, что в бытность *Максудова* в Петербурге, он в компании еще шести человек в номерах „Метрополитэн“ говорил разные неподобающие вещи и приводит некрасивые черносотенные выражения, которые могли бы сорваться с языка только во время жестокой перебранки да и то с глазу на глаз. В заключение *Туктаров* предлагает партии „Иттифак“ исключить *Садры Максудова* из числа своих членов.

Наряду с *Акчуриным, С. Максудовым и Рашид Ибрагимовым* „Танг“ не дает пощады и *Фатыху Каримову*, которого ругает нещадно.

Для тех, кто не имел „счастья“ читать эту газету, приведем один образец стиля:

—„ На свете очень много длинноухих животных. Но они не сосредоточены только в одном месте. Вокруг Казани, например, встречаются зайцы с длинными, предлинными ушами, но зато около Оренбурга зайцы попадаются очень редко, потому, что лесов там нет. Но из того, что в Оренбурге нет зайцев, не следует делать вывода, что там вообще нет длинноухих животных. Там есть превосходные экземпляры этой породы. Стоит только выйти на улицу, чтобы встретить по меньшей мере с десяток ослов. А разве это не длинноухие животные? Да еще каких ослов встретите-то...

Есть такие, у которых уши не меньше газеты „Вакт“. Если вы пойдете по Николайской улице [1]), то рискнете

[1]) Улица, где находилась редакция газеты „Вакт“, редактором которой был Фатых Каримов.

встретить такого осла, который на первый взгляд может даже сойти за человека. Но если вы его издали и примете за человека, то рассмотрев вблизи, едва ли ошибетесь в точном определении личности этого молодцеватого парня.

Да он и сам не скрывает того, кто он такой. Даже в своих статьях, которые печатаются в газете „Вакт„ он откровенно подписывается „ишак“[1]), виноват „узун кулак“[2]).

Вот чуть-чуть не оговорился, что он подписывается „осел“... Ну что же из того, если бы и сказал это: что осел, что длинноухий, не все ли равно.

Даже если бы мы назвали этого „писателя“ коротко-ухим, то несмотря на наши уверения каждый читатель сам не затрудняясь определил бы по его статьям, что из себя представляет этот „писатель“ и назвал бы его настоящим именем...

Но подождите, родные, не называйте его ослом. Так можно договориться бог—весть до чего; будем лучше называть это животное молодцеватым парнем...

Вот этот-то молодцеватый парень считает себя „писателем“, считает себя даже таким писателем, который имеет большие заслуги перед нацией...“ (газета „Танг“ № 19 от 21 июля 1906 г.)

Вот в какую форму выливались обличительные писания и характеристики группы „тангчелар“. И с такими произведениями они выступали почти в каждом номере.

Они не столько обрушивались на бюрократию, не столько клеймили самодержавие и его приспешников среди татар, не столько обличали настоящих капиталистов и подлинных помещиков, сколько нападали на агентов татарской буржуазии, на людей вроде *Гаспринского, Акчурина, Садры Максудова. Фатыха Каримова.*

Очевидно в газете „Танг“ не удалось насытиться рутанью до отвала и когда газета кончила свое существование. из лагеря танговцев вышла отдельная книга, в которой один из них отвел душу до предела. Книга эта принадлежит перу *Усала-Туктарова* и называется „Мусульманские депутаты в первой, второй и третьей государственной думах“. Здесь он между прочим пишет следующее:

---

[1]) Ишак—осел.
Узун кулак—длинноухий.

— „Этот *Садры Максудов* очень неразборчивый и юркий человек... Бедняга очень любит быть на виду и играть роль крупного человека. А между тем он не пользуется уважением даже среди своих знакомых и депутатов. Каждый старается поскорее уйти от него.

И в думе, конечно он ничего не в состоянии сделать... У бедняжки знания очень поверхностны, он даже не может связно говорить по татарски... А по русски всякий простой торгаш—татарин из'ясняется лучше чем он. К тому же и в умственном отношении от природы он немножко, как говорится, на родном татарском языке „кильдэ—китдэряк„ [1]). (стр. 104—105).

К слову сказать: этот „бедняга" *Садры Максудов* и так поносившие его *Гайяз Исхаков и Фуад Туктаров* находятся в настоящее время все вместе заграницей — в эмиграции, где они ведут сообща, рука об руку отчаянную борьбу против Советской власти вообще и против Татреспублики в частности. Все прошлые разногласия позабыты.

Если компания *Гайяза и Фуада* не знала меры для брани в отношении к другим, то она также не знала границ в самовосхвалении.

Например, один из руководителей группы *Фуад Туктаров* во втором номере „Думы" превозносит до небес свою газету:

— „Газета „Танг", которая со дня своего появления завоевала первое место (?) среди татарских газет, за шесть месяцев своего существования стала историческим событием в жизни татарской печати, символом великого, героического движения... Да, здравствует „Танг"! Да, здравствуют „Тангчелар"!

Статья в еще более шарлатанском и самохвальном тоне была помещена в октябрьском десятом номере „Танга". Здесь сказано буквально следующее:

— „Тангчелар вдохнули жизнь в умирающий татарский народ".

Эти смешные слова зазнавшегося эс-эра танговца напоминают изречение аллаха из корана, которое гласит, что вдохнул он в человека от духа своего.

Этот дух самовосхваления во внешних проявлениях своих принимал весьма различные формы. Популярнее всего был та-

[1]) «На чердаке ветер гуляет».

кой прием: пишется статья восхваляющая газету „Танг“, статья со всеми специфическими особенностями, характеризующими редакцию этой газеты, но для того чтобы придать статье массовое значение ставят под ней подписи „рабочие“, „приказчики“ или „шакирды“.

Не менее популярен был способ, когда один из сотрудников начинал величать и превозносить какого нибудь товарища своего по редакции.

Фуад Туктаров, например, в статье: „Татары и прогресс“ обливает ушатами грязи все деяния татарского народа, хулит всех его видных людей, писателей и общественных деятелей, зато танговца *Гайяза Исхакова* выводит тут же как какого то чудотворца—атамана.

Этот самый *Исхаков*, полемизируя с газетой „Вакт“ написал большой фельетон, в котором он вместо приниципиальной борьбы, хвастливо бьет себя в грудь и возглашает: „мы идем на жертвы, мы идем на виселицы ради социализма и ради рабочих“ и т. д., и т. п.

Сознательный человек, конечно, только с иронией и может отнестись к таким словоизвержениям, наивные же люди, особенно молодые шакирды, легко попадались на удочку самовосхваления.

Раздувая свои тщедушные поступки в огромный мыльный пузырь, делая на каждом шагу из мухи слона, эти же „тангчелар“ в своих газетах и выступлениях ни единым словом не обмолвились о тех крупных жертвах, тяжких страданиях и истинном героизме татарского пролетариата, которыми сопровождалась его тяжелая борьба против самодержавия.

Мы знаем, что некоторые татарские пролетарии (как например тов. *Зариф Сафаргалеев*) уже с 90-х годов активно участвовали в борьбе за социализм и за эту свою деятельность успели побывать и в тюрьмах, и в ссылке еще задолго до возникновения тангчелар. Эти же последние не хотели даже упоминать о них.

Во время знаменитого провала 12 декабря 1905 г., о котором речь была выше, из среды татарских пролетариев и большевиков были схвачены царскими опричниками и заключены в тюрьму *Садык Сагеев и Галимджан Сейфутдинов.*

Кроме этих двух еще многие революционеры — татары постоянно угнетались самодержавием, заключались в тюрьмы и ссылались.

О них газета „Танг“ молчала упорно, а вот когда *Гайяза Исхакова* однажды вечером заключили в тюрьму, а на другой день утром выпустили с условием покинуть город Казань в 24 часа,—„Танг“ посвятил этому танговцу целую передовицу, называя его „жертвой ради народа“.

„Танг“, фатально забывая о том, что уже в 1905 году *Сейфутдинов, Сагеев* и другие были запрятаны в тюрьму, а потом сосланы, провозглашает арест *Исхакова*, состоявшийся в ноябре 1906 года, как первый случай расправы царской власти с татарским революционером и выставляет *Гайяза Исхакова* как первую жертву самодержавного произвола.

В одном из номеров извещается, что „жертва“ заключена в тюрьму, а из следующего за ним номера узнаем, что „жертва“, пользуясь свободой сидит, но не в тюрьме, а в номерах „Болгар“ на Сенном базаре (пчэн базарэ) и в свое удовольствие уничтожает, по случаю ураза-байрама, кулинарные ухищрения кухни этих номеров, вроде пармач и балиши.

Такие факты служат ярким примером тому, как некоторые люди извращали историческую истину в угоду своим узко групповым интересам.

Дело доходит до курьеза, когда этот „танговец“—*Г. Исхаков* на следующий день после своего освобождения, раздувая событие в огромный мыльный пузырь, помещает в газете статью, в которой громко взывает:

— „ Ведь я опять на свободе.

Ведь я опять могу писать свободно“.

Как будто он лет 20—30 просидел в казематах Шлиссельбургской крепости или равелине Петропавловки.

Мелко-буржуазная и крупно-буржуазная печать вообще придерживалась тактики упорного замалчивания революционных событий из жизни татарского пролетариата. Революционная деятельность татарских рабочих совершенно игнорировалась и не освещалась перед обществом, в то время как такие незначительные по существу факты, как аресты *Юсуфа Акчурина и Исхакова*, обыски у некоторых мулл раздувались в события первостепенной политической важности. Таким мелким событиям посвящались иногда целые книги [1]).

---

[1]) Акчурин после своего освобождения написал художественным языком книгу «Мавкуфиат Хатыраларэ» т. е. тюремные воспоминания.

Такая политика конечно вводила в заблуждение общественное мнение.

Пожалуй таким путем мелкобуржузные революционеры и достигали до некоторой степени желанной цели: у малоподготовленных читателей создавалось ложное представление об их „революционности".

Как отнеслись другие слои общества к пущенным тангов-цами в оборот методам политической борьбы.

Масса их не читала и не находила нужным читать.

Татарские буржуазные писатели в ответ на брань отвечали бранию. Больше всех, пожалуй изощрялся *Фатых Каримов.* Газета „Вакт" посвятила такой полемике не малое количество столбцов.

В 1906 г. (№ 31) она встретила появление „Танга" следующими словами:

— „В Казани беспринципные, беспутные бездельники *Гайяз Исхаков*, *Фуад Туктаров*, *Шакир Мухамедьяров* и т. п. личности... для пропаганды среди российских мусульман ложного „социализма" начали издавать газету под названием „Танг юлдузы". Эта затея смешна и позорна, и служит неоспоримым доказательством тому, что эти люди абсолютно далеки от понимания религии ислама и психологии российских мусульман..."

В этом же номере газеты появляется рассказ-пасквиль *Фатыха - эфенди Каримова о Гайязе Исхакове*, под названием „Курсак" (утроба). [1]) Герой рассказа то состоит мугаллимом (учителем), то берется за писательское дело, то он содержатель харчевни, то „социалист", то является делегатом от мусульман для защиты их религии в Петербурге, где ему предоставляется возможность заполучить и некоторую толику денег. Он никак не может найти успокоения.

— „Нет, нет. Я сам по себе не бездельник, но несмотря на это почему то нет у меня счастья. Я не могу найти последователей. Никто не обращает внимания на мои слова... Нет, так нельзя. Вернусь в Казань... Через *Абдрахмана* опустошу карманы *Ахмедбая* руками его же жены... Потом на чнуиздавать газету под названием

[1]) Это слово употреблено в смысле корысти.

„Шайтан Тангэ“... [1]) Буду ругать и мулл, и богачей, и ученых, и писателей этого проклятого мусульманского народа... Кто бы ни попался под руку, на каждого буду набрасываться...

Проклятье миру. Все мои мечты, все мои деяния беспочвенны, потому, что нет у меня определенного направления и сам я непостоянен“.

Так пишет *Фатых Каримов* и в конце концов открыто заявляет, что герой этого рассказа никто иной как *Гайяз Исхаков.*

Через некоторое время в той же газете (1906 г. № 34) мы встречаем следующие излияния.

— „Должно быть заметка, помещенная в газете „Вакт“ о том, что в Казани группа беспринципных, беспутных молокососов татар, присвоив себе название „социалистов“, начала шарлатанить, больно уколола сердца „тангчелар“...

Ругаясь походя газета продолжает так:

— „Пусть эти господа укажут нам какую нибудь социалистическую газету других национальностей, которая с первых же номеров начала бы набрасываться как бешеная собака на всех и вся, осквернять религию свою, издеваться над своими писателями, плохи ли, хороши ли они и поносить духовных лиц...

Эти пять-шесть невежд-молокососов, конечно не социалисты. Мы категорически протестуем против того, что они злоупотребляют такой серьезной наукой, как социализм“.

Танговцы не оставались в долгу и награждали буржуазных писателей такими эпитетами:

— „Продажные, религиозники, националисты, иттифакисты, шпионы, блюдолизы татарской буржуазии, провокаторы“.

Националисты, в свою очередь обращались к сторонникам *Фуада и Гайяза*, называя их:

---

[1]) „Танг Юлдузы“ значит в переводе на русский язык—предутренняя звезда; «Шайтан Тангэ»—(утро шайтана, диавола) в данном случае намек на газету эс-эров.

„Вы беспринципные, беспутные, бездельники, аферисты, бессовестные, неграмотные невежды, лже-социалисты".

Вот так и набрасывались друг на друга—представители мелко-буржуазного „социализма" и крупной буржуазии.

Журнал „Чукеч" (Молот) преподносил танговцам такие эпитеты: „морские свиньи", и „арканщики из песка".

Традиция перебранок, начатая газетой „Танг" на второй год после зарождения в татарском мире периодической прессы (в 1906 г.), подхваченная затем газетой „Вакт" перешла от них к журналам „Чукеч", „Яшен" и „Ялт-Юлт". Таким образом создалась нездоровая „школа" личных колкостей и выпадов в ущерб принципиальному рассмотрению стоящих на очереди вопросов.

И до настоящего времени татарская печать все еще не может окончательно освободиться от этой дурной и заразительной привычки. Между критикой и руганью пока еще не установились строгие грани. Так продолжительно у нас влияние наследий „Танга" и „Вакта".

В газете „Танг" от 10 октября 1906 г. была помещена статья *Туктарова*, в которой он писал:

— „Танговцам пришлось самим самостоятельно пролагать себе пути".

Это нужно понимать так:

— „Пути бранной полемики и самовосхваления впервые были проложены группой „Тангчелар".

в) „Думачелар" („думовцы", Мусульман хезмят тайфасэ).

В революции 1905 года одним из мелко-буржуазных политических течений среди татар была так называемая группа „думачелар".

Она, выражаясь старо-заветным языком, была создана из левого ребра пресловутого „иттифака".

Классовой базой ее было кулачество.

В отпадении этой группы от „иттифака" сыграли видную роль татарские эс-эры — тангчелар, главным образом *Фуад Туктаров*.

Течение это имеет свою маленькую осторию.

В 1907 году во второй государственной думе из членов мусульманского „иттифака" была организована особая фракция.

Основным ядром этой организации, получившей название „мусульманской фракции", были представители татарской буржуазии и помещиков. Мусульманские депутаты Кавказа, Крыма, Казакстана, Туркестана также входили в состав членов этой фракции.

Общее количество членов было около 35-ти человек.

Фракция эта, как было констатировано выше, стояла очень близко к партии кадетов и являлась как бы отделением ее.

Некоторые татарские депутаты, избранные крестьянами, не могли работать в думе по программе кадетов, потому что масса, пославшая их, в своих наказах настойчиво твердила об одном:

— Землю, землю, землю.

Делегаты вынуждены были выйти из кадетской фракции „иттифака".

Для них единственным классово-правильным путем было, как пояснял „Урал", присоединение к одной из существующих партий, которые по своей программе наиболее подходили к ним, а не создание отдельной оргинизации.

Но так как татарские кулаки, в значительном количестве входившие в эту группу, были насквозь пропитаны ядом религии, и кроме того среди этих депутатов было несколько мулл, то они, как формулировал тот же „Урал", выйдя из состава одного мусульманского иттифака, организовали другой новый мусульманский иттифак и назвали его:

— „Мусульмандарнен хезмят тайфасэ" (трудовая группа мусульман).

Во главе этой группы стояли: из Бугульмы мулла *Хадый Атласов*, из Симбирской губернии мулла *Абдулл Наджмутдинов*, из Елабужского уезда *Хабибурахман Масгудов*, кавказец *Зейналов*, Чистопольский торговец *Гариф Бадамшин* и Буинского уезда учитель *Калимулла Хасанов*.

Как видно, все они по своему социальному положению были или среднего типа торговцами—кулаками, или духовными лицами, или представителями интеллигенции. Сообразно такому классовому составу и вся работа их должна была получить соответствующий классовый характер.

Туктаров, сыгравший немалую роль в организации этой группы, дал в газету „Урал" хвалебную статью (1907 г.

16 марта № 20, стр. 3), в которой он старался выставить членов этой группы, как хороших, верных работников, преданных делу народа. Он пишет:

— „Более сознательные депутаты не приняли ту программу, которую предлагали мурзы, напротив, решили организовать отдельную партию под названием „мусульманларнен хезмят тайфасэ", программа которой должна была соответствовать всем религиозным, национальным и народным нуждам".

Дальше он пишет:

— „Мусульманские депутаты, выбранные в мусульманских деревнях... войдут в состав „хезмят тайфасэ", организованного в религиозных и национальных интересах сельского мусульманского населения".

Этот блок кулаков с духовными, заранее восторженно воспетый одним из танговцев, официально об'явил себя в думе фракцией. Передовыми их ораторами состояли *Калимулла Хасанов и Зейнал.*

Наиболее крупным и рекламным шагом этой группы было выпуск газеты под названием „Дума", первый номер которой был выпущен 21 апреля 1907 г. Всего вышло 6 номеров.

Большая часть этой газеты печаталась на татарском языке только два последних столбца выходили на азербейджанском.

Так как судьба этой газеты была связана с фракцией, то с роспуском второй государственной думы (3 июля) и ликвидацией „мусульман хезмят тайфасэ", так громко рекламированной, сразу прекратил свое существование и ее орган — „Дума". Он был закрыт Петербургским градоначальником.

В татарском движении и группа, и ее орган, можно сказать, не играли особенной роли и не оставили после себя сколько нибудь заметного следа.

Газета „Дума" послужила разве только на пользу одного „дела": после закрытия „Танга", *Фуад Туктаров* нашел такое пристанище, в которое он мог сдать свою грязную ругательную статью о *Садры Максудове.*

Когда это „трудовое течение" так быстро сошло на нет, то сам *Фуад Туктаров,* только что превозносивший мусульманскую трудовую группу, начал ругать ее.

В своей книге „Мусульманские депутаты в думе" он поместил о ней такие „хвалебные" отзывы:

— „Заседания партии протекали так бессмысленно и беспорядочно, что невозможно даже описать их. Обыкновенно на собрании присутствовало шесть членов и несколько нечленов. Личность, представлявшая из себя нечто вроде председателя, открывала собрание. Но что обсуждать на нем? Поставить разве в порядок дня тот вопрос, который обсуждается в данное время в думе? Но для того, чтобы раз'яснить уважаемым депутатам, присутствовавшим на этом собрании, сущность этого вопроса пришлось бы прочитать длинную лекцию...

По уходе с таких заседаний, поневоле задумаешься над вопросом, зачем пришли эти бедняги в думу... Программу свою они не могли распространять потому, что она была конфискована.

Но даже если бы она и не была конфискована, то все равно такая мертворожденная программа не нашла бы читателя...“ (61—62 стр.)

Такое отношение видного тангвоца *Туктарова* к группе, которая создана была при ближайшем его участии и под непосредственным его руководством поневоле заставляет согласиться с правильностью характеристики тангчелар буржуазной газетой „Вакт“, назвавшей их „беспринципными, беспутными, бессовестными“.

Думается, что эта характеристика имела некоторую долю правды.

Во второй главе нашей книги мы приводили уже по этому вопросу статью газеты „Урал“, который всегда серьезно, выдержанно и основательно обсуждал все поднимаемые жизнью общественной важности вопросы.

г) „Азад халук“.

Среди разбираемых нами в этой главе трех „течений“ самым кратковременным был *„Азад-халук“*.

Организатором этой газеты был известный среди татар драматург *Г. Камал* (*Гали-Аскер Камалетдинов*).

Газета *„Азад-халук“* начала выходить в мае 1906 года, в формате большого журнала в восемь страниц.

Хотя редактор ее не был официальным членом какой либо из существующих партий, но газета примыкала к левым течениям того времени.

Она с самого начала своего существования была противницей „мусульманского иттифака“ и на своих страницах критиковала и программу, и все действия, и с'езды этой партии.

В ней принимали некоторое участие и казанские социал-демократы-большевики (татары). В освещении некоторых вопросов определенно чувствуется точка зрения этой партии; есть такие статьи, которые написаны почти всецело в духе социал-демократии. Как на образец такого рода статей можно указать на большой фельетон, шедший в нескольких номерах подряд под заглавиемм: „Чему учат социал-демократы“.

Приведем несколько выдержек из этого фельетона:

— „ в 1848 году *Энгельс и Карл Маркс* в своем манифесте к рабочим бросили лозунг с призывом к об'единению: „пролетарии всех стран соединяйтесь“. И с этого времени мы видим, что рабочие начинают организовываться как отдельный класс в самостоятельные политические союзы. Вначале было организовано международное общество рабочих [1]), некоторое время спустя пролетарии капиталистических стран начали создавать свои партии в пределах своих стран или наций с тем, чтобы об'единить затем эти партии для общей борьбы против капитализма.

В настоящее время во всех капиталистических странах организованы уже социал-демократические партии.

Сама жизнь и развитие капитализма указывают нам методы борьбы за социализм, а также доказывают нам, что социалистический строй является неизбежным результатом, к которому общество придет по ходу вещей. Фактором этого являются не наши суб'ективные желания, а об'ективные условия человеческой жизни.

Капиталистический строй имеет в себе тенденцию и элементы будущего „социалистического общества“ (№ 12, 7 стр.).

В той же статье мы читаем:

— „Диктатура пролетариата, т. е. захват государственной власти рабочим классом.

Для того, чтобы, уничтожив капиталистический строй, создать вместо него строй социалистический, нужно, чтобы рабочая партия захватила в свои руки политическую

[1]) Речь идет о I-м Интернационале. Переводчик.

власть. Только таким путем рабочая партия в состоянии будет отнять у капиталистов средства и орудия производства и передать их в руки всего общества.

Когда политическая власть будет в руках рабочей партии, то она должна будет из всего производства сделать одно большое хозяйство. Пока же политическая власть в руках буржуазии и пока эта буржуазия сильнее рабочего класса, мысли об уничтожении эксплуатации являются несбыточными мечтаниями..." (№ 12, 7 стр.).

Дальше, о социальной революции говорится так:

— „Само развитие капиталистического общества неизбежно приведет к социалистической революции, ничто не может задержать этого...

Как при капитализме не может не быть рабочего движения, точно также это рабочее движение не может не привести к социалистическому перевороту...

К социальной революции приведет борьба рабочих с капиталом, несмотря на то, что рабочее движение еще неоднократно будет терпеть поражения. Но все же крупная сила, мы разумеем новую международную революцию, зреет..." (№ 13—3 стр.).

В газете *„Азад - халук"* не раз помещались статьи социал-демократов-большевиков, но несмотря на это газету нельзя назвать органом большевиков. Она не встала открыто на позицию какой нибудь определенной партии, не выявила своей физономии, не определила себя. *„Азад - халук"* была по существу своему газетой мелко-буржуазных революционеров, защищала социализм и была в корне противником буржуазии и ее партий.

Татарские большевики иногда пользовались страницами *„Азад-халука"* для того, чтобы проводить здесь свои идеи лишь потому, что газеты „Урал" тогда еще не было, а в „Танге„ и „Думе" таких статей не стали бы печатать.

На самом же деле *„Азад-халукчелар"* было одним из маленьких ответвлений общего течения мелко-буржуазного социализма.

ТАТАРСКИЕ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ.

Силы татарской контр-революции были довольно распылены. Часть этих сил действовала в условиях татарской действительности, часть вне ее среди других общероссийских контр-революционных организаций.

Так например татарская феодальная аристократия: дворяне, военные и мурзы-чиновники заслугами своими перед самодержавием и всей своей исторической судьбой были тесно связаны с режимом и входили в состав русского служилого сословия.

Руководителем же тех сил, которые создавали в недрах самой татарской жизни свое собственное реакционное направление—выступала часть духовенства. Главным средоточием этого реакционного воздействия было Уфимское духовное собрание, причем особенно сильное влияние имели *Казы Капкаев Гиниатулла и Муфтий Мухамед-Яр Султанов.*

Агенты их были разбросаны по всм уголкам России, где жили татары. Реакция не имела своей особой организации, не было у нее выработанных общих устава и программы, не было у нее и действующего центра, который руководил бы ею, поддерживал бы дисциплину.

Движение их шло, так сказать, стихийно, от одного события к другому.

Так проживающий постоянно в Петербурге ахунд *Баязидов* дает при каждом удобном случае под разными псевдонимами в правые русские газеты статьи, в которых чернит все освободительное движение среди татар.

Уфимский муфтий взял с мулл подписку в том, что они не будут состоять членами партий, которые стоят левее октябристов и пригрозил им, в случае ослушания снятием с них сана муллы. Смысл этого приказа заключался в том, чтобы отрезать татарскому духовенству путь в партию „иттифак".

Когда на третий день октябрьских событий в 1905 г. в Казани губернатором при помощи полиции была подготовлена контр-революционная черносотенная демонстрация с царскими портретами, иконами и хоругвями, то татарские реакционеры под предводительством видного татарского духовного деятеля *Галимджана Баруды* (в 1917 г. он был выбран муфтием) в составе 14 татарских мулл, *Сайдашева* и компании других монархистов присоединились к этой манифестации и совместно с русскими попами и черносотенцами обошли Казань.

В других местностях татарские черносотенцы проявляли себя так же. Некоторые черносотенные ахунды и муллы обращались к своей пастве со своих мунбаров [1]):

— „Мусульмане,—проповедывали они,—кругом идет смута. Участие в этой смуте есть деяние против ислама, остерегайтесь".

Таким образом выступая в защиту религии, они в действительности защищали русское самодержавие.

Это реакционное направление имело свой постоянный печатный орган.

Богатый мулла Вали Хусаинов (Оренбург), получивший религиозно-схоластическое образование в Кашкаре и Мекке, приступил к изданию еженедельного реакционного журнала под названием „Динь вя магишат" (жизнь и религия).

Первый номер журнала вышел 31 декабря 1906 года. Как видно, татарская контр-революция отстала в смысле создания своего органа только на один год от возникновения татарской прессы вообще.

Журнал, выходивший выпусками об'емом в 16 страниц, большого книжного формата, по содержанию своему являлся как бы синтезом двух элементов феодализма: с одной стороны он был выразителем татарской контр-революционной черносотенной мысли, отстаивающей русские самодержавные формы правления, а с другой—он играл роль идеологического центра, организующего остатки восточного схоластического средневековья.

Журнал был официальным органом всех кадымов. Здесь наряду с царем и старым режимом находили себе защиту старая схоластика, старые медресе и старые программы.

На страницах его велась упорная борьба против всех новшеств и реформ, против джадида, против театра и музыки,

[1]) Мунбар—амвон.

против европейской жизни, против основ и методов западных наук и культуры.

Язык журнала имел свои специфические особенности. Это не был тот новый татарский язык, который начал выростать со времени Насырова (60-е годы) на основе народного татарского говора и ко времени революции 1905 года стал обычным и обязательным языком всей прогрессивной татарской печати. Язык журнала носил несомненно религиозный колорит и хотя строй и формы его и походили во многом на татарский язык, он всетаки был перегружен арабским и персидским словарным материалом.

Этот журнал, сохраняя свою физиономию в неприкосновенности просуществовал времена и реакции, и империалистической войны, вплоть до октябрьской революции.

Если взглянуть на этот орган с точки зрения исторической перспективы и соотношения классов, то он несомненно, является предсмертной агонией идеологии феодализма, которая с развитием и победой татарской буржуазии теряет почву, а вместе с ней и свое значение в татарской жизни.

Возьмем для примера некоторые выдержки:

— „Всем известно, что в наше время такие безнравственные и пустые забавы как театры и литературные вечера получили распространение среди татар...

Некоторые татарские газеты, как напр. Астраханская „Идэль“ (№ 339) осмеливаются выставлять благими и богоугодными делами такие безусловно запрещенные нашей религией (харам) развлечения, как театр и музыку.

Пророк наш Мухамед еще тысяча триста лет тому назад предрекал, что такие деяния могут послужить причинами к ужасным бедствиям: провалу земли, падению с неба камней, превращению человека в животных или неодушевленные предметы“ (8 апр., 1911 г. 232 стр.).

В другом номере один из представителей старой схоластической школы: полемизируя с ученым богословом нового типа М. Бигеевым, говорит:

— „Я утверждаю, что М. Бигеев гонится за славой, доказательством чему может служить поднятый им вопрос об орфографии корана, относительно которой он хотел поднять спор с учеными богословами Казани.

Орфография корана наука тщательно и детально разработанная. Тем не менее Бигеев, опираясь на то, что он несколько лет занимался этим вопросом, возомнил о себе. Ему представилось, что он в этом вопросе одержит победу над мусульманскими учеными богословами Казани и покроет себя лаврами славы.

В результате он на самом деле достиг своей цели: хотя он и не в состоянии был победить казанских богословов, он всетаки плоды славы пожал: о нем стали говорить. Пошла дурная молва повсеместно о том, что некий Бигеев нашел, мол, ошибки в коране. (3 сент. 1910 г. № 36, стр. 569).

Как большевистская газета „Урал" и эсеровская „Танг" издавали в виде приложения политические брошюры, так и черносотенный журнал „Динь вя магишат" выпустил тоже довольно много приложений.

Приведем названия некоторых из них:

1) *„Опровержение философии молитвы"*, написана против книги религиозного реформатора Зиаэтдина Эль-Камали муллой Садык Усмановым из Оренбургской Каргали (здесь ведется полемика между старым и новым толкованием ислама).

2) *„Против революционеров или экономика"* сочинение Ф. Сеймани.

3) *„Опровержение истории религии"* коллективное сочинение, направленное против упомянутого выше религиозного реформатора Бигеева.

4) *„Наилучшее разоблачение хитростей диаволов"* (читай джадидов!).

5) *„Предостережение непонимающим"*.

6) *„Раз'яснение лжи"*, [1]) и т. д.

Если бы просмотреть содержание этих книг, то мы нашли бы очень много забавного и напоминающего средневековые споры христианских схоластиков, долго полемизировавших о том, сколько чертей или ангелов могут поместиться на кончике швейной иглы.

---

[1]) Все эти названия написаны на арабском языке, что еще более придает им специфический характер исламской схоластики. От переводчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Какие же реальные результаты получились в частности для татарского мира от этой разнообразной борьбы во время первой революции и затем после ее поражения?

Результаты были культурные и политические.

Начнем с первых.

1. Периодическая печать. В 70-х годах XIX века *Кайюм Насыри* задумал издавать газету под названием „Тан-Юлдузы", но он не мог добиться осуществления своей цели и должен был ограничиться изданием своего известного среди татар календаря.

В начале XX столетия *Рашид Ибрагимов, З. Рамеев* и другие либеральные буржуазные националисты и панисламисты просили разрешения на издание газет, но их не получили.

Таким образом до первой революции у татар не было своей периодической печати, татарский народ не имел ни одной газеты на родном языке. Верхушки общества пользовались теми газетами, которые выходили в Крыму („Тарджиман" Гаспринского), в Египте, Стамбуле и читали русскую прессу.

Первая революция заполнила этот зияющий пробел в татарской жизни: появились на татарском языке газеты и журналы.

Правда, первая татарская газета „Нур", первый номер которой вышел 2 сентября 1905 г., велась муллой-монархистом, другие были либерально-буржуазного направления. Но и в то же самое время появилась на свет первая революционно-марксистская газета „Урал".

Как бы то ни было, первая революция порвала одну из цепей самодержавия: дала татарам в руки одно из самых нужных культурных орудий—прессу [1]).

---

[1]) Так как скоро выйдет сборник, посвященный двадцатилетию татарской периодической печати, то мы здесь не считаем нужным подробно останавливаться на татарских газетах и журналах того времени.

Плотина, задерживавшая развитие периодической печати прорвалась.

С другой стороны стремление к чтению в татарской массе значительно усилилось. В татарской среде появилась в изобилии социально-политическая литература.

Продукция научных и литературных изданий и учебников в качественном и количественном отношении сильно поднялась.

2. Разработка татарского литературного языка. *Кайюм Насыри* с 60-х годов XIX столетия работал над татарским литературным языком в направлении его упрощения и сближения с разговорным языком массы.

Как было отмечено в первой главе этой книги до средины прошлого века литературный язык татар, называемый „турки тэль" развивался под сильным влиянием средней Азии, в частности джагатайского языка. В этом „турки тэль" преобладали совершенно непонятные для народа арабские и персидские слова. Стиль и структура его были османо-джагатайские.

Насыри впервые повел борьбу на практике и в теории против этого старого жаргона и начал систематически работать над созданием чисто татарского языка на основе живого говора народа.

Вместе с *Насыри*, в этой области стали работать и другие. Таким образом началось в этом направлении движение. Но оно вследствие сопротивления старых реакционных сил развивалось очень медленно.

Старый реформатор *Насыри* в этом признается сам. В 1896 году в своей книге „Словарь татарского языка"—он пишет:

> — „... С тех пор и до настоящего времени татарский язык не разрабатывался, не в состоянии был развиваться и очень отстал. Надеясь сделать в области развития языка что нибудь, я трудился лет тридцать пять над этим вопросом, но крупного результата не достиг: сколько бы дней и ночей я ни трудился, столько же подвергался страданиям. Когда я называл свою нацию—татарами, меня за это не любили, когда стал называть наш язык татарским—меня за это возненавидели". (стр. 3).

В то время, когда *Насыри* и его соратники боролись против старого джегатайского жаргона и трудились над выработкой нового литературно-народного татарского языка, про-

тив них об'явился новый фронт: в Крыму стала выходить газета „Тарджиман", под редакцией мурзы *Гаспринского*, которая призывала к созданию для всех тюркских народов земного шара единого, общего литературного тюркского языка.

Часть татарских писателей, поддавшись влиянию отчасти пантюркизма, отчасти панисламизма, настроилась против татаризации языка.

Некоторые писатели, подпав под влияние константинопольской литературы стали подражать образцам османо-турецкой литературы и таким образом тоже отклонились от линии предначертанной *Насыровым*.

Первый реалистический и прогрессивный роман из татарской жизни „Хисаметдин Мулла", напечатанный в 1886 г., находился всецело под воздействием крымского „Тарджимана". Беллетристы *Загир Бигеев* и другие, работавшие в 90-х годах XIX века, также не успели еще освободиться от этого влияния.

Г. Камал, *Г. Исхаков*, *М. Гафури* в литературных своих начинаниях, относящихся уже к XX столетию, также не совсем были свободны от этого течения.

Поэт *Тукаев*, начавший писать во времена первой революции, прошел в своем развитии такую стадию, когда он все свои стихи писал не в насыровском направлении, а целиком примыкал к традициям османо-турецкой литературы.

В этой долгой борьбе, революция 1905 года сыграла решающую роль: она помогла победе сторонников татарского литературного языка, т. е. направлению *Насырова*: влияние „Тарджимана" и османо-турецкого языка быстро пошли на убыль. Новый, упрощенный литературный татарский язык одержал верх.

Причина этой победы ясна: революция пробудила народ и массы с жадностью набросились на печатное слово.

Если литературные работники продолжали бы писать на языке газеты „Тарджиман" или на османском языке, то такая литература не нашла бы себе ни понимающего ее читателя, ни сбыта.

В развитии этого движения сама народная масса из своей среды выдвинула многих работников пера, которые конечно предпочитали пользоваться для своего творчества языком вполне понятным народу. В результате этого сдвига мы видим, что за исключением нескольких газет пестрого панислами-

стского направления, в роде „Ульфат", вся остальная периодическая печать начинает выходить на подлинном татарском языке.

Таким образом эта длительная борьба разрешилась в сторону раскрепощения и победы татарского языка.

В начале движение это отличалось стихийным характером. Но несколько лет спустя оформились и научные принципы его. Татарский язык последовательно и определенно стал облекаться в литературные формы.

В ускорении окончательного закрепления победы в этой борьбе первая революция сыграла огромную роль.

3. **Вопросы реформы учебы, мектеб и медресе.** Скончавшийся в 1864 году *Хусаин Файзханов* в своих трудах показал, что татарские схоластические школы никуда не годятся и составил проект реформы их на основах построения новых школ России и Турции.

Марджани, Насыри, либеральные буржуа Хусаинов, Явушев и другие вложили много энергии в дело реформы школы.

Под названием джадидовского движения шла в Татарии длительная борьба за обучение по новому методу

Основой этой борьбы и коренной ее причиной было конечно, то обстоятельство, что татарские передовые слои того времени начали поворачиваться от Востока к Западу как в экономическом, так и в культурно-идеологическом отношениях.

При вступлении в XX век эта борьба сильно разгорелась и дело стало клониться к победе нового течения.

Первая революция разбудила молодежь, шакирдов, вовлекла их в эту борьбу и научила их бороться с старозаветным засильем не только чрез легальную и нелегальную печать и кружки, но и путем совершенно новых методов, как напр., совместный, массовый и демонстративный уход из медресе.

В результате старое потерпело поражение. Оно отступило на задний план, на отдаленные свои позиции. У всего татарского общества старый завет потерял свое значение. Но молодежь не удовлетворилась этим. Татарские шакирды ясно усвоили себе, что и эти восхваляемые джадидовские медресе, работающие по новым методам, не могут дать ничего иного кроме нового типа мулл и муэдзинов.

В вопросах учебы в это время значительно усилилось стремление к постижению европейских наук.

По существу говоря джадидизм и реформистское движение были для татарской молодежи только мостом, только переходной ступенью к новому, болеее решительному движению. Первая революция помогла татарам скорее перебраться через этот мост и усилила процесс, начавшийся еще до 1905 года.

4. **Культурные организации**. Под это громкое название подводятся у нас маленькие сравнительно понятия.

До первой революции у нас очень трудно было создавать общества и организации. 1905 год и в этом отношении в корне изменил положение вещей.

Как только татарский народ получил некоторую свободу инициативы, так тотчас же выросла целая сеть различных организаций и обществ: появились издательские товарищества, благотворительные общества, общества помощи учащимся и просвещению, клубы и редкие кооперативы.

Классовый смысл этих культурных начинаний обнаружился в стремлении мелкой буржуазии к культуре в целях использования ее для перехода на новые более выгодные формы существования: на положение средней и крупной буржуазии.

5. **Татарский театр**. В 1887 году *Абдрахман Ильясов* напечатал первую татарскую драму.

В начале XX-го столетия стали появляться на свет драматические произведения *Г. Камала* и других драматургов.

В то время татарского театра еще не было, но в отдельных интеллигентных семьях исключительно для своих близких знакомых устраивались татарские домашние спектакли.

Старозаветный строй мысли татар, фанатизм влиятельного духовенства и преграды, которые ставило самодержавие развитию татарского народа вообще, тормозили и развитие театра.

1905-й год и здесь расчистил пути: родился татарский театр.

В таких культурных центрах как Казань, Оренбург, Астрахань, Уфа начинается заметное движение в пользу развития театрального дела.

5 декабря 1905 года в Оренбурге задумали поставить первый спектакль и распространили соответствующие об'явления—афиши. Но не изжитая еще окончательно темнота стала преградой на пути этого начинания. Муллы и губернатор приостановили устройство этого первого спектакля.

Журнал „Эль Гасруль Джадид“ (Новый Век № 5 от 20 мая 1906 г. 264 стр.) сообщает следующие интересные сведения о первых шагах роста театра среди татар:

В Казани первый национальный татарский спектакль состоялся 5-мая 1906 года в клубе приказчиков. Поставлены были „Кэзганыч бала“ (несчастное дитя), и „Гишэк бэлэсэ“ (несчастье от любви). В Уфе первый татарский спектакль прошел раньше, а именно 16 апреля 1906 года.

Итак, элементы, из которых вырос татарский театр, подготовлялись давно, но впервые как оформленное целое в законченном виде он предстает перед нами во время первой революции.

Вот почему мы в связи с юбилеем революции 1905 года, празднуем в 1926 г. и 20-ю годовщину возникновения татарского театра[1]).

6. **Национальный момент.** В деле оформления татарского народа как единой нации первая революция сыграла несомненно весьма крупную роль.

Выше мы приводили слова *Насырова:* „когда я называл свою нацию татарами, меня за это не любили“. В этих словах кроется глубокий исторический смысл.

Во время *Кайюма Насыри* татарский народ не чувствовал себя еще единой самостоятельной нацией. Не было так сказать официального признания его как национального коллектива. Вопрос о татарской нации был очень запутан.

По старому учебнику „Иман шартэ“ [2]) детей учили, что татары происходят из „нации Авраама“ (ветхозаветного библейского пророка).

Ученые старого типа, муллы, а вслед за ними и сам народ называли себя, исходя из религиозной терминологии „мусульманами“, а не „татарами“, как следовало бы, если исходить из принципов языка и крови.

В одном из исторических сочинений Марджани, работавшего во второй половине XIX столетия, мы встречаем буквально следующее выражение: „кто же ты, как не татарин? Или ты чувашин, или мариец“. Этим он очевидно хочет показать всю бессмысленность отречения от названия „татарин“. Это было признаком пробуждения в народе национального сознания.

[1]) По случаю 20-летия татарского театра выйдет отдельный сборник.
[2]) Основы веры.

В первую революцию татарский народ вступал, не сознавая себя как единую, цельную нацию.

Для нового типа идеологов феодализма как Рашид-казы Ибрагимов, Риза-казы Фахрутдинов и М. Бигеев понятие о нации все еще продолжало об'единять в себе мусульман всего мира.

Последователи Гаспринского в понятие нации включали все тюркские племена.

Представители обоих этих течений хотели использовать буржуазную партию „Иттифак" орудием для своих панисламистских и пантюркистских целей. Но татарская буржуазия в то время еще не выяснила своей позиции в этом вопросе.

Если социальное движение 1905—7 годов и не привело еще к окончательному созданию понятия о татарах как едином цельном национальном коллективе, то во всяком случае направило разрешение этого вопроса в определенное русло.

Движение от панисламизма и пантюркизма к татаризму получило сильную поддержку в массах. Но руководители буржуазии в то время не совсем поняли смысл и значение этого движения, что с особенной ясностью сказалось на национальной их программе.

Мятежная душа — Рашид-казы Ибрагимов в это время издал книгу под названием *„Автономия"* или *„Идараи-Мухтария"* (национальная автономия), в которой он доказывает, что автономия является одним из методов к разрешению национального вопроса.

По его мнению, есть возможность организовать территориальные автономии российских мусульман в таких областях как Казакстан, Дагестан, Азербейджан, Туркестан. Но как быть с мусульманами-тюрками, распыленными среди других народностей России и Сибири? Рашид-Казы окончательно запутывается в этом вопросе. Но если высказанные им обрывки мысли собрать в одно целое, то получатся все составные части фантазии, созданной Садры Максудовым в 1917—18 годах о религиозно-национальном управлении, о культурно-национальной автономии: избирательное право, регулируемое численной пропорциональностью наций, организация для заведывания всеми школьными делами отдельного управления из мусульман, религиозная автономия, отдельный сбор взысканий в счет казны с мусульман, причем часть должна сдаваться государству, а дру-

гая расходоваться на культурные нужды татарского народа, и т. п. мысли, напоминающие пресловутую австрийскую школу в области национального вопроса, т. н. экстерриториальную автономию. В своей книге он говорит:

„Если российское правительство в данное время и не согласится на автономное устройство входящих в его состав народов, через десять-двадцать лет оно все равно и безусловно будет вынуждено провести это“ (стр. 20).

Тут же он говорит о необходимости изучения этого вопроса и организации комиссии для этой цели при партии „Иттифак“.

Если бы мы перелистали газету „Ульфат“, то увидели бы, что Рашид-казы находился в близкой связи с партией автономистов. Он приглашал лидеров этой партии и представителей из мусульман на об'единенные собрания и старался сблизить их. Но татарская буржуазия мало обращала на него внимания. В программе „Иттифака“ по этому вопросу имеются только общие места.

Когда Рашид-казы поднял этот вопрос, то некоторые руководители „Иттифака“ отвечали ему: так Юсуф Акчурин по этому поводу провел сравнение партии кадетов с партией автономистов и пришел к выводу, что присоединение к точке зрения кадетов во многих отношениях будет лучше.

Фатых Каримов в газете „Вакт“ по вопросу об автономии, высказал следующие мысли:

„Нужно ли просить об автономии или нет? Такого вопроса и быть не может. Если же нас насильно заставят принимать автономию—что тогда делать? Брать ее или не брать?

По моему нужно отказаться от нее, потому, что у нас нет на лицо ни одного из условий, необходимых для осуществления и использования автономии“...

Вот как разрешился вопрос, поднятый Рашидом-ульфатистом.

Руководители татарской буржуазии в период первой революции не имели ясной, резко выраженной установки в области национального вопроса. И форма автономии всеми ими был признан не приемлемым.

Если посмотреть теперь на все это дело с точки зрения исторической перспективы, то культурно-социальный смысл этого явления сводится к следующему: в то время татары

еще не успели оформиться в единый национальный коллектив, но зачатки этого процесса уже начались.

Революционное движение 1905 года ускорило исторический рост татарского народа и наметило пути национального его оформления и те основные элементы, которые должны были войти в него.

Организующей силой этого процесса безусловно должна была стать казанская татарская буржуазия.

Хотя буржуазия таких крупных центров как Оренбург, Астрахань, Уфа, с экономической стороны чувствовала себя большой силой, но из за отсутствия исторических традиций и малого количества татарского населения в тех областях она подчинилась Казани, которая и стала играть роль собирательного центра.

Племенные элементы, которые должны были об'единиться в одно целое, следующие: казанские татары, касимовские татары, мишари, алатыри, тибтари, тюмени, башкиры и ногайцы [1]). Вот эти то восемь племен под предводительством татарской буржуазии сорганизовались в отдельную татарскую нацию.

Первая революция уничтожила остатки феодализма, подняла татарскую буржуазию и таким образом очень помогла ускорению вышеописанного процесса.

Все завоевания революции 1905 г. в области культуры достались главным образом в руки татарской буржуазии. Мало того, ею эти достижения были в дальнейшем использованы против пролетариата, для борьбы с ним, для одурачивания его и привлечения на свою сторону. Так, газеты — были в большинстве—буржуазные, даже клерикально-черносотенные, театр воспитывал мещанские вкусы и пропагандировал буржуазные идеи; общества содействия учащимся и просвещению—оказывали помощь и воспитывали будущих служителей, агентов кормившей их буржуазии; клубы группировали в себе ограниченный круг и т. д. и т. п.

И тем не менее, все же кое-что перепало и на долю пролетариата. Мы уже указывали на „Урал“, социал-демократическую газету; и в прочих видах культурных учреждений до-

---

[1]) Башкиры и ногайцы, у которых благодаря Октябрьской революции пробудились сознание и сила, выделились и организовались, как отдельные нации, но на первых ступенях развития процесса они были вместе с татарами.

сталась малая толика пролетариату — так же точно, как и в политической области кое-что пролетариат получил от пресловутых демократических „*свобод*“. Все это не следует забывать, говоря о культурных завоеваниях татарского пролетариата в революцию 1905 года.

В эпоху реакции, наступившую после революции 1905 г., этот процесс получив свое завершение, привел к определенным практическим и теоретическим выводам.

Политические результаты. Но одновременно первая же революция воочию показала, что части татар, об'единившиеся в отдельный национальный коллектив, далеко неоднородны. 1905 год впервые втянул татарский народ в серьезную политическую борьбу заставил его поразмыслить о существующем государственном устройстве.

В деревнях восстания крестьян против помещиков, в городах беспрерывные забастовки, демонстрации, собрания, борьба перед выборами в государственную думу—все это вместе взятое было для татар хорошей школой политической борьбы. И если первыми буквами азбуки, преподаваемой в этой школе, была борьба против самодержавия, то следующие буквы учили о классовом расслоении среди самих борющихся против царя и о борьбе между этими классами.

Татарская масса, рабочие и крестьяне, на ряде фактов, взятых из своего мира, из своей татарской жизни и среды получила серию показательных предметных уроков и отчетливо усвоила их.

Первая революция перед всеми раскрыла и выявила классовые расслоения среди татар. Масса, участвуя непосредственно во всем ходе движения, постигла все это и на практике, на конкретном материале научилась отличать врагов и друзей.

С одной стороны выступила со своими религиозными и националистическими призывами татарская буржуазия: она призывала к кадетизму под прикрытием „Иттифака“, проповедуя возможность и необходимость об'единения всех в Исламе изо всех сил стараясь доказать, что все это идет только на пользу народу и нации.

С другой стороны, против нее поднялись татарские рабочие и через свою газету „Урал“ сказали татарским рабочим и крестьянам неслыханные ими дотоле, вполне отчетливые и определенные слова:

— „Социалистическая партия для создания сильной, могучей армии во имя борьбы за социализм призывает всех рабочих, угнетаемых пятою капитализма без различия религии и нации под свое знамя“ („Урал“ № 21, стр 2).

Вот это знамя, революционное знамя борьбы за социализм было водружено впервые в татарском мире только благодаря революции 1905 года.

Призыв всех трудящихся масс, угнетаемых капитализмом, к борьбе за социализм под знаменем социал-демократов-большевиков, об'явленный на понятном для масс языке, через легально широко распространяемую газету—факт огромного значения для дальнейшего развития революционной борьбы. Он стал мыслимым, возможным только благодаря первой революции.

После таких ярких и крупных эпизодов классовой борьбы, когда волны революции немножко схлынули, обнаружился еще один очень интересный в классовом отношении момент.

Во время под'ема революции мелко - буржуазные „социалисты“ создавали вокруг себя неимоверный шум: они выставляли себя перед народной массой социалистами чистейшей воды и, ударяя себя в грудь, занимались самовосхвалением. Но как только самодержавие опять понабралось силы, эти мелко-буржуазные группочки, одна за другой, стали изменять делу революции.

„Думачелар“ вернулись в свои приходы, магазины, хозяйства и нашли себе там уют и успокоение; приказчики возвратились тоже к своей привычной деятельности и мечтали об открытии своей собственной, на первое время хотя бы и очень маленькой... лавчонки. Некоторые в действительности открыли их. Считавшийся в авангарде движения приказчик Шах-Ахмет Валеев („Шах“) сделался провокатором и выдал партийные организации охранке. Только очень немногие из числа этих социалистов сохранили в глубине души своей маленькую еле тлеющую искру революционного жара.

Шакирдовская масса, так недавно еще с шумом и азартом распевавшая марсельезу, была вынуждена стать нового типа муллами и мугаллимами (учителями).

Мелко-буржуазная группа „тангчелар“, татарские эс-эры, превозносившая сама себя до небес, похвалявшаяся революционностью, героизмом, самопожертвованием и многими другими

славными качествами, кончила еще плачевнее, показав народным массам ряд очень интересных наглядных уроков.

Один из вожаков этой группы, редактор их газеты, Сагид Рамеев, а также Исхак Бикчурин, просидев некоторое время в тюрьме, сделались провокаторами. Тухфат Мамлеев тоже пошел по пути предначертанному редактором „Танга". Муса Янбулатов принял крещение и также пошел к провокаторам.

Гайяз Исхаков, один из главных атаманов группы, просидел несколько месяцев в тюрьме, провел несколько лет в ссылке в Архангельской губернии, затем открыто изменил социализму и поступил в ряды тех иттифакистов - религиозников и националистов как Рашид-казы, Фатых Каримов, Садры Максудов, которых он только что поносил всячески. Он перешел на сторону татарской буржуазии, сделавшись ренегатом и изменником революционного дела.

Туктаров и Мухамедьяров пошли по его стопам.

Раскрытие истинной физиономии мелко-буржуазных социалистов произошло полное и послужило хорошим политическим уроком для пролетариата и трудовой массы вообще.

В периоды реакции, империалистической войны, затем февральской и октябрьской революции 1917 года истинная сущность этих группировок обнаружилась перед массой еще наглядней, еще цельней: тот слой, который в эпоху первой революции организовал партию „иттифак", в период реакции и империалистической войны в государственной думе продолжали свою старую политику. Во время февральской революции эти люди не прекратили своей деятельности и под флагом „милли шуро" (национальный совет), „харби шуро" (военный совет), „милли идарэ" (национальное управление), „милли-мадани мухтариат" (культурно-национальная автономия) старались закрепить свои классовые иттифакские основы.

Мелко-буржуазные группировки эс-эры „тангчелар" открыто присоединились к буржуазии. В настоящее время эти эс-эры вместе с буржуазией находятся за границей в эмиграции и вместе с ней замышляют различные козни против Советской власти.

Если мы обратим наш взгляд в другую сторону, то увидим, что татарские социал-демократы большевики, рабочие, боровшиеся самоотверженно и последовательно в первую революцию, твердой поступью прошли тяжелый путь реакции, импе-

риалистической войны, стойко перенося кары, тюрьмы и ссылки и теперь после октября открыто работают в рядах ВКП(б) над строительством новой жизни, борясь с тяжелым наследием прошлого.

(Подробности этой большой темы будут сообщены в следующих частях нашего труда).

Вот каковы были итоги урока первой революции для татар, вот каковы были те опыты, которые татарская масса получила в результате революционной борьбы 1905 года.

Казань, декабрь 1925 г.

К вопросу о крестьянском движении в первую революцию.

В настоящем труде мы встречаемся с некоторыми материалами, относящимися к отдельным крестьянам. Но крестьянское татарское движение как таковое в этой книге не освещено. Причина тому следующее обстоятельство: до настоящего времени данный вопрос пока еще совершенно не разработан, материалы о нем разбросаны. Собирание их затянулось на больший срок, чем мы предполагали.

Так как настоящая книга приурочивалась к 20-ти летию 1905 года, то мы, чтобы не задерживать выхода ее в свет, решили пока крестьянское движение выделить и, если удастся, ввести рассмотрение его дополнительно во второе издание книги, или же посвятить истории крестьянского движения в 1905 г. отдельную самостоятельную книгу.

Материалы, относящиеся к крестьянскому движению в Буинском уезде, Шаймурзинской волости, в деревне Малые Цельны, которое протекало в 1905 г. под руководством крестьянина этой деревни по поручению Агитпропа и Академического Центра ТНКП уже собраны тов. Карим Амири. Эти материалы в скором времени будут изданы.

Кроме того еще находятся много материалов в архивах и старой печати. Если собрать все это и систематизировать, то получится интересная сводка о движении татарских крестьян в эпоху первой революции.

Мы надеемся, что работа будет сделана в ближайшее время.

Г. И.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Прокламации Казанского Комитета Р. С. Д. Р. П. распространявшиеся среди татарских рабочих и крестьян в переводе на татарский язык[1]).

№ 1.

Российская С.-Демократич. Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи-татары!

Царское правительство, то правительство, которое довело всех своих подданных без различия национальностей до полного разорения и обнищания,—то правительство, которое всех одинаково обезличивало и угнетало,—это правительство, товарищи, чувствуя, что не сегодня завтра, оно должно пасть под

---

[1]) В настоящей книге мы печатаем переводы некоторых прокламаций, из числа имеющихся в архиве и которые удалось собрать лично автору. Это вовсе не означает, что приводимыми здесь прокламациями исчерпывалась издательская работа Казан. Комитета среди татар. Думаем, что в процессе дальнейшей работы могут быть выявлены еще дополнительные материалы.

Настоящие прокламации не представляют собою оригинальных произведений; обычно они переводились с прокламаций Казанского Комитета, издававшихся на русском языке. Переводы делались иногда лично, иногда под непосредственным руководством Хусаина Ямашева, а также следующими социал-демократами: Галимджаном Сейфутдиновым, Садыковым-Муратовым и Гафуром Кул-Ахметовым (социал-демократ писатель, учитель), но отнюдь не Гайязом Исхаковым, как было указано в № 3 журнала «Пути Революции» (стр. 115) со слов тов. Галеева.

Из последующих работ автора настоящего труда выяснилось, что переводы делались не им, а указанными выше товарищами.

На каждой прокламации стояла надпись Казанского Комитета Р.С.Д.Р.П. и круглая его печать—иногда на русском, иногда на татарском языке.

Прокламации №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 приводятся в переводе с татарского, печатались они гектографским способом.

дружными ударами доведенных им до отчаяния людей, — это правительство решило разделить нападающих на него, оно решило посеять вражду между подвластными ему национальностями. С этой целью оно печатает ряд телеграмм в газетах о вражде армян и мусульман в Баку, о вражде, дошедшей, будто бы, до открытых сражений на улицах. Но не верьте, товарищи, там нет всеобщей вражды между армянами и татарами, там были случаи единичных убийств. Убийства эти были произведены нанятыми жандармами провокаторами с целью отвлечь внимание народа от борьбы с правительством.

Убийства эти не сумели отвлечь лучших людей от борьбы за свободу и счастье родины.., и не сегодня—завтра Баку будет свободным от произвола царских слуг; *„самодержавный* царь уже не будет полновластным господином над Баку".

Товарищи татары, и среди вас царские приспешники, жандарм Кулаков и другие, через своих провокаторов распространяют листки, в которых татары приглашаются к избиению русских.

Листки эти распространяются за нашей подписью. Не верьте им, товарищи! Всегда помните, что мы призываем вас на борьбу только с вашими угнетателями—русским правительством но всегда же говорим вам, что вы победите своих врагов только в союзе со всем русским народом.

Всегда говорим, что рабочие как русские, так и татары должны все слиться в одну дружную семью, потому что они терпят одну и ту же участь. Их одинаково эксплоатируют их хозяева, одинаково по их спинам гуляют царские нагайки. Победа только тогда достанется рабочим, когда рабочие всех национальностей — татары, русские, евреи, армяне... протянут друг другу руки, как братья, только тогда, говорим мы, рабочие добьются счастливой жизни. Не доверяйте же, товарищи, подуськиваниям жандармов, они поселили вражду между нами, хотят обезсилить вас, чтобы по прежнему угнетать и царствовать над вами.

Помните же всегда товарищи-татары, ваш враг—не русский народ, ваш враг—самодержавное правительство.

Помните всегда, что только тогда вы добьетесь лучшей счастливой жизни, когда *падет это ненавистное вам и русскому народу царское самодержавие*!

Долой самодержавие!

Казанский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

№ 2.

Российская С.-Демократ. Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ РАБОЧИМ.

(По поводу манифеста 18 го февраля 1905 года).

Радуйтесь, товарищи рабочие! Царь опять об'ясняется в любви. Послушайте сами: „Непрестанно помышляя о благе народном", говорит царь, „мы призываем благомыслящих людей всех сословий соединиться в дружном содействии для одоления упорного врага... и искоренения в земле крамолы и разумном противодействии смуте внутренней"·—Шпионы всей России об'единяйтесь и идите к царю-батюшке на помощь, он сам уже ничего не может сделать. „Крамольники"—говорится в манифесте, посягают на основные устои государства Российского". Да товарищи, царь прав. Мы действительно посягаем, но на что?—на кровопийство царского правительства, мы боремся против народных убийц, мы хотим сбросить ярмо с русского рабочего человека, искоренить повальное невежество и темноту, прекратить жестокую никому ненужную войну, добиться свободы и лучшей доли и, наконец, свою судьбу взять в собственные руки и это посягательство и на освященные церковью устои государства Российского.

Вот они устои-то! Как видите, товарищи, грабеж, насилие, невежество, темнота и рабство народное—устои, освященные православной церковью, т. е. продажными попами, которые обещают голодному, забитому рабочему человеку спасение за ослиное терпение. Кто стоит за свободу, кто кладет живот свой за друга своего, тот — говорит царь—крамольник и внутренний враг — и идет против устоев; кто же торгует своей совестью распивочно и на вынос, кто грабит и издевается над народом, кто продает родину оптом и в розницу, как например, холопы царские, тот близок и дорог царю и всех этих от'явленных негодяев он призывает на защиту „престола царского".

„Крамольники"—говорит далее манифест — „хотят разорвать связь с прошлым, разрушить государственный строй и вместо него учредить новое на началах России несвойственных". Царь опять прав. Мы хотим разорвать с прошлым, т. е.

нашим рабством, мы хотим разорвать цепи, которые сковывают по рукам и ногам рабочего человека; мы хотим покончить со всеми остатками крепостного права, а для этого необходимо разрушить весь самодержавный строй — заменить нынешние порядки лучшими, что бы рабочему человеку легче стало жить на свете.

Раз весь строй, все русские порядки держатся солдатским штыком, казацкой нагайкой, раз насилие, массовые убийства и грабежи народных денег разрешаются и утверждаются царем — то необходимо все срыть до основания. Вот почему мы и кричим—долой самодержавие!

Царь уверяет, что крамольники хотят перестроить все на началах России несвойственных. Но что, собственно, свойственно России? Свобода? Да она действительно была нам несвойственна, потому что царское правительство зверски подавляло и подавляет малейшую попытку вырваться из самодержавной петли. Свобода—по словам царя,—народу несвойственна, а вот холопство, шпионство, подлое лицемерие это—сколько угодно. Нет, что народу здорово, то нашему правительству смерть.

Такие же речи, такие же песни пели и говорили немецкие самодержцы. Когда народ там начал просыпаться, коронованные пиявки и их приспешники уверяли, что немецкий народ—дитя малое, несмышленое и ему не за чем смотреть на другие страны, так как немецкому народу несвойственна свобода, что внутренние враги и крамольники обманывают народ.

Так говорили немецкие самодержцы, так говорит и наш султан. Как известно, немцы уже давно окарнали своих, богом поставленных идолов, разорвали самодержавные цепи, несмотря на то, что цари их распищались в любви к народу нашему и уверяли, что без свободы лучше.

Николай-Послелыш заявляет в манифесте по поводу смуты и крамолы, что принимает все сии ниспосланные испытания со смирением. Так ли, это? Не врет ли часом царь батюшка? Не со скрежетом ли зубным встречает он всякий взрыв рабочего недовольства? Не дрожит ли он от злобы и страха? Не он ли в бессильной ярости шлет народу—манифесты, опричникам министрам — рескрипты, желая подольше удержаться на троне?

Хорошее смирение нечего сказать! А пушки, нагайки, ружья! Это тоже смирение? Как крот забился он в Царское село

и боится выглянуть на свет Божий. Десятки тысяч штыков день и ночь караулят царя, чтобы, любезный сердцу нашему, народ не видел и не слышал, как царь батюшка занимается любовью к нему.

В конце манифеста царь призывает всех истинно-русских людей (шпионов и жандармов) на защиту самодержавия и желает правителям суд и правду, законам—силу—веру—преуспение, а народу мир и тишину.

Нет, Николай—Последний, до тех пор в России не будет суда и правды, мира и тишины пока останутся опричники, пока мы, рабочие, не окарнаем всю царскую челядь и самого державца и не возьмем своей судьбы в свои собственные руки. До тех пор смута и крамола будут разростаться, пока рабочие не вырвут с корнем самодержавия.

За работу товарищи! Свобода близка! Царское правительство летит в пропасть и хочет манифестами, рескриптами и прочим бумажным хламом задержать свое падение. Долой лживые царские манифесты!

Смелее товарищи! Верен наш путь!
Мы бьемся за лучшую долю.
Вперед! Под огонь и штыки нашу грудь!
За равенство, братство и волю!

Казанский Комитет Р. С. Д. Р. П.

Типография Казанского Комитета. Печать, Каз. Ком-та. 8 марта 1905 года.

№ 3.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К ОБЩЕСТВУ [1]).

Сдался Порт-Артур... Окончена ужасная трагедия. 8 месяцев боролись безвестные, безыменные герои, отстаивая своей грудью, своими крепкими рабочими руками, воздвигнутую волей самодержавного русского правительства, на деньги русского народа, руками русского рабочего военную твердыню Весь мир знает про Стесселя, про Смирнова, но кто знает имена десятков тысяч погибших солдат? Самодержавие их оторвало

[1]) Татарский оригинал этой прокламации был прислан из г. Оренбурга.

от их семей и бросило за тысячи верст в чужой край, еще год тому назад, никому неизвестный, никому из них ненужный, бросило на муки и смерть. За что... Для чего... Для того, чтобы купленными их кровью победами отвлечь внимание народа от тех гнусностей, которые оно совершило над этим народом. Для того, чтобы купленными кровью русского народа землями и рынками утолить жадность капиталистов, которым еще мало эксплоатации стомилионного, беззащитного пока, русского народа. Для того, чтобы купленными кровью русского народа победами поддержать в Европе свой падающий престиж и сохранить свою роль всеевропейского жандарма, врага и палача свободы всех наций, и для этого гибнут десятки тысяч людей, для этого сиротеют тысячи семей, для этого разоряется вся страна. Теперь самодержавное правительство, проливая крокодиловы слезы об'явит „верноподданным“ о падении Порт-Артура и пригласит всех разделить его горе. Нет, русские граждане, не горевать надо, а отнестись сознательно к происходящему. Падение Порт-Артура—это падение одного из устоев самодержавия. Оно знаменует проигрыш всей войны. Это признано всеми авторитетами, но не Россия побеждена, — побеждена неспособная, бессовестная бюрократия. *Побеждено вырождающееся самодержавие.* Что, если бы все геройство, все великие силы народные обратились против самодержавия? Если бы вся эта мощь, вместо отстаивания царского Порт - Артура обратилась на разрушение царского трона? Пылью, гнилой пылью разлетелся бы он. Обманутый, угнетенный народ! Открой глаза, грозно взгляни на своего настоящего врага, подними на него могучую руку. Пусть по всей России раздастся мощный клич:

Долой самодержавие!

Казанский Комитет Р.С.-Д.Р.П.
Печать Каз. Ком—та.

№ 4.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мир заключен. Вот о чем официально извещает нас царское правительство. Война, эта страшная, долгая бойня, наконец, прекращена. Сотни тысяч убитых, раненых больных и увечных—вот что оставит она в память о себе. Сколько тысяч здоровых, молодых людей вырвало царское правительство из крестьянских и рабочих семей, сколько пущено по миру жен, матерей, сколько малюток осталось без хлеба — всех не перечесть. Да, целым морем слез, потоками крови залило правительство несчастную страну, многострадальную Россию. Погубив бессмысленно и зверски столько людей, причинив бездну страданий и мук—оно смеет и теперь еще нагло лгать несчастному народу. Всеми силами старается оно доказать, что мир заключен почетный, что Россия попрежнему осталась великой державой на Дальнем Востоке, что по прежнему может оно растрачивать силы и средства народа для преступных затей в Манчжурии и на Амуре.

Не Япония приняла наши условия мира, как говорит правительство, а представители побитого самодержавия с Витте во главе, при помощи президента Рузвельта, выпрашивали у японца уступок и принуждены были согласиться на большую часть японских условий. Мы не платим контрибуции.—Да, но самодержавие отдает лучшую половину Сахалина, уплачивает расходы за содержание сотни тысяч пленных, на веки отказывается от Кореи, на которую так зарились хищные вороны царской своры, отдает Манчжурию, Порт-Артур, Дальний и всю железную дорогу, почти до Харбина. Все, что строило оно руками русских рабочих, на средства, выжатые из русского крестьянства—все это теперь переходит в руки победителей. Да, настал тот день когда самодержавие, наконец, попятилось назад. Много сотен лет гнало оно русских крестьян и рабочих на новые и новые войны. Все больше земель прибирало оно в свои хищные когти, все новые и новые народы губило и разоряло оно, и, наконец, времена изменились. Уже не самодержавие берет, а другие отбирают у него то, что оно награбило нечистыми своими руками. Пора открыть, наконец,

всем глаза, пора понять, что царское правительство—злейший враг русского народа, что нарочно гнало оно забитый народ покорять и обращать в рабство другие народы, чтобы тем лучше душить всех и вся.

Мы, представители рабочего класса, социал - демократы, с самого начала войны громко требовали мира. 9 января Петербургские рабочие о том же просили царя, за что и были расстреляны царскими генералами. Мир — грозно требовали и матросы броненосца „Потемкин", которые поднялись против царского самодержавия и об'явили ему войну. Мира требовали все сознательные защитники народных нужд.

Война велась не в интересах и не для блага народа, она велась в интересах ничтожной кучки прихвостней царизма, в интересах укрепления царского самодержавия. Оно связало по рукам и ногам Российский великий народ, завязало ему глаза и зажало рот, лишило его свободы говорить, писать, думать и собираться; в этой тьме, в этом тумане разгорались у царской шайки безудержные аппетиты. Она бешено сорила деньгами направо и налево, забиралась в чужие земли, проводила там железные дороги, строила крепости и города, угнетала мирный народ, развела грабеж и разврат—одним словом, хозяйничала „по самодержавному". Царь, великие князья и их прихвостни набивали и без того полные карманы наглым грабежом несчастных манчжурцев. Самодержавие не знало пределов, кичливые своей бумажной силой, оно дерзко задирало японцев. Оно явно стремилось к войне. Ведь победоносная война — думало оно — пустит пыль в глаза русскому народу. Пред победоносным самодержавием преклонятся все и он тогда на приволье расправится со всеми своими врагами,—задушит рабочих, еще больше закабалит крестьян, уничтожит всех, кто идет против него. Железной метлой вымести страну, во что бы то ни стало задержать грядущее возмущение народа — революцию.

Обчелся царь-последыш. Самодержавие было обречено на поражение в борьбе с культурным народом. Для успешной войны прежде всего нужны развитые, самостоятельные, образованные солдаты и офицеры. Таких солдат не надо царю! Такие солдаты не будут служить послушным орудием в руках деспотизма, не станут без рассуждения расстреливать своих братьев, когда они добиваются лучшей жизни, прав и свободы.

Царь больше всего заботился о борьбе с „внутренними врагами“, т. е. российским народом, и, понятно, ему нужно держать войско невежественным и забитым, пусть оно терпит поражение, пусть льется задаром солдатская кровь, только бы войско было „верноподданное“.

Царское правительство живет насилием, обманом, грабежем и хищениями, непрерывно сеет вокруг себя воровство и казнокрадство, беспечность и ложь. Его слуги — чиновники, военные и штатские—холопы, невежды и тунеядцы, обманщики. Все военное могущество царя было велико на бумаге, в фальшивых отчетах царских лакеев. Все грозные флоты, пушки, крепости—это мыльный пузырь, лопнувший от первого толчка, оставив лишь кровь, да грязь.—Оно не подготовлено к войне, его застали врасплох. Так к чему же, к чему оно годится еще. Ведь мы слышали сотни раз, что все злодейства внутри страны, весь произвол и насилие, все поборы с народа оправдываются тем, что-де правительство за то всегда защитит нас от внешних врагов.—Что же. Что ни бой—то страшное поражение царских войск. Крепости, корабли сдают, армии бегут и сдаются, броненосцы тонут, как утюги. Гибнут сотни миллионов денег, сотни тысяч людей — наших братьев. Ужасная, позорная война. Неужели она еще не всем доказала, что народ, лишенный свободы, лишенный прав, народ—каторжник, народ рабов, а не граждан — не может устоять против свободного народа. Не только для блага народа и спасения России от страшных внутренних язв, но и для защиты от внешних врагов нужно свергнуть царизм. Вся гниль и мерзость отжившего строя брызнула наружу, под железной рукой роковой войны. Рабочий класс, а за ними и крестьянство, градом стачек, демонстраций, вооруженных столкновений теперь доказали, что покорность народа царю—старая, глупая сказка. Военная сила и та изменяет царизму и когда с театра войны придут к нам сотни тысяч солдат, на себе испытавших весь ужас царского господства, то самодержавие получит последний гибельный удар. На знамени восставшего народа стоят роковые слова: „Всенародное Учредительное Собрание“. Народ сам возьмет в свои руки судьбу свою. Паразиты—цари и министры—прочь! Близок день, когда очищающее пламя восстания сожжет смрадный труп царизма.

Суд над врагом народа, освобождение народа от всех политических уз, уничтожение остатков крепостничества, решение вопроса о войне и мире—вот, что по нашему стоит перед Учредительным Собранием.

Мир прочный и выгодный для народа может заключить только сам народ. Ведь он платит налоги, ведь его сыновья умирают на поле войны. Но мало того, японцы иначе заговорили бы со всем великим народом, чем говорят они с приказчиками позорного ненавистного самодержавия.

Вот как говорили и говорим мы, социал-демократы. Мир должен быть заключен не царем, а народом; не Витте царским слугой, а доверенными народа. Но трусливое самодержавие ко всем своим винам прибавило еще одну. Потеряв надежду на военный успех, опустошив казну, потеряв кредит в России и за-границей, чувствуя близость восстания, оно еще решилось заключением невыгодного мира взять всю ответственность за весь позор войны. Еще на днях Николай Романов нагло хвастался, говоря: „ни пяди земли японцу“ еще вчера говорил, что не подпишет позорного мира. Сегодня всему свету известно, что царь согласился на уступку половины Сахалина. Преступление правительства наполнили чашу—черед за народным судом. Когда вернется домой разбитая армия, когда рабочий класс поведет на бой восставший народ, тогда пробьет последний час самодержавия. И час этот близок, уже слышны громовые раскаты. Да, гроза гремит. В шуме грозы звучит приговор „горе убийцам народа“, горе тем, кто накликал беду на народ, горе тем, кто в минуту народной беды нашел силу глумиться над ним.

Сентябрь 1905 г. Казанский Комктет РСДРП.

№ 5.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ.

Граждане!

Революция идет! Народ поднялся на бой за свободу! Льется кровь наших братьев, товарищей! Вооруженное восстание уже началось! Достаточно было ничтожной искры, чтобы вспыхнул грозный пожар восстания! По всей России железные дороги забастовали! Шестой день как движение по ним прекращено. Вся жизнь страны замирает! Это было грозным ответом на возмутительное насилие царского самодержавия. Правительство арестовало тех депутатов от железнодорожных рабочих, которых оно призвало в комиссию Покатилова для обсуждения вопроса о пенсионной кассе.

Депутаты по поручению своих избирателей выгнали вон чиновников с Покатиловым во главе и выставили следующие главные требования: 1) полную свободу слова, 2) немедленный созыв Всенародного Учредительного Собрания, созванного на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Забастовка железных дорог послужила сигналом к восстанию, В Петергурге на грандиозных собраниях рабочих было решено начать всеобщую забастовку. Забастовали Балтийский, Обуховский, Невский судостроительный, Александровский и все другие заводы, фабрики и мастерские. Забастовали приказчики, типографы и другие. Массы народа пришли в движение. Наряду со многими сведениями, рисующими нам яркую картину восстания, вот что говорится в одной частной телеграмме. „В Петербурге сотни тысяч рабочих и народа вышли на улицы. Против них были двинуты вся гвардия, полиция и другие войска. Началась страшная битва. Много тысяч убитых и раненых и с той и с другой стороны. Но войска не устояли, некоторые полки отказались итти против народа. Министры бежали из Петербурга. Остался один только шарлатан Витте. Вход в Зимний дворец разломан, депутаты освобождены народом из Петропавловской крепости вместе с политическими заключенными. Николай II не решается выходить из дворца, он в плену у народа". Революция быстро перекинулась по всей

России, В Москве, Харькове, Киеве, Екатеринославе, Коврове, Саратове, Самаре, Курске, Воронеже, Лодзи, Варшаве и многих других городах рабочие уже примкнули к всеобщей политической забастовке. Всюду происходят громадные собрания рабочих, народ вооружается, начались боевые схватки с войсками. Власти с трудом удерживают в своих руках банки и телеграфы. Правительственные и учебные заведения закрываются по требованию народа. Вооруженное восстание переносится на всю Россию.

Граждане. совершилось то, о чем говорит, начиная с 9-го января Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Народ поднялся на ненавистное всем царское самодержавие, с оружием в руках завоевывает себе свободу. Громадные жертвы, павшие в эти дни на улицах Петербурга, падут проклятием на наши головы если мы сумеем завоевать себе свободу. но не сумеем уничтожить царизма. Прочь всякие мечтания о том, что Всенародное Учредительное Собрание мы не сможем получить до и без вооруженного восстания народа! Восстание уже началось, а царское самодержавие бормочет подлые и предсмертные хрипы об ограничении свободы собраний и созыве опротивевшей всем Государственной Думы. Перед народом стоит вопрос: довести восстание до победоносного конца и закрепить плоды этой победы. Для этого нужно свержение царского самодержавия. Власть должна быть вырвана из рук самодержавной шайки. Все чиновники и враги народа должны быть преданы народному суду. Все правительственные учреждения должны прекратить свое существование. Телеграммы нам говорят, что министры бежали, что Витте остался! Эта лиса, заигрывающая с либералами, рассчитывает отделаться от народа жалкими уступками и войти в соглашение с помещиками и фабрикантами. Но прочь этих бывших слуг царя! Прочь либералов, лизавших лапы у кровавого царя! Народу нужно его правительство! Временное Революционное Правительство! Оно должно состоять из людей действительно отстаивавших интересы народа! Вожди вооруженного восстания народа боровшиеся в рядах его—вот кто должны быть членами этого революционного правительства. И оно, провозгласив уничтожение царской монархии и установление Демократической Республики, должно прежде всего: 1) вооружить восставший народ и разоружить постоянную армию, 2) ввести 8-ми часовой

рабочий день, 3) создать в деревнях крестьянские комитеты для освобождения крестьян от ига помещиков, 4) ввести полную политическую свободу и гражданское равенство, 5) дать всем национальностям право на свободное самоопределение и, наконец, подготовить созыв Всенародного Учредительного Собрания. Это временное Правительство должно будет вести отчаянную и беспощадную борьбу со всеми, кто захочет ограничить плоды народной победы, со всеми либералами, вступающими в союз с остатками самодержавия.

Граждане! наступил решительный день! И мы в Казани должны присоединиться к восстанию, должны отозваться на призыв. Идите все на собрания и митинги, где будут обсуждать вопросы: „Что делать". Бросайте работу и присоединяйтесь ко всероссийской политической забастовке. Пусть остановится работа на всех фабриках, заводах, мастерских магазинах! Пусть прекратится деятельность всех правительственных и учебных заведений. Вооружайтесь, граждане! На бой! А вы, солдаты, не стреляйте в народ, не проливайте народной крови! Когда вас выведут на улицы, соединяйтесь с рабочими и вместе мы победим. Переходите с оружием в руках на сторону восставшего народа и сообща мы свергнем проклятое самодержавное иго!

Да здравствует Всероссийская Забастовка!

Долой монархию!

Да здравствует Революция!

Да здравствует Временное Революционное Правительство!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Октября 1905 года.

Казанский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

№ 6.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Солдатская памятка.

Солдат, помни, что ты на смерть идешь.

Не увидать тебе больше ни отца, ни матери, ни жены, ни детей.

Забудь их, солдат, не вспоминай.

Забудь своих братьев и сестер. Забудь родных и товарищей. Они с голоду умирать будут, они в рубище ходить будут. Забудь солдат.

Помни, ты на смерть идешь.

Забудь поля родные и двор и дом. Не увидать тебе их больше. Умрешь в Манчжурских трясинах; китайцы тебя лопатами кой-как загребут в общей куче и даже имени твоего не будет помянуто. А будет сказано: „Убито в сражении столько-то". Как на скотобойне: столько-то быков, столько-то баранов.

Ибо ты—солдат. Помни, ты идешь на службу царскую.

Вырви грусть из груди своей. Вырви жалость. Все дорогое вырви из памяти. Любил ты кого. Забудь. Твоя милая другого полюбит, твою милую другие любить будут. Не веришь. Постой—коли бедна она, любовь ее за деньги купят.

Забудь солдат. Ты на войну идешь.

Помещики, фабриканты, купцы, все, у кого богатство есть и связи, те дома останутся. Они и над сестрами над твоими надругаются. Им жизнь в сласть. А ты иди—тебе умирать надо.

Иди солдат и не оглядывайся.

Не оглядывайся назад. Дома страх и ужас, дома горе безысходное, дома стыд и посрамление.

Ты может быть в жизни своей о чем нибудь старался. Добивался чего-нибудь. Думал трудами рук своих устроить себе мирный уголок,

Хозяйство. Кров для семьи. Брось, не думай об этом, пропало все...

Ничего не будет больше, все разрушено, все труды твои даром сгинут.

Ты на войну идешь. Вернешься калекой или больным, если вернешься калекой или больным, если вернешься — да и когда вернешься!

Не думай, не вспоминай. Из сердца своего с корнем вырви память о прошлых днях.

Сердца добрые порывы и жизни радость, к счастью трепетное стремление, и любовь, всю душу свою уничтожь. Не нужна она. Царю только тело твое нужно, нужны твои руки, чтобы убивать японцев, нужна твоя грудь, чтобы подставлять ее под вражеские пули.

Солдат, помни, что ты идешь убивать своего ближнего.

Японец человек, как и ты.

Дали ему в руки ружье и погнали на войну—как и тебя.

У него дома жена, дети, родители, родные нужду терпят и слезы льют—как и у тебя.

Он поневоле на войну идет—как и ты.

Встретитесь вы в чужой стране и наброситесь друг на друга, как дикие звери. Никакого вы зла друг другу не сделали, жили каждый в своей стране мирным трудом,—а встретитесь—станете осыпать друг друга гранатами и пулями. Помни, так начальство велит.

Тебе заповедь Христова говорит: „не убий“. Забудь: начальство тебе велит убивать. Тебе заповедь Христова говорит: „чти отца и мать“. Забудь, на службе царской: если начальство прикажет, ты должен стрелять и в отца и мать.

Ведут тебя на японского крестьянина, ведут тебя и на собственного брата — мужика или рабочего. Ведут усмирить народ. Когда ты ружье поднимешь к прицелу, помни—в твоей деревни или в твоем городе такой же как и ты солдат в это время быть может ружье подымает на твоего родного отца и брата. Если все же рука твоя не дрогнет — стреляй. Это значит, ты потерял и память и совесть и стал безчувствен, как штык холодный, омытый кровью.

Стреляй солдат. Отцу и брату стреляй в глаза, матери и сестрам в сердце. Чтобы не видели глаза отцовские, на кого ты руку подымаешь. Чтобы не болело сердце материнское о том, до чего пришлось дожить.

Убивай солдат. Подымай на штык жен беззащитных и детей. Такова воля царская.

Солдат, помни, что в воскресенье 9-го января 1905 года шел русский народ к царю.

Он шел к нему с надеждой и преданностью, как дитя к своему отцу.

Шли сотни тысяч рабочих, а с ними жены их и дети. Впереди шел священник с крестом.

Народ хотел поведать царю свое горе. Он нес к царю также свое горе, солдат, горе всех трудящихся и обездоленных людей.

А в ответ на это, по повелению царя, в беззащитную толпу грянули пушечные залпы...

Вот как православный царь говорит с своим народом.

Вот он. победоносный русский царь—он победы одерживает над женщинами и детьми.

Вот он, царь народолюбец — он залил кровью своего народа улицы своей столицы и наполнил рабочие квартиры вдовами и сиротами.

Стон и плач идут по всей русской земле. Солдат, ты слышишь ли?

То плачут жертвы царской расправы, то стонет народ под рабским ярмом.

В госпиталях лежат окровавленные тела—не враг их изранил, а рабочие руки русского солдата.

Вдумайся солдат. Кто твой враг и где он.

Ты сын народа. Мирный труженик—твой друг. Или царские барабаны отбили тебе слух и память, и ты не знаешь больше, откуда ты родом. Когда кончится служба, ты вернешься домой, все же к рабочему люду. Твои родные, твои старые или новые товарищи тебя спросят: „Когда в нас целились солдатские ружья, „ты где был"?

Тебе скажут: „Не ты ли тот, который убил моего брата". И если ты слушался царской команды и убивал народ, то матери на тебя будут указывать своим детям и будут говорить: „Смотрите, вот тот, который вас сделал сиротами". „Вот эта рука всадила штык в грудь вашего отца".

А если этого тебе люди не скажут, то скажет тебе твоя совесть.

Ты увидишь собственными глазами несчастных жертв царской расправы, увидишь нищих-детей и калек, и ты вспомнишь как ты стрелял в народ и работал штыком.

Ты—сын народа. Поэтому когда ты вернешься к народу, то в тебя самого будут стрелять солдатские ружья.

Не народ твой враг, твой враг тот, кто тебя заставляет стрелять в народ.

Враги народа—твои враги.

Не иди против народа, а иди с народом против его и твоих врагов.

Солдаты, великое дело затеял русский народ и зовет вас к себе.

Народ подымается в городах и во всей стране, чтобы завоевать России свободу и политические права. Надо прежде всего свергнуть царя и назначить народное правительство. Солдаты, если вы пристанете к народу, то это дело будет сделано. Если вы за народ, то никто не может пойти против народа.

Солдаты наберитесь мужества. Не дайте себе туманить головы.

Отказывайтесь стрелять в народ.

Если офицеры будут стрелять в народ, стреляйте в офицеров, переходите на сторону народа, становитесь в его ряды и с ним заодно идите к другим полкам звать их на общее дело с народом.

Солдат, помни, перед тобой одно из двух: либо стать убийцей, народным палачем и остаться прямым рабом, быть может умереть за царя, на войне, либо завоевать себе и всему русскому народу свободу и права. Другого выбора нет.

Центральный Комитет РСДРП. Издание „Искра".

Переиздано Казанским Комитетом РСДРП. 25-го февраля 1905 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От Истпартотдела ОК ВКП(б) III
От переводчика V
Введение 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Накануне первой революции.

I. Положение татар в Российской Империи 7
II. Классовые противоречия и расслоения среди татар . 10
III. Предпосылки революции и подготовка к ней 25
а) Времена схоластики и „мектеб“ старого типа . . . 26
б) На путях к обновлению и реформам 27
в) Реформы в медресе 29
г) Движение джадидов (ново методистов) 30
д) Новые веяния в области изучения языка и литературного творчества 31
е) Политический момент 33

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Главнейшие политические течения среди татар.

I. Против самодержавия 37
II. Внутренние расслоения 40
III. Первые революционные шаги татарских рабочих и группа „Уралчелар“ 41
1) Организационные вопросы 43
2) Партийные организации 45
3) Кружковая работа 51
4) От кружков к массовому движению 54
5) Первые шаги (Кукморское событие) 55

Стр.
6) Январь 1905 года 58
7) Татары в июльских событиях 62
8) События 16-го ноября 69
9) Октябрьские дни 70
10) Подготовка к вооруженному восстанию 75
11) События 12-го декабря 80
IV. Татарские прокламации, как средство агитации и пропаганды 83
V. Газета „Урал“ 88
1. Руководители газеты „Урал“ и ее организационные связи 90
2. Программа и тактика „Урала“ 91
а) Вопросы общего характера 92
б) Отражение татарской общественной жизни в газете „Урал“ 96
VI. О наших первых большевиках:
1) Зариф Сафар Галеев 107
2) Хусаин Ямашев 110
Партийная работа Х. Ямашева 112
3) Галимджан Сейфутдинов 117
Письмо из тюрьмы 119
Вещи отобранные при обыске 121
В ссылку 122
Работа в „Урале“ 123
4) Садык Сагеев 124
5) Сеид Джагфар Якубов и Сибгат Гафуров 128
6) Ибрагим Муратов, Вахитов и другие 132

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Татарская буржуазия и ее партия „Иттифак“.

I. Элементы буржуазного движения 138
II. Организационный вопрос:
а) Процесс организации 141
б) Первый с'езд буржуазного Иттифака 145
в) Второй с'езд „Иттифака“ 150
г) Третий с'езд татарской буржуазии 152
III. Программа „Иттифака“ 158
IV. О тактике татарской буржуазии:

Стр.
а) Вопрос о блоке 162
б) Татарская буржуазия на с'езде у кадетов 165
е) „Петиция“ татарской буржуазии к кадетам 166
г) Тактика во фракциях государстоенной думы . . . 168
д) Компромисс с религиозниками 172

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Группы мелко-буржуазного социализма 179

1. Движение шакирдов Ислахистов:
а) Положение шакирдов 180
б) „Масса“ и „авангард“ 182
в) Организационный вопрос 183
г) Ход и форма движения 188
д) Смысл движения 191
II. Движение среди приказчиков татар:
а) один из эпизодов борьбы 194
б) Положение приказчиков татар 196
в) Организация приказчиков и формы их движения . 198
г) Желтые идеи 200
III. „Тангчелар“, „Думачелар“, „Азадхалукчелар“ 202
1. Группа „Тангчелар“ 202
а) Программа и организация 204
б) Методы борьбы 209
2. „Думачелар“ („думовцы“, мусульман хезмат таифасэ) 219
3. „Азад Халук“ 222

Татарские черносотенцы 225
Заключение 229
1) Периодическая печать 229
2) Разработка татарского литературного языка . . . 230
3) Вопросы реформы учебы, мектеб и медресе 232
4) Культурные организации 233
5) Татарский театр 233
6) Национальный момент 234
Политические результаты 238

К вопросу о крестьянском движении в первую револ. 242

Приложения 243

Список главнейших опечаток, которые просим исправить перед чтением книги:

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
4	19	везде в	везде: в
12	10	делать	создавать
15	7 снизу	выделялись	выделились
16		государственным	государственных
17	21	много	многого
29	3 снизу	первым	первый
47	6 „	борьбы,	борьбы
51	16 „	положениях	основаниях
75	6 „	мыступления	выступления
89	15 сверху	:	.
91	7 „	.	,
94	13 снизу	Однаброшюра	Одна брошюра
98	8 сверху	С‘езды	с‘езды
99	15 снизу	делагата	делегата
107	в сноске	вопросу.	вопросу материалы.
126	17 сверху	подвергнут	подвергнуть
137	4 „	или	и
138	16 снизу	в Татарии	среди татар
152	6 „	лпротека	протекал
159	5 „	движения и	движения
163	5 сверху	приблизительно	приближается
170	1 снизу	всего	этого
189	9 снизу	умиского	уфимского
190	8 „	шакирдамн	шакирдами
217	1 „	на чнуиздавать	начну издавать

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

От Истпартотдела ОК ВКП(б).

Пользуясь случаем настоящего издания, Истпартотдел ОК обращается с большой просьбой ко всем товарищам, располагающим какими либо материалами, относящимися к истории революционного движения и работы нашей партии среди татарского пролетариата и крестьянства, доставлять таковые в Истпартотдел ОК по адресу:

Татреспублика, Казань, Тат. Областной Комитет ВКП(б), Истпартотдел.